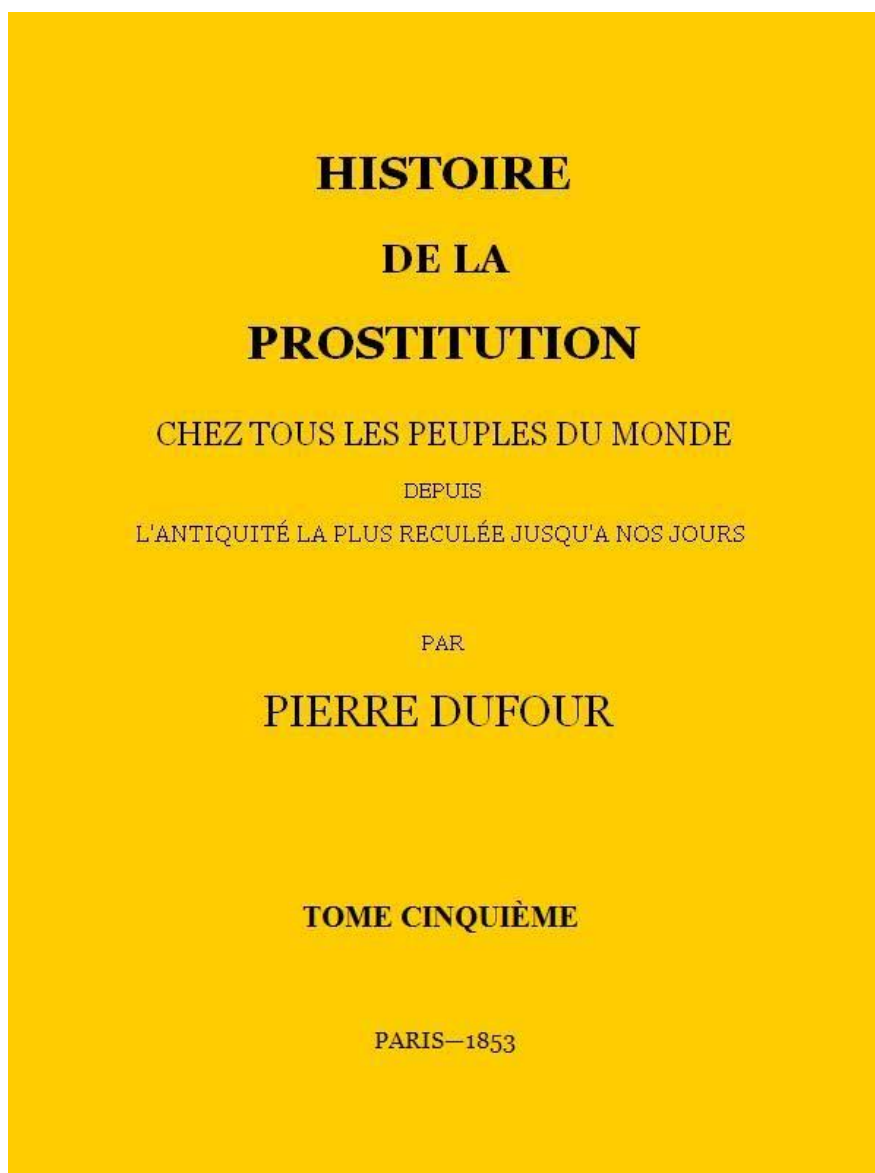

История проституции у всех народов мира с самой отдаленной древности до наших дней, том 5/6

П. Л. Жакоб

The Project Gutenberg eBook of Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde depuis l'antiquité la plus reculée jusqu'à nos jours, tome 5/6

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других стран мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde depuis l'antiquité la plus reculée jusqu'à nos jours, tome 5/6

Автор: П. Л. Жакоб

Дата выхода: 26 ноября 2013 [eBook #44285]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Французский

Аккредитация: Подготовлено Лораном Вогелем, Бибимбопом, Ги де Монпелье и группой распределенной корректуры онлайн по адресу <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print проекта Google Print).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HISTOIRE DE LA PROSTITUTION CHEZ TOUS LES PEUPLES DU MONDE DEPUIS L'ANTIQUITÉ LA PLUS RECUÉE JUSQU'À NOS JOURS, TOME 5/6 ***

Примечание к транскрипции:

Ошибки, явно допущенные типографом, исправлены. [Более подробное примечание](#) приведено в конце книги.

Данный текст содержит некоторые греческие слова и выражения, такие как ἐφιάλτης. Если они отображаются неправильно, проверьте набор символов, используемый для отображения. В качестве альтернативы проведите мышью по тексту, и на экране появится транслитерация латинскими буквами.

Оглавление можно найти [здесь](#).

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ У ВСЕХ НАРОДОВ МИРА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН И ДО НАШИХ ДНЕЙ, АВТОР: ПЬЕР ДЮФУР,

Член нескольких французских и иностранных академий и научных обществ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

20 прекрасных гравюр на стали, выполненных самыми выдающимися художниками.

ПЯТЫЙ ТОЛСТЫЙ

ПАРИЖ, 1853.

SERÉ, ÉDITEUR, RUE SAINT-ANDRÉ-DES-ARTS, 52;

И МАТИНОН, УЛИЦА ГРЕНЕЛЬ-СЕН-ОНОРЕ, 14.

ТИПОГРАФИЯ PLON FRÈRES,

RUE DE VAUGIRARD, 36, В ПАРИЖЕ.

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ

У ВСЕХ НАРОДОВ МИРА С САМОЙ ОТДАЛЕННОЙ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ, АВТОР:
ПЬЕР ДЮФУР,

Член нескольких французских и иностранных академий и научных обществ.

ТОМ ДЕВЯТЫЙ.

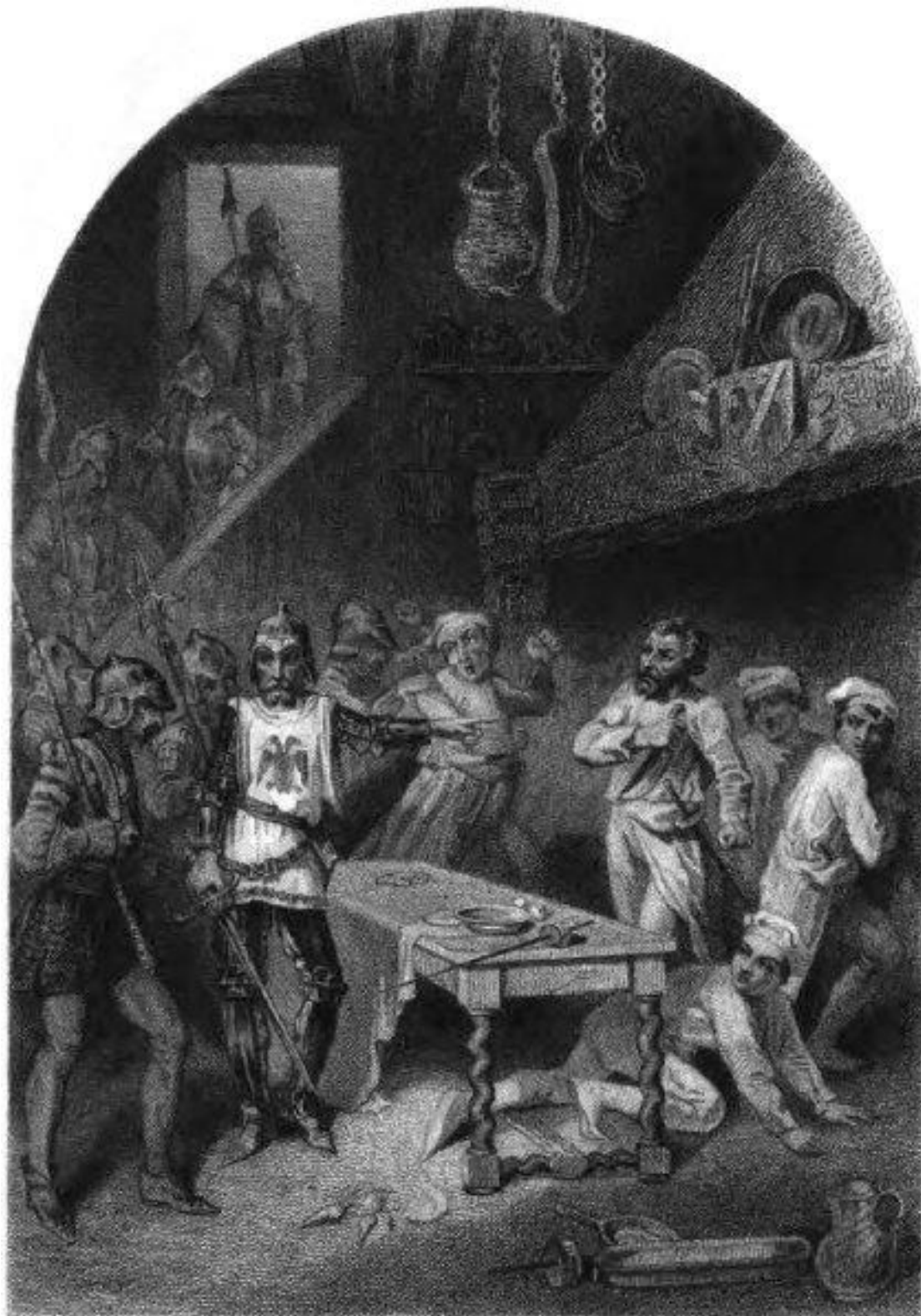
ПАРИЖ-1853

SERÉ, ÉDITEUR, 52, RUE SAINT-ANDRÉ-DES-ARTS,

И

P. MARTINON, RUE DE GRENNELLE-SAINT-HONORÉ, 14.

ФРАНЦИЯ.

- J. Вейрассат дель.
- Имп. Delamain 8, r. Ги-ле-Кёр, Париж.
- Фрилли Ск.

Арест Ричарда Кюр де Лиона в кабаре

ИСТОРИЯ

ГЛАВА XXI.

Краткое содержание -Симптомы сифилиса, по Фракастору -Ослабление и трансформация вируса, начиная с 1526 года -Итальянское лечение ртутью -Французское лечение гваяковым деревом -Декрет Парижского парламента против неаполитанской болезни, в 1497 году - Первые венерологические больницы в Париже -Ордонансы Провоста Парижа и полицейские меры, при Людовике XII, Франсуа 1^{ег}и Анри II.-Возникновение сифилиса в провинциях с 1494 года -Врачи отказываются лечить больных -Триумф Высочайшей и Могущественной Дамы Покс -Эта чрезвычайно редкая книга, приписываемая Рабле под псевдонимом Мартин Дорчино.-Цитата отрывка из "Пантагрюэля". -Руанский *горр*. - Сифилитические пациенты, поступившие в парижский Hôtel-Dieu. -Госпиталь Ourcine. - Исчезновение лепрозория во Франции.

Каковы были симптомы и медицинское лечение неаполитанской болезни в первые дней ее появления? Мы не должны верить, что эта ужасная болезнь, которая сначала считалась неизлечимой, на ранних стадиях имела тот же характер и тот же вид, что и во время своего упадка и стационарного периода. Можно сказать, не опасаясь выдвинуть парадокс, что эта болезнь, за редким исключением и за исключением некоторых эксцентричных обстоятельств, сегодня вернулась к тому, чем она была до чудовищного соединения проказы и венерического вируса. Уже в 1540 году, по свидетельству Гикхардена, который датировал возникновение эпидемии 1494 годом, болезнь "стала намного мягче и сама превратилась в несколько видов, отличных от первого". В первое время, то есть в период после внезапного и почти повсеместного распространения этой неизвестной болезни, которую врачи считали *мором*, симптомы были вполне достойны того страха, который они внушали, и вполне понятно, что во всех странах, где вспыхивала болезнь, полицейские правила, подражая тем, которые когда-то были введены против проказы, отсекали от общества живых несчастных жертв этой позорной чумы. Предполагалось также, что заражение происходит более мгновенно, более быстро и более неизбежно, чем при любой другой заразной болезни. Не было известно также, передается ли болезнь исключительно при плотском контакте; предполагалось, что само дыхание или взгляд больного человека могут передать инфекцию.

Все врачи, наблюдавшие болезнь в период с 1494 по 1514 год, который относят к первому периоду ее распространения и развития, кажется, потрясены своими собственными наблюдениями; они соглашались и повторяют друг друга в большей или меньшей степени в описании сифилитических симптомов, которые не могут быть одинаковыми у всех пациентов, но которые, тем не менее, формируют примитивную конституцию болезни в Неаполе. Жером Фракастор прекрасно обобщил трактаты своих современников Леоникено, Торрелла, Катанео и Альменара в книге *De Morbis contagiosis*, в которой он описывает симптомы, наблюдаемые им самим, когда он изучал медицину и преподавал философию в Веронском университете. Фракастор так описывает ужасную картину первоначальной неаполитанской болезни: "Больные были печальны, измождены и подавлены; их лица были бледны. У большинства из них были язвы на позорных местах; эти язвы были упрямы; когда их вылечивали в одном месте, они появлялись в другом, и всегда все повторялось сначала. Затем на коже появлялись гнойники со струпами: в одних случаях они начинались с головы, и это было наиболее распространено; в других - появлялись в других местах. Сначала они были маленькими, потом постепенно увеличились до размера скорлупы желудя, который они напоминали; кроме того, они были очень похожи на детские колыбельные колпачки; у

одних эти пустулы были маленькими и сухими, у других - большими и влажными; у одних - синюшными, у других - беловатыми и немного бледными, у третьих - твердыми и красноватыми. Через несколько дней они вскрывались и непрерывно выделяли невероятное количество зловонной, поганой жидкости. Как только они вскрывались, это были настоящие фagedенические язвы, разъедающие не только плоть, но даже кости. У тех, чьи верхние части тела подвергались нападению, возникали злокачественные флюктуации, которые иногда разъедали нёбо, иногда трахею, иногда пищевод, иногда миндалины. Одни теряли губы, другие - носы, третьи - глаза, четвертые - все свои позорные части. У многих на конечностях образовывались липкие опухоли, которые уродовали их и часто были размером с яйцо или булку. Когда они вскрывались, из них вытекала белая слизистая жидкость. В основном они поражали руки и ноги; иногда они изъязвлялись, а иногда становились мозолистыми до смерти. Но, как будто этого было недостаточно, в конечностях также появлялись сильные боли, часто одновременно с гнойниками, иногда раньше, иногда позже. Эти боли, длительные и невыносимые, ощущались в основном по ночам и затрагивали не сами суставы, а тело конечностей и нервы. У одних, однако, гнойники были без боли, у других - боль без гнойников, у большинства - гнойники и боль. Однако все конечности находились в состоянии вялости; пациенты были худы и истощены, не имели аппетита, не спали, всегда были грустными и угрюмыми и всегда хотели оставаться в постели. Их лица и ноги опухали. Иногда, но редко, появлялась слабовыраженная лихорадка. Некоторые страдали от головных болей, но они были продолжительными и не поддавались никаким средствам". Мы сожалеем, что воспользовались громоздким и неверным переводом доброго человека Жо, который, будучи сделан под руководством Аструка, дает очень слабое представление о твердом, элегантном и поэтическом стиле Фракастора, но мы хотели предоставить это дело человеку искусства, чтобы он дал здесь скорее медицинский, чем литературный перевод.

Можно ли представить себе, что, прочитав столь характерное описание, ученый Фракастор должен был в том же произведении отрицать поразительную аналогию, существующую между проказой и неаполитанской болезнью? Последняя, будучи не более чем осложнением проказы под влиянием венерического вируса, должна была быть тесно связана с паховой чумой шестого века и *mal des ardents* девятого, которые также были не более чем эпидемическими трансформациями слоновости. Но начиная с 1514 года болезнь в Неаполе также претерпела метаморфозы, несомненно, вызванные тем, что мы будем называть скрещиванием. Жан де Виго первым упомянул о костлявых белках, которые появлялись у пациентов по меньшей мере через год после ужасных внутренних болей во всех конечностях. Эти белки, сильно мучившие пациента, особенно по ночам, всегда приводили к кариесу позвоночника. Пьер Манарди, который умело лечил сифилитические заболевания примерно в то же время, что и Жан де Виго (1514-1526), упоминает новые симптомы, свидетельствующие о венерическом вирусе: "Главный признак французской болезни, - пишет он в главе 4 своего трактата *De Morbo gallico*, - состоит в пустулах на конце пениса у мужчин, у входа в вульву или у шейки матки у женщин, а также в зуде в местах, содержащих сперму. Чаще всего эти пустулы изъязвляются; я говорю "*чаще всего*", потому что видел пациентов, у которых они затвердели, как бородавки, ногти и лук-порей". Похоже, что в этот второй период неаполитанская болезнь, несмотря на некоторые симптоматические вариации, сохраняла всю свою интенсивность. Однако с 1526 по 1540 год наступил период спада, хотя венерическое заболевание проявлялось в опухоли паховых желез и в выпадении волос. Иногда вирус проникает в пах и опухают железы, - говорит французский врач Антуан Лекок, опубликовавший в 1540 году свой труд *De Ligno sancto*; - если опухоль нагноится, это часто бывает хорошо. Эта болезнь называется *бубоном*; другие называют ее *жеребьячьей*, в насмешку над больными, особенно когда они ходят с расставленными ногами, как будто сидят верхом". Что касается потери волос и волос на теле, то это следует отнести не столько к

болезни, сколько к меркуриальному лечению, которому он подвергался. "В течение примерно шести лет, - писал Фракастор в 1546 году, - болезнь снова значительно изменилась. Теперь мы видим пустулы лишь у очень немногих пациентов, боли почти нет или она гораздо слабее, но много липких опухолей". Одна вещь, которая удивила всех, - это выпадение волос и других волос на теле..... Сейчас ситуация еще хуже: многие зубы расшатаны, а некоторые даже выпадают. Очевидно, это было следствием применения ртути в итальянской медицине; но во Франции, где преобладало использование растительных средств и особенно гваякового дерева, происшествия болезни существенно отличались, что позволяет нам предположить, что болезнь в Неаполе, удалившись от своего источника, снова стала исключительно венерической и освободилась от проказы, или фарцина, или любого другого заразного заболевания, с которым она заключила прелюбодейный союз.

Мы не станем углубляться в подробности вырождения болезни в Неаполе; мы лишь хотели дать понять, что проказа всегда сохранялась под маской этой новой болезни и что климат, темперамент и местные условия оказывали самое непосредственное влияние на причины и последствия болезни. Нет необходимости каким-либо другим способом демонстрировать, какое ужасное влияние оказывало в то время общественное распутство на здоровье тех, кто ему предавался. Невозможно отрицать, что болезнь имела такую коммуникативную природу, что заражение могло существовать во многих случаях без венерического акта, служащего проводником; поэтому можно предположить, что если бич проник, неизвестно каким путем, в глубь честных семей, то он неизбежно должен был быть связан с занятиями проституцией. Общество женщин с дурной репутацией никогда не было столь опасным, как в течение пятидесяти лет после первого появления чумы, ибо только впоследствии возникло подозрение, что эта чума, порожденная нечистым ремеслом, передается быстрее и вернее при сексуальных контактах, чем при любом другом контакте или знакомстве. Нравы во Франции были более упорядоченными, чем в Италии, и развратники, для нужд которых оставались открытыми места проституции, жили совершенно вне обычной жизни. Именно среди них впервые проявило свою ярость и опустошило Неаполь зло, причем медицина и хирургия не обращали на них внимания и не оказывали им помощи, которая считалась бесполезной для пациента и позорной для врача. Несколько неприкаянных школяров, аптекарей и старых свах, которым хорошо платили за консультации и лекарства, отважились лечить *бедных паразитов*, как их называли, и сделали несколько исцелений, используя эмпирические рецепты, известные с незапамятных времен для лечения гнойничковых заболеваний. Но только в 1527 году настоящий врач Жак де Бетенкур осмелился скомпрометировать себя, опубликовав исследования и советы по лечению сифилиса в небольшой книге под названием *Nouveau Carême de pénitence ou purgatoire du mal vénérien (Nova penitentialis Quadragesima necnon purgatorium in morbum gallicum seu venereum)*. До Жака де Бетенкура только один французский врач, оставшийся неизвестным, осмелился включить *средство против оспы* в свой французский пересказ "*Санитарного режима*" Арнуля де Вильнева, опубликованный в Лионе в 1501 году. Можно было бы подумать, учитывая, насколько искусство оставалось чуждым этой болезни в Неаполе, что это грозное зло еще не проникло во Францию, тогда как оно распространилось повсюду, несмотря на все усилия религиозных, политических и муниципальных властей. Следует, однако, отметить, что болезнь редко поражала честных людей, а концентрировалась, так сказать, в отвратительных слоях общества, среди женщин и мужчин с дурной репутацией, бродяг, нищих, хулиганов и бесславных хозяев Судов Чудес.

В реестрах Парижского парламента от 6 марта 1497 года мы находим распоряжение, в котором сообщается, что епископ Парижа (в то время почтенный прелат по имени Жан Симон) взял на себя инициативу по принятию санитарных мер, вызванных

распространением *натуральной оспы*. Эта заразная болезнь, "которая в течение последних двух лет распространялась в этом королевстве, - говорилось в ордонансе, - как в этом городе Париже, так и в других местах", вызывала у специалистов опасения, что весной она снова размножится. В связи с этим епископ созвал в епископский дворец *королевских чиновников из Шатле*, чтобы изложить свои опасения по этому поводу; было решено передать дело на рассмотрение парламента, и суд, собравшись для обсуждения, назначил одного из своих советников, Мартина де Беллефайе, и своего секретаря, чтобы поддержать благотворительные взгляды епископа и достичь согласия по этому вопросу с прокурором Парижа. Парламент издал ордонанс, который был опубликован на улицах и перекрестках и содержал политику в отношении новой болезни. Эта политика обсуждалась в присутствии епископа Парижского, нескольких *великих и знатных людей из всех сословий*. Иностранцы, как мужчины, так и женщины, заболевшие оспой, должны были покинуть город через двадцать четыре часа после опубликования постановления под страхом наказания; они должны были вернуться либо на родину, либо в то место, где они находились, когда на них напала болезнь. Чтобы облегчить их быстрый отъезд, каждому из них при выходе через ворота Сен-Дени или Сен-Жак выдавалась сумма в 4 парижских соля, их имена записывались в письменном виде, и им запрещалось возвращаться в город, пока они не выздоровеют. Что касается больных, которые проживали и оставались в Париже, когда их поразила болезнь, то им было приказано под страхом карцера удалиться в свои дома, "не выходя в город ни днем, ни ночью". Если эти пациенты были бедны и не имели средств к существованию, они могли обратиться к своим приходским священникам и церковным старостам, которые обеспечивали их едой. Больных же, которым негде было остановиться, просили удалиться в пригород Сен-Жермен-де-Пре, где был арендован дом и устроен госпиталь. Для бедных больных женщин, которых было меньше, чем мужчин, но которые, несомненно, из стыда, скрывали свое состояние здоровья как можно дольше, в других местах будут подготовлены другие *жилища*. Уже было предусмотрено, что временного хосписа в Сен-Жермен-де-Пре будет недостаточно из-за увеличения числа больных, и было обещано, что к этому хоспису будут добавлены амбары и другие места рядом с ним, чтобы принять всех бедняков, которые будут приходить на перевязку. Расходы на содержание этих новых хосписов должен был взять на себя город, с которого собирали деньги и при необходимости взимали специальный налог. Необходимо было поставить двух бухгалтеров, одного в порту Сен-Жак, другого в порту Сен-Дени, для выдачи 4 парижских солей и регистрации имен тех, кто будет получать это пособие при выезде из города; у всех ворот Парижа должна была быть поставлена стража, чтобы больные не попадали в город *незамеченными* или *тайно*. Самой важной статьей ордонанса является восьмая, которая гласит: "Пункт: прокурор Парижа прикажет экзаменаторам и сержантам, чтобы в районах, за которые они отвечают, они не позволяли никому из этих больных ходить, разговаривать или общаться в пределах города. А если таковые найдутся, то удалить их из города или отправить и доставить в тюрьму, чтобы подвергнуть физическому наказанию в соответствии с вышеупомянутым постановлением".

Эта статья доказывает, что оспа считалась разновидностью чумы, и что с этого времени в Париже была организована санитарная служба, состоящая из *экзаменаторов и сержантов*, прикрепленных к каждому району города и призванных неукоснительно следить за соблюдением санитарных правил. Однако во время эпидемии не считалось, что воздух заражен, поскольку больным разрешалось оставаться в городе при условии, что они не выходят из своих домов. Вероятно, дома, где проживали больные, обозначались какими-то внешними признаками, например тюком соломы, висевшим на одном из окон, или черным деревянным крестом, прибитым к двери. Подобное обозначение, по крайней мере, требовалось от тех, кто жил в домах, *зараженных чумой*, в соответствии с приказом

парижского проректора от 16 ноября 1510 г. Хотя этот приказ и более поздние, касающиеся эпидемий, не предписывают никаких мер предосторожности в отношении мест разврата, несомненно, что их эвакуировали и запечатывали двери до улучшения здоровья населения. То же самое относилось и к сушильням, которые закрывались на время эпидемии. Весной 1497 года число заболевших оспой значительно возросло, согласно предсказаниям доброго епископа. "В пятницу, 5 мая, суд парламента вычел из фонда штрафов сумму в 60 парижских ливров (около 300 франков в нашей валюте) и перечислил ее сиру Николя Потье и другим, уполномоченным заниматься больными Неаполя, для использования в делах и нуждах упомянутых больных ". В парламентских регистрах, где мы находим запись об этом факте, также упоминается, что 27 мая того же года епископ Парижа вновь обратился к мессирам с просьбой о *милостыне*, учитывая, что, если среди пациентов, поступавших в богадельню на Фобур Сен-Жермен, "было много хорошо обеспеченных", то остальные терпели жестокие лишения, поскольку "денег было мало, а милостыни на сегодняшний день не хватало". " Секретарь суда предложил выделить пятнадцать или шестнадцать экю (около 200 фр.), которые хранились в канцелярии не менее десяти лет и ни разу не были востребованы, на эти *достойные произведения*. Суд постановил передать эту сумму епископу. Этот документ доказывает, что общественная благотворительность начинала истощаться, вероятно, потому, что обычная причина болезни была недостаточна для назидания добрых душ. Что касается исцеленных пациентов, то можно предположить, что они не были настоящими венерианцами, а многие нищие выдавали себя за больных, не будучи таковыми на самом деле, чтобы получить выгоду от 4 соли парижских.

На самом деле надежды, которые можно было возлагать на письмо епископа к парламенту, не оправдались, а многочисленные исцеления, о которых сообщалось в этом письме, привели к увеличению числа больных. Здоровое население Парижа встревожилось и потребовало изгнать этих странных чумных людей, , которые наводили ужас. Проректор Парижа выслушал эти единодушные жалобы и издал следующий приказ (Regist. bleu du Châtelet, fol. 3): "Хотя на перекрестках Парижа было опубликовано, выкрикнуто и приказано публичным криком и трубой, чего никто не может утверждать по незнанию, что все больные оспой должны немедленно покинуть город и уехать, иностранцы - в места, где они уроженцы, а остальные должны покинуть город под страхом смертной казни: Тем не менее, упомянутые больные люди, созерцая упомянутые крики, возвращались со всех сторон и общались в городе со здоровыми людьми, что опасно для народа и светлости, которая в настоящее время находится в Париже. Король и губернатор Парижа далее запрещают всем вышеупомянутым больным вышеупомянутой болезнью, как мужчинам, так и женщинам, покидать вышеупомянутый город и форсбурги Парижа немедленно после этого крика, и оставить, а именно: упомянутых фореиторов поселиться в странах и местах, уроженцами которых они являются, а остальных - за пределами упомянутого города и форсбургов, под страхом быть брошенными в реку, если их там поймут, в этот прошедший день. Повелевает всем комиссарам, квартальным и сержантам брать или заставлять брать тех, кто будет обнаружен, для приведения его в исполнение. Совершено в понедельник 25th дня июня в году 1498". Этот указ, не допускавший ни оправданий, ни отсрочек, ни исключений, был вызван присутствием в Париже всех дворян (*seigneurie*), приехавших выразить свое почтение новому королю Людовику XII и испуганно встречавших больных, которых было очень трудно удержать в своих домах, поскольку их болезнь, какой бы ужасной она ни была, не мешала им давать себе движение и воздух. Они закрывали глаза на нарушения полицейских законов, когда эти пациенты были зажиточными и обеспеченными людьми среднего класса, но их внешнего вида было достаточно, чтобы любому, кто их видел, они казались живыми гнилью, ненавидящей город: "На них не было ничего, кроме язв, - говорит Соваль, присваивая себе выражения Фернеля, - которые можно было принять за желуди, судя по размеру и цвету, из

которых вытекала мерзкая и заразная грязь, заставлявшая сердце подпрыгивать; лица у них были высокие, зеленовато-черные, к тому же так покрытые язвами, шрамами и гнойниками, что ничего более отвратительного нельзя было и представить". (Ученый Фернель, живший в конце XVI века, добавляет, что эта первая венерическая болезнь так мало походила на болезни его времени, что трудно поверить, что это было одно и то же. *Icelle maladie*, - писал в 1539 году псевдонимный автор "*Triumphe de très-haute et très-puissante dame Vérole*", - вновь обрела былую свирепость и горечь, и люди не так трудолюбивы, как им казалось").

Парламентское постановление от 6 марта 1497 года (его дата - 1496 год по пасхальному календарю) не оставляет сомнений в том, что зло Неаполя царило на всей территории королевства с 1494 года, но время вторжения в каждую провинцию и каждый город еще не изучено. Муниципальные и консульские архивы могли бы предоставить точные документы на этот счет. Астрюк в своем великом монографическом трактате приводит только два факта, свидетельствующих о занесении болезни из Неаполя к римлянам в Дофине и в Ле-Пюи-ан-Веле в 1496 году: "Болезнь *las bubas*, говорится в регистрационных записях университета Маноска, была принесена в этом году некоторыми солдатами из римлян в Дофине, которые находились на службе у короля и прославленного герцога Орлеанского, в город, их родину, который был еще здоров и не знал этой болезни, которая еще не царила в Провансе." В неопубликованной хронике города Ле-Пюи-ан-Веле автор, Эстев де Меж, мещанин города, сообщает, что оспа впервые появилась в Ле-Пюи в 1496 году. Выписка из маносских регистров очень ценна тем, что служит доказательством того, что армия Карла VIII, возвращавшаяся из экспедиции в Неаполь, была заражена новой болезнью, а на самом деле эта болезнь появилась в 1495 году на всем пути следования остатков этой армии, которая возвращалась во Францию неорганизованными группами после битвы при Форнуэ. Солдаты, принесшие римлянам зло Неаполю, несомненно, были частью арьергарда, который вместе с герцогом Орлеанским подошел к Новаре и в течение нескольких месяцев держал там незабываемую осаду. С тех пор как Астрюк собирал материал для своей энциклопедии венерических болезней, более добросовестное изучение муниципальных архивов по всей Франции показало, что неаполитанская болезнь распространилась из города в город и в самые маленькие деревушки уже в 1494 году, Это согласуется с постановлением Парижского парламента, где 6 марта 1497 года говорится, что "большая оспа дала ход в этом королевстве, затем два года в сà (то есть в 1495 и 1496 годах)." Только в крупных городах, по примеру Парижа, к больным применялась суровость, их прогоняли, угрожая кнутом или виселицей; в других же местах их старались избегать и убегать от них, их оставляли умирать в мире. Мы не верим, как уверяет не один современник, что во Франции и в Европе эпидемия унесла десятую часть населения; но, как писал Антуан Кокциус Сабеллик в 1502 году: "От нее умерло мало людей, учитывая огромное количество больных, но гораздо меньше больных от нее выздоровело". Ульрик де Хаттен, который считал себя излеченным и поддался скрытому прогрессированию болезни в возрасте тридцати шести лет, сам говорил, что из ста пациентов излечился лишь один, да и то он обычно возвращался в худшее состояние, чем первое. Жизнь была страшнее смерти для этих несчастных людей, которые не имели права жить в обществе себе подобных и не находили ни физического, ни морального облегчения своим ужасным страданиям (*De Morbi gall. curatione*, cap. 4.).

В первые дни существования неаполитанской болезни можно сказать, что нигде ее не лечили в соответствии с правилами искусства; Врачи почти повсеместно воздерживались от ее лечения, заявляя, как и Бартеlemi Монтаньяна, профессор медицины Падуанского факультета, что эта болезнь неизвестна Гиппократу, Галену, Авиценне и другим древним врачам; кроме того, они испытывали непреодолимое отвращение к проказе, которую пережил сифилис. Кроме того, эта позорная болезнь, казалось, была сосредоточена в

низменном классе, который таил в своем лоне столько мерзких недугов, и было бы мало пользы от лечения этих недугов, порожденных пороком, несчастьем и мерзавцами. "При лечении болезней, - говорили они, облаченные в свое докторское величие, - первые признаки должны быть взяты из самой сущности болезни, а из недуга, который совершенно неизвестен, нельзя извлечь никакой подсказки". Французские врачи показали себя еще более равнодушными или невежественными, чем немецкие и итальянские: они оставили *лечение* этой болезни, которая казалась им неразрешимой проблемой, полностью на откуп шарлатанам всех мастей. Именно это всеобщее дезертирство людей искусства привело к появлению множества злоумышленников в лечении венерических заболеваний; после цирюльников и аптекариев в дело вступили стивидоры, купальщики, сапожники и башмачники. Отсюда столько разных лекарств, столько разных методов, столько неудачных попыток, столько нелепых процедур, прежде чем осмелились использовать ртуть или зыбучее серебро, прежде чем узнали о достоинствах гваякового дерева. Кровопускание, клизмы, пластыри, пурга и травяные чаи играли свою более или менее нейтральную роль, как и при большинстве болезней; но трения, ванны и потогонные средства были более успешными, по крайней мере, на первый взгляд. Гаспар Торрелла, экспериментировавший с этими безвредными лекарствами во Франции, писал: "Лучший способ, который я нашел для лечения болей и даже гнояников, - это заставить пациента потеть в горячей печи или хотя бы в парной в течение пятнадцати дней подряд натошак". Во Франции люди также широко использовали панацею, которую, как они утверждали, получали из гадюк: вино, в котором гадюки умирали и настаивались; отвар гадюки; вареная или жареная мякоть гадюки; отвар гадюки и так далее. Именно хирурги использовали ртуть, чтобы получить энергичное средство для лечения недуга, который оказывался устойчивым ко всему. Их смелость была вознаграждена успехом, но невежество или неосторожность операторов, которые использовали ртуть в больших дозах, привели к ужасным несчастным случаям, и несколько пациентов, которые не умерли от болезни, умерли от этого средства. Гаспар Торрелла приписывает смерть кардинала де Сегорбе и Альфонса Борджиа действию ртути.

Поэтому стали искать менее опасное и более надежное средство; считалось, что оно было найдено, когда в Америке случайно обнаружили антисифилитические свойства гваякового дерева. Ульрик де Хаттен, который одним из первых испытал на себе силу этого средства, рассказывает, что один испанский джентльмен, казначей провинции на острове Санто-Доминго, который был очень болен французской болезнью, узнал от туземца, какое средство против нее использовать, и привез в Европу рецепт, который вернул ему здоровье. Ульрик де Хаттен относит ввоз гваяка в Европу к 1515 или 1517 году. В примечаниях к "Любопытным путешествиям" Жерома Бенцони (Франкфуртское изд., 1594) об этом факте сообщается иначе, согласно местным традициям: "Один испанец, заразившийся оспой от индийской наложницы и страдавший от жестоких болей, выпил немного гваяковой воды, которую дал ему слуга-индеец, выступавший в роли врача, и не только избавился от болей, но и совершенно исцелился". С этого времени (1515-1517) по всей Европе распространилась информация о том, что недуг Неаполя наконец-то можно вылечить с помощью лекарства, доставленного из Америки, и с тех пор люди, которые вносят странную путаницу в свои устные хроники, убедились, что средство и недуг должны были возникнуть в одной и той же стране. Названия "*mal de Naples*" и "*mal français*" не смогли долго выдержать этого увлечения, которое поместило колыбель болезни рядом с деревом, которое ее излечило; названия "*grosse vérole*" и "*vérole par excellence*" возобладали, чтобы вернуть Америке то, что считалось ее собственностью. Первые исцеления, полученные благодаря использованию гваякового дерева, были чудесными. Николя Полл, врач Карла V, утверждал, что три тысячи отчаявшихся пациентов были вылечены почти сразу, на его глазах, благодаря отвару гваякового дерева, и что их выздоровление напоминало воскрешение. Великий Эразм, на

которого напал страшный сифилис с неистовыми болями, экзостозами, язвами и распадом костей, после одиннадцати попыток ртутиального лечения был радикально излечен гваяковым деревом через тридцать дней. Гваяковое дерево было воспринято как благословение небес, но вскоре выяснилось, что у этого благословения есть и серьезные недостатки: за венерическими заболеваниями часто следовал смертельный исход. Тем не менее гваяковое дерево сохраняло множество сторонников, пока его не оттеснило другое дерево, также родом из Америки и названное туземцами страны *уакакан*, которое европейцы называли *святым деревом* (*sanctum lignum*). Последнее средство было более популярно во Франции, чем где-либо еще, и в течение шестнадцатого века это ароматное дерево, которое часто оправдывало свое благословенное имя необыкновенными исцелениями, широко употреблялось. Отвар принимался натошак в течение пятнадцати или тридцати дней подряд и вызывал обильное потоотделение, которое уменьшало остроту болезни, а иногда и забирало ее с собой. Французские врачи написали несколько трактатов об эффективности гваяка и святого дерева; они говорят о нем с неким уважением и благочестивым восхищением, но они лишь повторяют похвалы, которые Ульрик де Хуттен в Германии и Франсуа Дельгадо в Италии первыми воздали этому чудесному средству в знак признания их излечения. О святое дерево!" - сказал пациент, который нашел себя если не исцеленным, то облегченным благодаря счастливому воздействию этого лекарства, - "О святое дерево, не есть ли ты на самом деле благословенное дерево креста доброго разбойника!

Однако излечение, полученное с помощью святого дерева или гваяка, не было настолько радикальным, чтобы следы болезни исчезли совсем: несчастные, которые избежали острого действия зла, не сумев избежать его непрекращающейся и таинственной работы, были узнаны по признакам, которые были слишком определенными. Вот какую мрачную картину нарисовал этим так называемым выздоравливающим анонимный автор "Триумфа триумфальной и очень красивой дамы Вероль": "Les uns boutonnants, les autres refonduz et engraissez, les autres pleins de fistules lachrimantes, les autres tout courbez de gouttes nouées". Тот же автор, который стремится научить своих читателей постоянству и мудрости, предлагая им "пример несчастных людей, которые по своей распутной похоти попадают в вышеупомянутые происшествия", представляет им не менее пугающие прелиминарии неаполитанского зла: "Les aultres estant encore aux faulxbourgs de la pérole, bien chargez de chancres, pourreaux, filets, chauldespisses, bosses chancreuses, carnositez superflues et aultres menues drogues, que l'on acquiert et amasse au service de dame Paillardise." Задолго до публикации этого необычного произведения в Лионе (1539) под псевдонимом Мартин Дорчино французская поэзия занялась этой печальной темой, которую Жером Фракастор прославил в своей прекрасной вергилианской и венерической поэме, носящей название самой болезни (*Syphilis sive morbus gallicus*). Жан Дройн из Амьена, поэт, известный двумя нравоучительными и христианскими поэмами, "*Неф фолс дю монд*" и "*Жизнь трех мари*", сочинил балладу в честь большой оспы, и эта баллада, совершив тур по Франции с новой болезнью, была напечатана в Лионе в 1512 году в конце нравоучительных поэм брата Гийома Алексиса, монаха из Лира и приора Бюсси. Баллада мэтра Жана Дройна очень любопытна тем, что обвиняет Проституцию в распространении зла Неаполя на Францию, в чем поэт винит совесть лангобардов. Из этого можно сделать вывод, что войны Людовика XII в Италии были еще более пагубны для здоровья его подданных, чем первая экспедиция Карла VIII. Мы считаем, что цитирование этого стихотворения не будет лишним здесь, как памятник радостной философии наших предков в вопросах чумы и удовольствий.

Plaisants mignons, gorriers, esperrucats,
Подумайте о себе, исправьте свое положение,
Бойтесь трусов, ибо они опасны,

Господа, мещане и юристы,
Которые тратят экую, салюс, дукасы,
На банкеты, эсбатменты и игры,
Имейте уважение к тому, что значит быть влюбленным,
И внесите это в свой протокол,
Ибо, чтобы часто преследовать в непонятных местах,
Возникла эта большая язва.

Ведите любовь мудро, по компасу:
Когда дело доходит до еды,
Не забывайте следить за чистотой глаз,
Беги и проси облегчения,
Et de gaudir jamais ne soyez las,
Приобретая высокую добродетельную репутацию.
Остерегайтесь преследующих вас грызущих людей,
И презираемых людей, которые имеют высокую репутацию;
Ибо, чтобы держать копье в любом дупле,
Эта большая язва породила себя.

Hantez mignones qui portent grans estas,
Но остерегайтесь подниматься на кучу
без свечи; не стыдитесь,
Копайте, бросайте, смотрите вверх и вниз,
И после этого сделайте все свои снимки;
Поступайте так, как поступают авантюристы,
Как говорит большая куча слюнтяев,
Будь начертанным, не идя в эшшоль,
Car, par Lombards soubtils et cauteleux,
S'est engendrée ceste grosse pérole.

ПОСЛАННИК:

Князь, знай, что Иов был добродетелен,
Но если он был грызущим и благодарным,
Мы молим его охранять и утешать нас.
Чтобы исправить похотливых мирских людей,
Рождается эта большая язва.

Согласно поэтическим правилам французской баллады, ее три симметричные строфы должны были заканчиваться *обращением из* пяти стихов к *принцу*; нам трудно сказать, к какому принцу была отправлена баллада Дройна, и мы думаем, что не к принцу, в то время, каким бы строгим он ни был, не протестовал бы против такой рассылки, тем более что многочисленные медицинские трактаты о венерических болезнях, издававшиеся в то время, были посвящены кардиналам, епископам и самым августейшим особам. Но мы можем найти и другие исторические наблюдения, изучая эту балладу, которая, безусловно, является самой древней поэзией, которую Неаполитанская болезнь вдохновила француза: мы увидим, например, что болезнь всегда выдавалась каким-то внешним признаком, и больные носили где-то клеймо своего осквернения; мы увидим, кроме того, что, по мнению *похотливых мирских людей*, этот вид непристойного *рожна* был порожден плотским союзом, и так далее. Удивительно найти столь точные наблюдения у поэта в то время, когда врачи верили в распространение болезни по воздуху и при простом контакте: предрассудки

на этот счет еще больше укоренились в народе, который в здравом смысле приравнивал ослу к проказе, дочь к матери. Два века спустя аббат де Сен-Мартен, который был живым выражением всех народных предрассудков, наивно повторил то, что ему сказала кормилица и за что он упрекал своего друга Жана де Лорма, первого врача короля: "Следует отметить, что лишай вызывается прикосновением к больному, сном с лишаем, хождением босиком по его плевкам и многими другими способами". (*Moyens faciles et éprouvez dont M. de Lorme, premier médecin et ordinaire de trois de nos roys....., s'est servy pour vivre près de cent ans. Caen, 1682, in-12, p. 341*).

Жан Друэн был не единственным французским поэтом, воспевавшим зло Неаполя до Фракастора. Жан Лемер де Бельж, друг Клемана Маро и Франсуа Рабле, историограф и поэт Маргариты Австрийской, перевел в *рифму* опубликованную Серафино в итальянских стихах сказку "Купидо и Атропос" о странных и отвратительных последствиях этой заразы, рожденной наслаждением; он добавил к оригинальной сказке два других *рассказа* собственного *изобретения*, также аллегорических и посвященных спору между Любовью и Смертью. Мы заимствовали из произведения Жана Лемера, появившегося в 1520 году, ярко нарисованный портрет разрушительного воздействия болезни на страдающих:

Но в конце концов, когда яд умер,
Рождались большие бутоны без цветов,
Такие отвратительные, такие уродливые и такие огромные,
Что никто не видел столь обезображенных лиц,
И не получил такого смертельного оскорбления.
Человеческая природа в ее прекрасном облике.
Лоб, воротник, подбородок и нос,
Никто не видел столько застегнутых людей.
И что еще хуже, этот яд так вреден,
По своей скрытой и невидимой злобе,
Он искал вены и артерии,
И вызывал в них такие странные загадки,
Данжер, боль страсти и подагры,
что мы не знали никакого средства от них,
Кроме как плакать, вздыхать, сетовать,
Plorer et plaindre et mort souhaiter.

Жан Лемер, который как поэт был изящным предшественником Клемана Маро, своего ученика, включает в свои стихи, часто хорошо переделанные, многоязычную номенклатуру этого уродливого *горра*, который тогдашние красавцы называли *сувениром*, память о завоевании Неаполя, где французская армия взяла его. Три аллегорические истории о Купидоне и Атропосе были переизданы в 1539 году, во главе Триумфа очень высокой и очень могущественной дамы Вероль, королевы Пюи д'Амур. Этот *Триумф* - не что иное, как серия из 34 деревянных фигур, изображающих главные аксессуары Неаполитанской болезни и ее лечения: здесь - Венера, Сладострастие, Купидон; там - врачи или *трапезники*, диета и т. д. Эти фигуры, сочиненные и исполненные художником, являются прекрасной иллюстрацией Неаполитанской болезни. Эти фигуры, составленные и исполненные в стиле макабрического танца, сопровождаются рондо, диксанами и хуитанами, очень искусно написанными, настолько, что их автор, Мартин Дорчезино, вполне мог быть не кем иным, как Рабле, чье остроумие и стиль носят столь узнаваемую печать, и который примерно в то же время

обосновался в Лионе, где занимался медициной и писал веселые хроники в пользу *бедных, подагрических и зараженных очень ценной болезнью*.

Мартин Доршино или д'Оркесино, называвший себя *изобретателем честных удовольствий*, в 1539 году в Лионе, у книготорговца Франсуа Жюста, перед *Ностр-Дам-де-Конфорт*, издал вестник *Триумфа*, гласивший:

Sortez, saillez des limbes ténébresux,
Из раскаленных печей и темных могил,
Où, pour suer, de gris et vert on gresse
Вы все трезвы! Ни одна капля не давит на вас,
Голые и одетые, вы должны покинуть свои впадины,
со всех сторон!

Франсуа Рабле, называвший себя *абстрактором квинтэссенции*, сказал в прологе к своему "Пантагрюэлю", впервые опубликованному в 1535 году Франсуа Жюстом, который также редактировал "*Триумф*": "Что мне сказать о бедном вероллезе и подагрике? О, как часто мы видели их, когда они были ухожены и хорошо одеты, а глаза их блестели, как в чертоге, и зубы их дергались, как протекторы на клавиатуре органа или эспинета, когда на них играют, а горло их воняло, как кабан, которого стервятники засунули между ногтями: что же они тогда делают? Единственным утешением для них было услышать страницу из книги. И мы видели некоторых, которые отдали бы себя сотне труб старых дьяволов, если бы не почувствовали явного облегчения от чтения упомянутой книги, когда они находились в неизвестности, не больше и не меньше, чем роженицы, когда им перечисляли житие святой Маргариты". Эти отрывки, взятые из двух разных произведений, которые мы приписываем одному и тому же автору, доказывают, что среди клиентов Рабле было много больных в Лионе и что он лечил их в *лимбе* меркуриальными фрикциями, а не гваяком и святым деревом.

Именно в "*Триумфе*" мы находим воспоминание о венерической эпидемии, которая опустошила город Руан и Нормандию в 1527 году и которую Жак де Бетенкур успешно лечил, используя только ртуть. Воинственная императрица Вероль, - пишет Мартин Доршино в прологе, - после своего триумфального шествия потащила за собой несколько больших городов, силой взятых и подчиненных ей, в том числе Руан, столицу Нормандии, где она, как говорят, сделала свой дом и легкомысленно издала свои законы и права". Это нашествие болезни, которая на этот раз проявилась с новыми симптомами, так как ей подверглись дети, оставило свой след в языке пословиц, где долгое время "*руанская оспа*" использовалась для обозначения худших видов и наиболее устойчивых к лекарствам. Эти стихи можно прочитать под изображением *Горре де Руана*:

О всех городах знаменитых
Где держат в любви хороших гусей,
Мидье Руан носит имя
De veroller la marchandise.
Прекрасный цветок разврата,
Он должен называться Мешуэн (*теперь*):
Au Puy d'Amour примите мой девиз:
Je suis la Gorre de Rouen!

Рабле в старости еще помнил, когда писал пятую книгу о Пантагрюэле, этот ужасный *горр*, который он, возможно, наблюдал на месте в 1527 году; он приводит, среди невозможных вещей, факт молодого абстракциониста quinte-essence, который хвастался "guarir les verollez, je dy de la bien fine, comme vous diriez de Rouen". Столетие спустя эта пословица пережила

эпидемию, и Сорель в своем романе "Франсион" (лив. X) подтвердил, что "оспины из Руана и помет из Парижа никогда не проходят иначе, как с монетой".

Хотя выдающиеся деятели самого почтенного возраста неизвестно каким образом становились жертвами этой непристойной болезни, трудно отрицать, что проституция была главным посредником этой заразы и что дурные места служили постоянным очагом ее самых страшных бедствий. Проституция нигде не регулировалась с санитарной точки зрения, и нужно вернуться в 1684 год, чтобы найти постановление, которое, похоже, имело в виду здоровье заведений разврата. Поэтому мы можем оценить печальные последствия, которые эта беспечность властей имела для общественного здоровья; ведь, оставляя несчастных распутников на произвол судьбы, которые шли, как бы, к источнику зла, законные жены этих развратников и их несчастные дети подвергались неизбежной опасности, которым они завещали наследственный и неизлечимый вирус. На ранних стадиях эпидемии, как мы уже видели, больных запирали в своеобразные "чертоги" и изгоняли из городов, где одно их присутствие считалось заразным. Такое поголовное изгнание *зараженных крестьян* неизбежно способствовало распространению инфекции в сельской местности.

Однако, как только опыт показал, что венерической болезнью можно заразиться только при плотском контакте или при интимной и непосредственной близости, больше не было никаких недостатков в том, чтобы позволить этим печальным и позорным недугам, чье появление было призвано напугать людей к распущенности, оставаться в городах и среди здоровых людей. Нельзя назвать определенную дату, когда произошла эта перемена во мнениях и в полиции по отношению к неаполитанской болезни и несчастным людям, которые от нее страдали. В реестрах Парижского парламента мы читаем 22 августа 1505 года постановление, разрешающее брать из фонда штрафов сумму, необходимую для аренды дома "для размещения веролез". Это постановление, последнее, в котором упоминаются временные хосписы, говорит нам о том, что приюта, открытого для больных в Фобур-Сен-Жермен, уже не хватало. Можно предположить, что несколько лет спустя, под гарантии медицины, которая лучше изучила принцип венерических заболеваний, в Hôtel-Dieu стали принимать тех, кто заразился в Париже либо большой оспой, либо сифилитическим стригущим лишаем или кольчатым червем, безразлично относясь к другим пациентам. Таким образом, мы переходили из одной крайности в другую и впадали из одного избытка в еще худший. В Hôtel-Dieu на одной койке лежали четыре, а то и шесть пациентов: сифилис испортил многих из них, поступивших в больницу с лихорадкой или катаром, а ушедших калеками и *окоченевшими* от вируса или ртути. Таким образом, эта категория пациентов множилась, хотя болезнь становилась все менее серьезной. Больница Hôtel-Dieu в Париже вскоре перестала вмещать их, и возникла необходимость в создании госпиталей, специально предназначенных для лечения венерических заболеваний. Первая больница была основана в 1536 году парламентским декретом по докладу комиссаров, отвечающих за охрану порядка среди бедных. Для этой цели использовались два отделения в большой больнице Тринита: в большом верхнем отделении, "где принято играть в шалости и игры", размещались "зараженные и больные; в нижнем отделении - больные стригущим лишаем, болезнью, известной *под названием Сен-Мен, Сен-Фиакр*, и другими заразными болезнями".

Через несколько месяцев после открытия этого хосписа не хватало места для размещения всех пациентов. Парламент в постановлении от 3 марта 1537 года приказал церковным старостам церкви Сен-Эташ выделить приходскую больницу для размещения "бедных больных, страдающих болезнями Сен-Ман, Сен-Фиакр и другими подобными заразными болезнями". Однако, несмотря на эти основания, в Париже до сих пор не было больницы,

предназначенной исключительно для лечения венерических заболеваний, в то время как в Тулузе она существовала с 1528 года и называлась на местном языке *houspital das Rognousés de la rongno de Naples* (см. *Mém. de l'hist. du Languedoc*, by Guill. de Catel, p. 237).) По мере того как открывались новые убежища для *больных оспой*, становились очевидными бедствия, причиняемые этой болезнью низшим классам, особенно бродягам: человечество советовало облегчить страдания этой толпы, избавив здоровых и честных людей от вида и контакта с этими больными. Повсюду были открыты больницы, и все бедняки, которых считали страдающими заразными болезнями, были заключены в них, как в тюрьмы. Они начали раскаиваться в том, что слишком легкомысленно отменили полицейские меры в отношении прокаженных и зараженных; с некоторым опозданием они поняли, что разница между этими двумя типами пациентов, возможно, не так уж велика, и задумались о восстановлении старой системы домов прокаженных. Именно с этой целью в Париже была открыта большая больница Сен-Николя, расположенная недалеко от Бьера, в приходе Сен-Николя-дю-Шардоне, для больных лепрой. Но ресурсы этой больницы не были рассчитаны в соответствии с ежедневным увеличением числа пациентов, и в 1540 году их число возросло до 660 человек; *белья и других предметов первой необходимости*, которыми обязаны были обеспечивать хозяева и управляющие Hôtel-Dieu, стало совершенно не хватать. Парижский парламент сжалился над *нуждающимися* пациентами, созвал хозяев и управляющих Отеля-Дье и приказал им обеспечить нужды больницы Сен-Николя (см. *Preuves de l'Hist. de Paris*, by Félibien and Lobineau, t. IV, p. 689 and 697).

Эта больница получила название *Hôpital de Lourcines*, и все *больные оспой*, которые обращались в Бюро бедных и в парижский Hôtel-Dieu, были направлены туда, где до этого времени они были "прикованы к той же кровати, что и те, кто не страдал от этой болезни". Так возникла больница для веролеток, а постановление Парламента от 25 сентября 1559 года сообщает нам, что месье Пьер Галандиус, "не желающий страдать", возглавил больницу Лурсин, где *веролеток* кормили, размещали, перевязывали и давали лекарства (*Preuves de l'Hist. de Paris*, t. IV, p. 788). 788.) В то же время, когда предпринимались усилия по помещению всех больных этого типа в частные шартрезы, предпринимались также усилия по возвращению в "maladreries" или лепрозории бродячих прокаженных, которые вносили слишком большой вклад в разложение общественного здоровья, свободно живя среди здорового населения. Франциск Ier своим ордонансом от 19 декабря 1543 года хотел *исправить великий беспорядок* в этих лепрозориях и попытался заключить туда, как и в прошлом, прокаженных, которые просили милостыню и *слонялись* по городам и деревням. Было слишком поздно возвращать в государственную собственность имущество, принадлежащее общественной благотворительности, но захваченное и монополизированное в течение более чем столетия частными лицами; кроме того, какой смысл в лепрозориях, если прокаженных больше нет? В самом деле, даже кликуши и бочконосцы были лишь недавними или заядлыми венерианцами. Проказа и оспа стали общим делом: настолько, что Анри IV в эдикте 1606 года выделил то, что осталось от лепрозория, "на содержание бедных калек и солдат". Однако трудно понять, как Генрих IV, который был болен последствиями вирулентной гонореи, заставившей его страдать более десяти лет, считал оспу естественной наследницей проказы и выделял ей определенный доход на лечение своих пациентов. В то время далеко не все сифилитики находились в больницах, и можно сказать, что Проституция, населявшая Дворы Чудес, также заботилась об их обезлюживании, постоянно возрождая старый вирус проказы и новый вирус натуральной оспы.

- А. Расин дель после де Ваэля.
- Друар Имп.
- Ред. Розотт Ск.

БУГЕ ФЛАМАНД (XVII^евек)

ГЛАВА XXII.

Краткое содержание -Поэты о проституции в XIII веке -Непристойная порча языка -Кристина де Пизан ведет войну с некрасивыми словами -Влияние Романа де ла Роза на нравы - *Искусство любви* Гийома де Лорриса и Жана де Мена.-*Les femmes putes*.-*Vengeance des dames*.-*Les antagonistes du Roman de la Rose*.-*Projet de réforme des filles publiques*.-*Le Champion des dames*.-*Les Puys d'amour* de Picardie et de Hainaut.-*Le jargon des galloises*.-Гийом Кокиллар, чиновник Реймса -*Les Droits nouveaux*, code du libertinage -*Facio ut des* -*Tromperie sur la qualité de la marchandise* -*Stellionat amoureux* -*Le Plaidoyer d'entre la Simple et la Rusée* - *Ne rien prendre sans payer*.-Портрет старинной *придворной дамы*.-Номенклатура Реймских *магнатов*, с их прозвищами.-Олив де Гат-Фатрас.-Марион де Трен-Поэтрас.-Морт де Кокиллар.-Сын-эпитаф.-Дигрессия над своими *кокилями*.

Труверы XIII века, как мы уже говорили, были поэтами проституции; их *lais* и *fabliaux*, отражавшие разврат их нравов и непристойность их языка, пагубное влияние на письменный язык, как на нравы народа: Язык не только оставался перегруженным большим количеством уродливых слов и непристойных выражений, но и научился предпочитать выражать банальности плотской любви, если так можно назвать безвкусные и однообразные переливы любовной поэзии, которая была услугой XIV и XVI веков. Редакторы "Рутебефа", мсье Ахилл Жюбиналь и его предшественник Меон, не осмелились опубликовать, даже заменив свободные слова полными остановками, несколько необычных произведений, которые доказывают, что этот бесстыдный трувер мало заботился об ушах своих слушателей. Мы отсылаем интересующихся этим видом литературы к знаменитой рукописи Императорской

библиотеки под номером 7218, Ancien Fonds du roi, в которой на листе 215 мы находим *Dit du c. et de la c.*, начинающееся следующим образом:

Une c..... et un v.. s'esmurent
A un marchié où aller durent...;

на листе 24 - "*Dit des c.*", начинающееся следующим образом, адресованное не очень тактичному господину:

Синьор, что за прекрасные c... savés,
Qui savés que li c... est tels...;

а на листе 183 - "*Dit du c. et du c.*", первые две строки которого предвещают развратную полемику:

L'autre hier, me vint en avison
Que li c... demandoit au c...

Грубые термины и непристойные образы, которые так охотно использовали труверы, возможно, были не лишними в гей-сказках; но, в силу привычки, их можно было встретить и в самых серьезных и даже самых нравственных произведениях. Мы уже приводили различные отрывки из старинного перевода Библии, чтобы показать, как светские писатели и поэты всегда чувствовали, что находятся в дурной компании. Однако не все осознавали эту неуместность слов, и многие женщины хорошей жизни и нравственности, многие серьезные и *почтенные* люди были настолько откровенны, что не скандалили из-за этих банальных или бесчестных выражений, ворвавшихся в устную и письменную речь. Нужно было обладать исключительной для тех времен деликатностью, чтобы покраснеть и обидеться на эту наивную грубость, которую обычай сделал почти всеобщей, перенеся ее из книг в речь.

Вот как защищалась мудрая и *благородная дама* Кристина де Пизан от того, чтобы запятнать свои поэтические и нравственные произведения этой постыдной проституцией языка. Она ответила *весьма благородному и достойному* мэтру Гонтье Колю, секретарю короля Карла V: "Вы разоблачаете, что я без причины хую то, что сказано в "Романе о Розе", в главе "Raison", где она называет тайные члены людей по их именам, и рассказывает здесь то, что я когда-то говорила в другом месте: что Бог создал все вещи хорошими, но в результате греха наших первых родителей стал человеком, грязной тварью; и я привел пример Люцифера, чье имя прекрасно, а личность ужасна; и, заключая, я сказал, что не имя делает вещь бесчестной, а вещь делает имя бесчестным; и, исходя из этого, вы говорите, что я похож на пеликана, который использует свой клюв. Если вы сделаете вывод и скажете: если вещь, таким образом, делает имя бесчестным, то какое имя я могу дать вещи, которая не является бесчестной? На это я отвечу, не углубляясь, грубо, ибо я не логик и, по правде говоря, должен: нет нужды в подобных рассуждениях. Без обвиняков признаюсь вам, что я ни в коем случае не могла говорить о бесчестности или продажности, не так, чтобы какое-нибудь имя, которое я ей дала, или было для тайных членов, или еще что-нибудь бесчестное, чтобы это имя не было бесчестным, и все же, если бы в определенных случаях болезни или другой необходимости это было уместно, я бы говорила об этом так, чтобы то, что я хотела сказать, было услышано, и я не говорила бы о бесчестности".

Кристина де Пизан не побоялась пуститься в очень трудную и очень щепетильную диссертацию о том, в каких случаях допустимо называть бесчестные вещи своими именами, и заканчивает ее принципиальным утверждением, что только бесчестность сердца вызывает бесчестность выражения; Но, занимаясь этой сложной темой, она не осознает, что сама

впадает в ошибку, в которой упрекает Жана де Менга и поэтов его школы; ведь она использует низкие и неприличные слова, которые контрастируют с чистотой ее намерений. Роман "Роза", который Кристина де Пизан так поносит в своих посланиях (Ms. de la Bibl. Imp., coté 7217, Ancien Fonds), по праву можно обвинить в том, что он оказал пагубное влияние на скромность языка и на состояние общественной морали. Однако можно сказать, что "Роман о Розе" был евангелием французской галантности на протяжении более чем двух столетий.

Автор первой части этого знаменитого романа Гийом де Лоррис, умерший в конце XIII века, оставив свою поэму незавершенной, хотел сочинить в аллегорической форме своего рода *Art d'aimer* во вкусе своего времени; тем не менее, он не был слеп к опасностям страсти, которая иногда является страшным и неизлечимым злом:

Нет ничего лучше травы и корней;
Единственное лекарство - бежать от нее.

Он знал, возможно, по собственному опыту, что любовь, которую он так соблазнительно изображает, была эпидемией среди поэтов того времени:

Многие теряют, хорошо сказать, l'oz,
Sens, temps, chastel, corps, ame et loz.

Гийом де Лоррис старался умерить сладострастие своей темы размышлениями, полными мудрости и благородного благоразумия; но он упустил свою цель и безумного юношу, который был увлечен "Романом розы",

где заключено все искусство любви,

искал в нем примеры и пищу для распутства, а не заповеди добродетели и нравоучения. Поэт прекратил свое эротическое произведение, написав четыре тысячи стихов; для завершения работы появился другой поэт. Жан де Мён, известный как Клопинель, потому что был хромым, продолжил роман, начатый Гийомом де Лоррисом. Жан де Мён, несомненно, отклонился от первоначального плана. Он также не черпал вдохновения у Овидия и классических поэтов любви: под предлогом морали и сатиры он бросился в грязный поток оскорблений в адрес женщин, и, чтобы отвлечь своих читателей от опасной ловушки рыцарства, он не придумал ничего лучше, чем показать им, так сказать, обнаженными все амурные похождения сирен, которые стремятся к разрушению душ и тел. Жан де Мен был, конечно же, не монахом-доминиканцем, как считалось ранее, поскольку он был похоронен в монастыре яковинцев на улице Сен-Жак. Он был доктором, магистром искусств Парижского университета; его апологет, священник де Салон, изображает его сидящим в саду в Ла-Турнель и одетым в подбитый горностаем плащ, "как какого-нибудь почетного человека", - говорит библиограф Антуан Дювердье. Еще в школе он научился называть вещи своими именами и не стеснялся использовать самые непристойные термины и изображать любовь в самых развратных красках, презирая любую вуаль. Однако, несмотря на всю эту поэтическую невоздержанность, он гордился тем, что был честным лордом,

С добрым сердцем, с сердцем Иснеля (*dispos*).

Но если "Роман о розе" был любимым чтением молодых распутников, то дамы, которые тоже читали его тайком, не простили автору того, что он их оскорбил, особенно в длинной декламации против женского пола, которая заканчивается этими двумя строками:

Saiges femmes, par saint Denis!
En est autant que de phénix.

Эти дамы, особенно придворные, решили наказать его своими собственными руками, ибо в их сердцах было довольно резкое суждение, которое поэт осмелился высказать об их поле в целом:

Toutes estes, serez ou fustes,
По воле и по поступкам - putes.

О мести дам поведал Андре Теве в своих "Настоящих портретах и деяниях выдающихся людей" (Париж, Кервер, 1584, 2 тома ин-фол.); и предание об этом событии было еще так свежо в памяти, что Антуан Дювердье, сьер де Вопривас, который почти в то же время издавал в Лионе свою *"Французскую библиотеку"*, записал злоключения Жана Клопинеля. Рассказ Дювердье гораздо менее известен, чем рассказ Андре Теве; он также более подробен, и именно поэтому мы приводим его дословно, чтобы доказать, что во времена Филиппа Красивого придворные дамы пользовались не лучшей репутацией, чем женщины, которые были любовницами по профессии:

"Господин Жан де Мён, - рассказывает сьер де Вопривас, - приехав по какому-то делу ко двору, был арестован дамами в одной из комнат королевских покоев, в окружении нескольких господ, которые, чтобы добиться своего расположения, обещали представлять его и не препятствовать наказанию, которое они хотели бы наложить; Но Жан де Мен, видя, что они держат в руках прутья и уговаривают господ раздеть его, попросил их сделать ему подарок, поклявшись, что он будет просить не о смягчении наказания, которое они намеревались наложить на него (который не заслужил его), а, напротив, о повышении. Это было дано с большим трудом и по искренней молитве лордов. Тогда мастер Джон начал говорить: "Дамы, раз я должен понести наказание, то оно должно быть от тех, кого я обидел. Я говорил только о нечестивых, а не о вас, которые все здесь прекрасны, мудры и добродетельны; поэтому, кто из вас чувствует себя наиболее оскорбленным, начните бить меня как самую сильную шлюху из всех, кого я обвинял?" Не нашлось ни одного, кто захотел бы удостоиться чести начать, боясь лишиться этого позорного титула, и мастер Джон сбежал, оставив дам в вергоне и дав присутствующим лордам возможность посмеяться, ибо не было среди них ни одного, кому бы не казалось, что тот или иной должен начать."

Роман о розе, изобилующий эротическими подробностями и непристойными словами, стал для французов XIV и XV веков тем же, чем поэма Овидия была для римлян. Ее, написанную на тонком пергаменте и украшенную миниатюрами, можно было найти во всех *книжных лавках* отелей и замков; люди знали ее наизусть, цитировали при любой возможности и черпали из нее, как из источника утонченной галантности, все уроки искусства любви. Но этот знаменитый роман, имевший моральную цель, тем не менее, подвергался критике со стороны *прилизанных женщин и людей хорошей жизни*; нашлось множество поэтов и прозаиков, которые, несомненно вдохновленные дамами, опровергали содержащиеся в нем необъективные и нечестные обвинения в их адрес.

Двумя самыми известными антагонистами "Романа де ла Роз" были Кристина де Пизан и Мартин Лефранк, которые, отдавая должное таланту автора, в то же время критиковали его за несправедливость к женщинам и за то, что он заблудился на путях проституции. Вот какой приговор вынесла добродетельная Кристина этой книге, которую она хотела бы предать забвению: "Поскольку природа более склонна к злу, я говорю, что она может быть причиной дурных увещеваний весьма отвратительными способами, утешением беспутной жизни, учением, полным порицания, даже сырости, публичным клеветником, причиной уныния и неверия, и стыда для многих людей, и, возможно, заблуждения, и очень позорного чтения в некоторых местах".

Кристина де Пизан жила в менее развращенную эпоху, чем та, в которую Жан де Мён изображал женщин *сосудами, тайниками и убежищами для всех пороков*. Нравы при Карле Мудром были более благопристойными, чем при предыдущих правлениях; тем не менее, гражданская проституция все еще продолжала процветать, по словам этой доброй дамы Кристины, которая в своем "Cité des dames" хотела показать, что ее пол превосходит другой во всех видах достоинств, и которая в своей "Livre des trois vertus" давала уроки морали и *благоразумия* женщинам любого положения. Она не забывала даже о женщинах с дурной репутацией; она предлагала обратить их к доброте и вернуть им уважение ближних вместе с собственным уважением: "Увы! Она предлагала обратить их к добру и вернуть им уважение ближних, равно как и их собственное: "Увы, - говорила она, - непременно какая-нибудь женщина, преданная стыду и греху, пожелает вернуться в это состояние, что она охотно сделает, если пожелает, ибо, если у нее сильное и мощное тело, чтобы совершать зло и терпеть много побоев и достаточно несчастий, она могла бы это сделать, чтобы сохранить свою жизнь: она была бы расположена, как мы говорим, ибо все принимали бы ее охотно, давали бы ей какое-нибудь занятие, но заботились бы о том, чтобы никто не видел в ней никакой грязи или зла в каком-либо месте, пряли бы, ухаживали бы за младенцами и больными, жили бы в маленькой комнате, на хорошей улице и среди хороших людей, жили бы просто и трезво, чтобы ее никогда не видели пьяной, упрямой или очень ссорящейся, и чтобы она не произносила никаких нецензурных или бесчестных слов, но всегда была очень вежливой, скромной, кроткой и услужливой со всеми хорошими людьми, и она была осторожна, чтобы никто не поймал ее, так как она могла бы потерять все. И, таким образом, она сможет послужить Богу и сохранить свою жизнь: "Если luy feroit plus de bien ung denier que cent receuz en péché".

Проект реформы, разработанный Кристиной де Пизан с целью уничтожения проституции, не имел иного результата, кроме как похвалы морали его автора. Безумные женщины не отказывались от своего униженного ремесла, поскольку общественная благотворительность не предлагала поселить каждую из них в маленькой комнате *на хорошей улице* и занять честным трудом. Поэтому они оставались такими, какими были, часто пьяными и злыми, всегда ссорящимися и болтливыми, с непристойными словами в устах и живущими за счет своего греха. Кристина не добилась большего успеха в своих напаках на Жана де Менга, а "Роман о Розе", который по-прежнему читали и которым восхищались, продолжал служить breviарием для влюбленных и распутников. Мартин Франк, автор "Чемпиона дам", также потерпел неудачу в своей войне с эротической поэзией, используя "Роман о Розе" в качестве текста для своих моральных деклараций в защиту женского пола.

Мартин Франк, как говорят, был настоятелем и каноником церкви Леузе в Хайнауте; как таковой, он не имел никакого отношения к женским тайнам, но поскольку он был галантен и добродушен от природы, он встал на защиту этих дам против наглости Жана де Менга. Его "Champion des dames" - это длинный панегирик женской добродетели, но он слишком часто заимствует свою лексику у самого Жана де Мёна и не боится оскорбить целомудренные уши, к которым он обращается во всей чистоте. Этот факт подтверждает сказанное нами о проституции литературного языка и нескромности поэтов. Как только человек приближался к *gai savoir*, он был вынужден использовать его стиль, который был затащен в самые неподходящие места. *Добрый* монах Гийом-Алексис, монах из Лира в Нормандии, в своем "Большом припадке любви", написанном в середине XV века, был не более приличен в языке, чем анонимный автор "Книги Матеола", французской поэмы, написанной в XIV веке

против брака и женщин епископом Теруэнским. Мартин Франк, считавший, что использует поэтический жаргон в интересах дам, безапелляционно осуждал светских поэтов и их академии, которые они называли *Puys d'amour*, потому что все их стихи, казалось, исходили оттуда. Вот образец его гнева против *Puys d'amour*, которые имели привилегию привлекать толпы, особенно в Пикардии и Эно:

Pour Amours balladent et riment,
Leur hault engin tout y employent,
En celle estude leurs jours liment:
Там все добродетели развертываются,
Au service d'Amours s'employent,
Как будто он всемогущ:
Mal font, quant ils ne se reploient
Против того, кто бессилен.
Разве вы не читали в своих книгах
, как безумные *rayens* рифмуют,
Вокруг Бахуса, бога губ,
И вокруг Венера, которого все любят?
Devant eux leurs motetz semoient,
их рондо и сервентуа:
Но они делают хуже, чем ожидали.
В Пикардии и Артуа.

Поэтому именно среди поэтов XV и XVI веков мы должны исследовать состояние нравов и особенности *беспутной жизни* того времени; именно по образу жизни некоторых поэтов мы должны судить о том, какими могли быть развратные привычки этих *прекрасных писателей*, большинство из которых были, по словам Клемана Маро, говорящего о своем камердинере Фриппелиппе, "*coureurs de bordeaux*" и "*beaux joueurs de quilles*". Почти все поэты могли бы дать несколько характеристик для исследования общественных нравов того времени; но поскольку мы не можем рассмотреть их всех здесь, мы ограничимся извлечением из произведений Кокьяра и Вийона, двух лучших поэтов пятнадцатого века, того, что может представлять интерес для истории проституции.

Гийом Кокьярт, чиновник Реймса, каким он был, говорил в стихах на жаргоне *валлийских женщин* своей провинции. Он оставил несколько произведений радостной поэзии, которые высоко ценились в его время и которые действительно заслужили это уважение, учитывая дух, который он в них вложил, и оборот, который он придал этому духу немного свободный, но по сути французский. Под названием "Новые права" (*Les Droits nouveaux*) он собрал большое количество вопросов, которые образуют своего рода кодекс либертинизма. Вот некоторые из них и ответы на них.

Этого юриста по *жирным делам* спрашивают, должна ли молодая женщина сама кормить своего ребенка. Он отвечает не как чиновник, а как поэт и ценитель распутства.

У нее прекрасный маленький тетон,
Но в заднице, чтобы сделать вираду,
Здоровый пикантный, нежный, милый:
Нет в мире ничего более *сочного*.
Если ее перекормить, она станет безвкусной,
Проглоченная, полная лоскутов:

Фазаны становятся вальдшнепами,
Бриджи становятся шкурами,
Тетоны становятся тетассами.
Nourrisses aux grandes pendasses,
Gros sains ouvers, наполненные лаиксом,
висят, как мордочки птенцов.
Которых мы каждый день обмахиваем в Палей,
Тетины подпрыгивают, кружатся,
Твердые, колючие, хорошо закрепленные в форме,
Тугие, как лук халеца,
Становятся усталыми, как пень.

Мы спрашиваем, когда речь заходит о любви к *горгиазам* и *сукре*,
кто делает это просто так.
За копейки...

является ли этот роман *продажей*, или *арендой*, или *займом*, или *кондукцией*, или *перестановкой*, или *залогом*. Он отвечает: Это подлинный договор, основанный на аксиоме римского права: *Facio ut des*.

Чтобы ты давал, я делаю;
Это чистое намерение:
Без подарков мы никогда не стали бы аимом.

Был поднят вопрос о том, может ли *кольщица* или любительница удовольствий, обманутая *куртизанкой* или *мадам* и отдавшаяся, по слову последней, *обычному своднику*, требовать возмещения убытков от обещателя набивных платьев, монет и *парпиньолой*. Кокьярт обязал маклера выплатить компенсацию бедной девочке, которая доверилась ее мошенническому совету, и выплатить ей *жалованье*. Кроме того, маклер, осужденный за мошенничество и подлог, будет лишен на некоторое время прибыли от своих одиозных сделок.

Мэтр Кокьярт рассматривает еще один случай маклерства, который также относится к рубрике *De dolo* и учит нас тому, что *маклеры* XV века были не более гуманными и не менее скупыми, чем современные.

Une qui sert de beaulx messaiges,
Une courtière qui ne vit
D'autre chose que de courtaiges,
Подделывая эти мессаги;
Une meschante deschirée
Которая бежит по городам и селам
И всеми покинута;
Une morfondue mal parée,
Мешанка, что в игру играет:
Эта старуха забрала ее,
И заставила ее работать на вас,
И ей действительно заплатили
С красной салфеткой в придачу,
Шелковый корсет и упряжь,
Платье, что еще вам нужно?
Так много, что раньше, за три феста,

Ты бы взял ее или за хлеб;
А теперь, за пару эскуз
Или благородная (*золотая монета*) висит на чреслах.
Во времена ее первого поезда,
Она ездила повсюду, далеко и близко;
А теперь она - большое зерно,
И ходит только в тайные подъезды;
Она ездила до и после,
Одна, вверх и вниз;
Теперь особый случай
Что ее надо вести верхом.
Какой обман!
Это обман и коварство;
Изобретатель всех зол
был этот маккарель.

Справедливый Кокьярт хочет, чтобы маклер был наказан и заплатил штраф, но не в пользу сержанта, а в пользу общества, которое будет освобождено от уплаты нечистого долга красавице в красном колпаке и шелковом корсете.

Гораздо более деликатный вопрос, касающийся любовных долов, был задан ученому чиновнику из Реймса: может ли *образ* (наивная девушка) злоупотреблять доверчивостью мужчин, продавая им один и тот же предмет три раза:

Quelque gros grain, faiseur du saige,
Идет маленький подавальщик:
Тот платит за ученичество
и первого ребенка.
Потом приходит какой-нибудь эсколар,
Горгиас, из хорошего дома,
Который начинает пробовать свои силы,
И становится вторым эшансоном.
Потом появляется некий симпатичный парень.
Который платит и передает дестройц:
Как вам кажется, правильно ли
Продавать одну вещь за три?

Кокьярт был слишком честен, чтобы мириться с таким обманом в отношении качества товара: он приказал выпороть и избить *нимфу*, виновную в *stellionat amoureux*,

полуодетую и полунагую,
чтобы признать преступление,
Не на перекрестке или на улице,
но на четырех рогах ликта,
Зубы против зубов, надежда
Задумчивый, влюбленный,
И голова в конце чалицы,
вместо задницы телеги.

Достойный Кокьярт, которому, как чиновнику, часто приходилось судить сложные дела и которого, например, не должны были пугать тайны *жирных дел*, демонстрирует весь авторитет своего знания закона в "Пладеении между простотой и русскостью". "По мнению

аббата Гуже (*Biblioth. franç.*, t. X, p. 160), самым главным аспектом этой пьесы является ее непристойность. Две женщины ссорятся из-за любовника; адвокаты приводят аргументы "за" и "против"; права каждой стороны изложены, подробно описаны и доказаны, и эти соответствующие права, выставленные на всеобщее обозрение, конечно, не основаны на хорошем поведении или регулируемой морали сторон; судья прерывает адвокатов; последние возобновляют свои мольбы; происходит расследование; заслушиваются свидетели: это формальная процедура".

Один из адвокатов, М^есимон, пространно рассуждает о том, что если бы мужчинам, в силу их всемогущества, приходилось только нагибаться, чтобы удовлетворить свою женскую похоть, то такая чрезмерная легкость чувственных наслаждений привела бы к серьезным неудобствам, так как из этого следовало бы, что

что дурной человек мог бы
Предаваться сладостям и грубости,
И кажется, что было бы неправильно
Убить женщину на улице:
Если бы такие неоправданные манеры
Все было бы упразднено,
Бедные девушки были бы потеряны
И ремесло было бы слишком жестоким:
Поэтому не было бы никого.
Кто бы не управлял дамуазелями.
И чтобы он не хотел сегодня,
не желая иметь самых красивых.
И самых отвратительных, если они
Желающих отказаться от себя...

Среди свидетельских показаний следует упомянуть показания старого *маклера*, который рассказывает, как ла Русе, которая, вероятно, была женщиной распутного образа жизни, возбудила против ла Симпле публичных девушек района и отправилась ночью в сопровождении этих *девиц* проводить субботу у дверей своей соперницы. Кокьярт дает нам следующее описание этой свидетельницы:

Дама необыкновенной доброты,
Валентин нестандартный,
Монахиня из Фреваулкса,
Настоятельница высокого культа,
Настоятельница с длинным барьером,
Из епархии Бурдо;
Аулмусньер де Вьелькс Навелькс,
Гардианна де Вьелькс Драппеаулькс,
Со спиной, похожей на капюшон,
верхом на четырех лошадях.
Без эстривьеров и без хауса,
И морщинистый, как сурок.

Описывая собравшихся девушек, свидетель называет большинство из них по именам и прозвищам, которые очень похожи на те, что мы извлекли из "Тайля" 1292 года, свидетельствующего о сохранении обычаев проституции. Эта любопытная номенклатура и

сегодня позволяет найти в последних рядах потерянных женщин многих из тех несчастных, которые откликнулись на призыв.

Это Марго ла Генте,
Жаклин де Карпентрас,
Олив де Гаст-Фатрас,
Угюэлин де Кот-Кроте,
Марион де Трен-Поэтрас,
и Жюльенна л'Эсгаре,
Кристин ла Декулуре,
Египтянка ла Помпез,
Августина ла Мопаре,
Бертелин ла Риотез,
Сансонетт Лурд-Гримарре,
Генриетта ла Мармитейз,
Гильметта Порте-Кюирасс,
Рагонда Мишелон-Бекасс,
Регнадин ла Ронделетт,
Лоранс ла Гран-Шише-Фейс,
Проживают в Ла Пурселет,
Жакетта ла Бланш-Флеретт,
Тиенон ла Кузин-Йолант,
Эделин Писсе-Коллетт,
Хозяйка Труйе-Воланта,
Фреминетт де Маль-Таллент,
Джеффин Пти-Фретильон,
Раукелин де л'Эсгильон,
Жосселин де Беквильон,
и дама Битрикс, проживающая
на улице дю Каррильон,
В доме баклана.

Эти разнообразные прозвища, характеризующие недостатки и качества девушек, их происхождение, физиономию или туалет, могли бы послужить материалом для весьма любопытных комментариев, которые ученый Ледушат не пропустил бы; так, Олив де Гаст-Фатрас, как нам кажется, была окрещена таким образом, потому что она портила мужчин, которые к ней приближались. В то время связку ключей называли *фатрасом*, и, в образном стиле добрых *плутов*, ключи и фатрасы были повсюду. Марион де Трен-Поэтрас, по-видимому, обязана этим неприятным прозвищем грязной рубашке, похожей на ту, которую изобразил нам комический писатель школы Брускамбия, "нагрудной спереди и позолоченной сзади". Кроме того, мы можем поверить, что Кокьяр не ездил в Париж в поисках своих тем, а собрал в своих наивно-гравийных стихах все, что видел своими глазами в добром городе Реймсе.

Он мог быть прекрасным чиновником, и Жан Ювеналь де Урсен, архиепископ Реймса, без колебаний назначил его своим душеприказчиком в 1472 году; но он, безусловно, был очень остроумным и очень веселым поэтом, с очень свободными нравами. В его поэзии много очаровательных вольностей, которым Лафонтен не гнушался подражать. Он, несомненно, был не слишком щепетилен в вопросах морали людей, с которыми общался. Его стихи

знакомят нас с его образом жизни, а эпитафия, написанная Клеманом Маро, говорит о том, что он умер так же, как и жил:

La morre est jeu pire qu'aux quilles,
Не больше, чем у эшелонов, не больше, чем у пера:
В этой забаве Кокьярт
Потерял свою жизнь и свои раковины.

Эту эпитафию, конечно, не поняли цитировавшие ее биографы, которые считают, что Кокьярт, потеряв на *морре* значительную сумму денег, умер от горя. По мнению аббата Гуже, Клеман Маро имел в виду три золотые раковины, которые старый Кокьярт носил на своем гербе. Мы считаем, что эту эпитафию следует рассматривать как серию каламбуров, о которых комментаторы Маро не подозревали. *Морре* - это, несомненно, игра, восходящая к древнейшим временам, *micatio digitum*, которая заключается в том, чтобы поднять столько пальцев, сколько поднимает противник, указывая число с удивительной живостью. Легко уловить непристойную аллюзию, которую поэт преподносит уму, просто сравнив *morre* с *любовью* и проведя аналогию между двумя играми. Из этого следует, что Кокьярт потерял *свою жизнь и свои раковины* (еще одна непристойная аллюзия), играя в *любовь*. Образно говоря, *под раковиной* понимался женский пол (*ovi putamen*), а под яичками - мужской (*testiculi*). Поговорка гласила, что у женщины *раковина чешется*, а у мужчины - *звенит*. Из этих филологических объяснений становится ясно, что Кокьярт, преследуя дамские компании, заразился позорной болезнью, которая опустошила его до такой степени, что его половые органы стали гангренозными и в конце концов попали под нож хирурга. Кокьярт умер около 1500 года, в то время, когда неаполитанская болезнь уносила множество жертв во Франции. Это была не назидательная смерть для чиновника, но вполне естественная для поэта, у которого не было других муз, кроме *возлюбленных* из приютов.

ГЛАВА XXIII.

Краткое содержание.- Жизнь плохих мальчиков и веселых девушек в пятнадцатом веке.- Юность Франсуа Вийона.- Его *villonneries*. - Его судебные процессы.- Его Маленькое Завещание.- Знаменитые кабаре.- Его эпитафия.- Его *Большое Завещание*. - Прекрасная Heaulmière.- Folle femmes des corporations de métier.- Parler un peu poictevin.- Saint-Genou et Brisepaille, en Poitou.-Энне, ругательство, употребляемое девушками -Таблица семейной жизни одного *компаньона* или *франконца* -Баллада для тех, кто плохо живет -Лес труи и ле пурсо -Вильон кри мерси -Сес репюс френч -Ла диаблери де Монфокон -Лес жур де фарс -Лес энфанс сан-суси -Ла зеленая молодость Клемана Маро -Ла легенда мэтра Пьера Файфё -Маке ла предан и ла филле аттурне.

Именно из произведений Франсуа Вийона мы должны узнать, какой была жизнь плохих мальчиков и веселых девушек в пятнадцатом веке. Вийон, прежде чем попасть в тюрьмы Шатле и погибнуть под колесами, провел свою юность в местах разврата, посещая лишь постыдные компании, которые он там встречал. По его собственному признанию, именно азартные игры, *франки* и женщины привели его к преступлению, из-за которого он и его сообщники были осуждены два или три раза. Он родился в честной и бедной семье *Корбей*, но получил прозвище *Вийон*, что значит вор или плут, когда его *подвиги с клещами и мошенничеством* принесли ему известность как ловкому плуту среди хулиганов доброго города Парижа. Он получил звание *школьника*, и по его стихам можно судить, что он учился

в великих школах на улице Фуаре, а затем был принят в качестве *мастера искусств* в школы сленга и проституции.

Он начинал с мелких краж, которые сулили ему лишь возможность хорошо пообедать с друзьями и любовницами; он брал на себя обязанность снабжать их хлебом, мясом и, главное, вином, не развязывая кошелька, и придумывал уловки, с помощью которых грабил купеческие лавки. Первый суд над ним состоялся в 1456 году. Тогда он был заключен в тюрьму Пти-Шатле и во время этого плена написал свое "Птичье завещание", в котором вспоминает некоторые моменты своей кривой и бесчестной жизни. В своих проступках он винит любимую женщину, имя которой не называет; вероятно, это была девушка, с которой он сожительствовал и которая однажды зимним вечером выгнала его из дома, умоляя не возвращаться. Оказавшись без крова и средств к существованию, Вийон прибег к воровству, чтобы не умереть с голоду, и стал скитаться по парижским улицам. Однако, с удовольствием вспоминая о приятных временах, проведенных с этой *виллотьерой*, он оставил ей в наследство свое *мертвое и холодное сердце*, сказав,

Кто так жестоко прогнал меня,
что мне запрещена радость
И лишила всех удовольствий.

В одном из отрывков "Птичьего завещания" говорится, что распутники Университета и Дворца имели обыкновение ходить со своими *мешинами* либо в кабаре "*Абревуар Попен*", которое находилось на берегу реки, напротив улицы Тиботоды, на месте, где позднее была построена набережная Межиссери, либо в "*Тру*" (бушон) "*Помме дю Пин*", местонахождение которого нам неизвестно, хотя это кабаре было знаменито и в XVII веке.

Франсуа Вийону было всего двадцать шесть лет, когда он покинул Пти-Шатле и вернулся к своим дурным привычкам. Дурное общество, которое он увидел, вскоре оказалось для него роковым, и хотя он продолжал жить за счет беспутных женщин, которые предоставляли ему привилегии любовника, его не устраивали деньги, которые приносила в дом недостойная торговля его компаньонов. Он отправился совершать свои *злодеяния*, вооруженный на большой дороге, в компании с некоторыми из развратных людей, которые затем помогали ему растрачивать добычу за игрой и за столом. В 1461 году, после акта насилия, который, по-видимому, произошел в деревне Рюэль, недалеко от Парижа, он был снова арестован в Мелене вместе с пятью своими сообщниками, предан суду Шатле и приговорен к повешению на виселице в Монфоконе. Он воспринял это довольно весело, поскольку сочинил собственную эпитафию:

Je suis François (dont ce me poise).
Родился в Париже, близ Понтуаза.
Или: "От корда до тоза",
Заорал мой воротник, чтобы задница поехала.

Тем не менее, по совету своего адвоката, он не подчинился правосудию парижского прокурора и обжаловал приговор в парламенте. Именно во время рассмотрения этой апелляции он написал *в рифму* свое "Великое завещание", в котором с большим остроумием и злобой вывел на чистую воду всех игроков в кости, всех бегунов по хатам и весь позорный персонал современной проституции. Таким образом, это "Большое завещание", мало свидетельствующее о раскаянии его автора, является верным отголоском дурных мест Парижа и скандальным зеркалом жизни поэтов, школяров и бродяг.

Вийон начинает с того, что вводит в свой "*Завет*" прекрасную Гольмьер, которая в молодости имела золотой пояс и порочную репутацию, но, состарившись, уже не могла заниматься ничем, кроме содержания публичного дома. Прекрасная Геульмиер (возможно, торговка, продававшая или делавшая шлемы на улице Геумери) была очень красива и, как таковая, пользовалась популярностью у *священнослужителей, купцов и церковников*, которые не скупились на ее благосклонность; Но в то время, когда ее благосклонность оплачивалась столь высокой ценой, она влюбилась в *коварного мальчишку*, который не дал ей ничего, кроме дурного обращения, и лишил ее всего, что она заработала трудом своего тела. Мы видим, что нравы отвратительных паразитов проституции не изменились за четыре столетия. Давайте послушаем жалобы прекрасной Хольмье:

Теперь я только грубая.

И, клянусь душой, мне это нравится!

А кому он придает изящества,

Он любил меня только ради меня.

Jà ne me sceut tant detruyer,

чтобы топтать меня ногами, что я его не люблю,

А он заставлял меня тащить свои дожди,

Если бы он сказал мне поцеловать его

И забыть все мои беды,

Обжора, со злым пятном,

Поцеловал меня! Я стал намного толще!

Что мне остается? Стыд и грех!

Прекрасная Эольмьер, оплакивая себя перед костром из шеневот, приседала на пятки напротив других старух, которые слушали ее с насмешливой улыбкой. *Лукавого мальчика*, о котором со вздохом говорила эта бывшая помешанная на теле женщина, не существовало, по ее словам, уже тридцать лет. Впрочем, комментаторы нашего поэта склонны считать, что она так сожалела о самом Франсуа Вийоне, ведь он так часто бил и грабил ее. Она рисует изящный портрет того, кем она была тогда, в противовес печальной картине того, кем она является сейчас. Здесь она - проститутка, там - *брокер*. Давайте поместим эти два совершенно разных портрета друг напротив друга.

Что стало с этим многоликим лбом?

Светлые волосы, *дугообразные* брови,

большие глаза.

D'dont prendoye les plus subtilz;

Этот красивый нос, ни большой, ни маленький,

Ces petites jointes oreilles,

Menton fourchu, cler vistraictis (*ясное лицо, хорошо сделанное*),

Et ces belles levres vermeilles?

Ces gentes espaulles menues,

Эти длинные руки и эти кисти *traictisses* (*хорошо сделаны*),

Маленькие сиськи, мясистые бедра,

Приподнятые, чистые, подходящие

Чтобы держать любовные лизы,

Эти широкие чресла, эта седи́на

Сидящий на больших крепких куйсах

В своем прекрасном саду?

Морщинистый лоб, седые волосы,
Брови вразлет, глаза вразлет,
Который смешил и веселил людей.
Который был достигнут многими купцами,
Нос изогнутый, красоты вьюнок,
Уши висячие и мохнатые,
Le vis (*visage*) pally, mort, et destaincts,
Menton foncé, levres peaussues.

Это человеческая красота,
Короткие руки и сжатые кисти,
горбатые плечи,
Млекопитающие, что? Все втянуто;
Как бедра, что тет-а-тет
Садины... Фы! Что касается бедер,
Бедра уже не бедра, а ляжки
Толстые, как бедра.

Поэтому прекрасная Heaulmière ни на что не годится, кроме как *преподать урок filles de joie*,
и вот какое *учение* она преподносит им в балладе, где мы отмечаем, что *сумасшедшие женщины* принадлежали в основном к торговым гильдиям, как мы уже указывали.

Или, подумайте, прекрасная перчаточница,
Qui m'escolière souliez estre,
И ты, мыловар Бланш,
Настало время познать тебя!
Возьмите декстер и синистер,
Не жалейте мужчин, прошу вас,
Ибо у старух нет ни хода, ни дела,
Не то, что монахиня, которую описывают.

Et vous, la gente saulcissiere,
которые любят танцевать,
Гильеметт, обойщик,
Не отвлекайтесь на своего господина:
Tous vous fauldra clore fenestre,
Quand deviendrez vieille flestrie,
Вы не будете служить больше, чем старый священник,
И не больше, чем старый священник.

Jehanneton la chaperonniere,
Следите за тем, чтобы вам не было скучно;
Katherine l'esperonniere,
Не отсылайте мужчин,
Ибо, qui belle n'est, ne perpetre
Их мужская грация, но их смех:
Laidde vieillesse amour ne impetre
И не надо, чтобы он был мужественным.

Девушки, послушайте, что вы делаете.
Послушайте, почему я плачу и кричу?

Потому что я не могу заставить себя
Ne que monnoye qu'on deserie.

Эта баллада рассказывает нам о том, что в XV веке проституцией занимались *перчаточники, саватиры, сосисьеры, таписьеры, шаперонньеры и эперонньеры*. Есть еще одна особенность, о которой стоит упомянуть: эти беспутные женщины стояли у своих окон, чтобы привлечь прохожих, как это до сих пор принято в Голландии, Гааге и Амстердаме, где на подозрительных улицах можно увидеть полуобнаженных или сладострастно украшенных девушек у окон первых этажей за прозрачными занавесками.

Франсуа Вийон, на которого нацелились вилы Монфокона и который, возможно, наполовину исправился в надежде избежать виселицы, советует своим читателям остерегаться *barat* (обмана) публичных девушек, которые охотятся лишь за кошельком и честью своих соседей; ибо, говорит он,

Ибо они - порочные женщины!
Если они любят только за деньги,
Их любят лишь на время:
Все дворяне довольны,
И смеются, когда плачет кошелек.

Поэт раскаивается в том, что раньше не посещал хороших женщин, которые бы уберегли его от порока, а не ввергли в него, но он не может не воспроизводить в своем воображении с самодовольством фрейлин своей безумной юности; они были *порочными женщинами*, конечно, но они были так прекрасны, так радостны, так хорошо созданы для любви! Он даже вспоминает уроки, полученные от двух из них, которые научили его *немного говорить на поэтическом языке*. Мы полагаем, что под этим образным выражением, точный смысл которого нам было бы трудно передать, он подразумевает искусство *сводничества*; он также называет двух своих учителей только метафорой, которая более понятна или, по крайней мере, объяснима:

Filles sont très-belles et gentes
Живет в Сен-Жену,
недалеко от Сен-Жулиана-де-Вовент,
Марш-де-Бретань или Пуату,
Но я не знаю, где.
Но думаю об этом каждый день,
ведь я не так уж и безумен:
Je pense celer mes amours.

Чтобы понять этот образный язык, достаточно сравнить его с отрывком из "Гаргантюа" Рабле (т. I, гл. 6), где упоминается *пожилая орда*, занимавшаяся повивальным искусством: "Она приехала, - говорит мэтр Франсуа, - из Бризепайля, что близ Сен-Жену". В своем комментарии ученый Ледушат отмечает, что в Лангедоке и Дофине так называли старую развратницу: "Это значит, - говорит он, - что давным-давно солома ее кровати была сломана ее коленями".

Вийон отбросил стыд; он сделал карьеру своим произведениям и сформулировал в этих выражениях мораль виверов своего времени:

Il n'est tresor que de vivre à son aise.

Он восхваляет парижских женщин, у которых такой острый клюв, и возвышает их над всеми языками христианства:

Париж - единственное место с хорошим клювом.

Он признает и другие достоинства парижанок и приводит в пример нескольких, которые, однако, не сколотили свое состояние в разврате:

Темуан Жаклин и Перретт.

И Изабо, которая говорит: "Энне!"

Клеман Маро в примечании к своему изданию "Вийона" утверждает, что слово "энне" было девичьим ругательством. Вийону жаль этих трех бедных девушек, которых он не смог обогатить и которым он желает крохи, падающие со стола Селестенов и Шартрё; но все его предпочтения обращены к толстушке Марго:

Tres douce face et pourtraicture,
Весьма набожное создание:
Я люблю ее по самой ее природе,
А она меня, милый сад!

Именно ей он адресует балладу, героиней которой является она, а героем - он. Эта баллада дает нам живописную и циничную картину быта девушек и их возлюбленных:

Si je ayme et sers la belle de bon haict (*de bon cœur*),
Разве ты обязана быть мерзкой и глупой?
В ней самой есть то, что нужно!
Для ее любви - щит и кинжал.
Когда дело доходит до людей, я выхватываю у тебя горшок:
К вину я иду, не поднимая шума.
Я предлагаю им воду, хумус, хлеб и фрукты;
Если они хорошо платят, я говорю им, что well stat (*все в порядке*):
Возвращайтесь сюда, когда вы в рутье,
В этот бурдель, где мы храним наше государство.

Но вскоре после этого наступает великое уныние,
Когда без денег Марго ложится спать;
Я не могу ее видеть, мое сердце ненавидит ее до смерти;
Возьмите ее платье, салфетку и сюртук,
Если он пообещает, что они будут держаться за эскот.
По бокам, если их возьмут, Антихрист
Кричит и клянется смертью Иезухриста,
Que non fera... Затем я ставлю слизняка,
На его носу я пишу сценарий,
В этой бурде, где мы храним наше государство.

Затем заключен мир, и я устало пукаю,
Более раздутый, чем ядовитый карбункул,
Смеясь, я кладу кулак на макушку;
Гого говорит мне и гордится моей ногой.
Мы оба спим как влитые,
А утром, когда его живот заурчит,
Забирается на меня, чтобы я не испортил ее плод,

Под ее дыханием я становлюсь плоским больше, чем в возрасте:
Она разрушает меня, превращая все в солому,
В этом бурделе, где мы держим государство.

Sale, gresle, gelle, Я хлеб свой пеку:
Я развратник, разврат - мой удел:
Один идет за другим, это к мау-чат мау-рат;
Мы отбросы имеем, и отбросы за нами идут,
Мы избегаем почестей, и они избегают нас,
En ce bourdel où tenons nos estat.

Невозможно изобразить в более отвратительных красках это ужасное сожительство, когда мужчина жил за счет проституции женщины, которой он благоволил и покровительствовал. Вийон берет нас с собой в эти грязные трущобы, где самый мерзкий разврат давал приют пьянству. Знаменитая *Масетта* Регье - не лучшая *предательница*, чем Марго Вийона.

Вийон был возлюбленным (*le franc-gontier*) Марго, которую он бил, когда деньги не доходили до дома; но, читая его "Большое завещание", каждый раз убеждаешься, что у Марго было много соперниц того же рода. Так, поэт, находясь в хорошем настроении, говорит о Марион *л'Идоль* и *великой Жанне де Бретейне*, которая управляла *общественной школой*, где преподавал директор школы.

Но, поскольку речь идет о возмещении ущерба, с сожалением обращается к *потерянным детям*, которые должны быть найдены, по его словам, у Марион *л'Идоль*, и призывает их остерегаться подражать ей. Баллада *о хорошем учении*, которую он предлагает *тем, кто живет плохо*, еще лучше знакомит нас с этими столпами таверн и *бурделей*:

Car, or' soyes porteur de bulles,
Трубник или опасник дез,
Резчик фальшивых айв, ты сгоришь
Как те, кого *сжигают*;
Извращенные *предатели*, веры вуйдез,
Будь вором, разбойником или грабителем:
Куда же девается оправдание?
Все в кабаки и к девкам.

Rime, raille, cymballe, luttés,
Навевает все остальные эшонтес,
Фарс, броль, игра в флюст,
Fainctes, jeux et moralitez,
Устраиваемые в городах и поселках;
Приколы в берлане, глик (*карточная игра*), кегли:
Куда все это девается? А теперь послушайте,
Все в кабаки и к девушкам.

От такого мусора вы отступаете,
Пахать, косить поля и луга,
Служите и думайте о лошадях и мулах,
Если вы ни в коем случае не грамотеи;
Assez auras, si prens en grez;
Но, если коноплю молотят или пашут,

Ne metz ton labeur qu'as ouvrez,
Tout aux tavernes et aux filles.

Обувь, аксессуары и набойки,
Платья и все драпировки,
Ains que cessez, vous porterez
Все в таверны и к девушкам.

Эта нравоучительная баллада рассказывает нам о том, что поэты, комедианты, жонглеры, музыканты и азартные игроки составляли лучший цветок проституции. Вийон выделялся среди них своим озорством и любовными похождениями, хотя и был беден, так как сильно тяготился курганами своих любовниц. Вскользь он упоминает о скупом скопидоме, господине Жаке Джеймсе, который тратился только на *свиноматок* и покупал свои удовольствия как можно дешевле:

Для кого он копит? Для себя;
Он не жалуется, кроме как на свои куски:
Что было для свиноматок, то я держу.
Qu'il doit de droit être aux pourceaulx.

Наконец, несчастный Вийон, насмешливо сделав последние приготовления, предал свою душу молитвам всех, кто был заинтересован в его судьбе:

A fillettes, monstrans testins
Чтобы было больше хозяев;
A ribleurs, leaders of hutins;
A bateleurs, traynans marmottes;
A folz et folles, sotez et sottés,
Которые свистят пять и шесть;
За мармузеев и марионеток,
Я кричу всем мерсизам!

Но апелляция, отсрочившая исполнение приговора Франсуа Вийону, привела к более благоприятному результату, чем надеялся осужденный: он оказался включен в амнистию, которую Людовик XI объявил заключенным по случаю своего радостного пришествия. Таким образом, поэт избежал испытания петлей и весело вернулся к *тавернам и девушкам*. Он слишком близко видел последствия уголовного процесса, чтобы подвергать себя ему снова; но он был слишком порочен и слишком жесток, чтобы вести себя благородно: тем не менее, он больше не воровал на дорогах и проезжих дорогах и избегал новых столкновений с законом.

Несомненно, именно в это время он принимал участие в веселых *repues franches*, которые в рифмованной форме отмечал один из его *подруг* и которые по прямой линии восходили к его бывшим вилланерам. Речь всегда шла об обильных трапезах в ущерб другим, а также о том, чтобы добыть *плоть*, хлеб и вино с помощью какой-нибудь хитроумной уловки. Стихотворение *Repues franches*, которое иногда приписывают самому Вийону, призывает к запрету и отсутствию проституции:

Venez aussi, toutes prestresses,
Qui savez pièce les adresses
Des prestres d'amours hault et bas:
Убедитесь, что вы не потерпели неудачу!

Идемте, горьковчане и горьковчанки,
Кто так хорош в манерах,
что это ужасно,
Чтобы сделать все возможное!
Все виды шутов,
Старые и молодые насмешники,
Приходите все, истинные сводники
Из всех сословий старых и новых!
Приходите все вы, мадам,
Которые своими тонкими ссорами
Проводят все время в своих домах,
Иметь во все времена года,
И рабочие дни, и воскресенья,
Часто служанки откровенно едят.

Уже один стиль этого стихотворения показывает, что оно написано позже Вийона. Что касается приключений, о которых в нем рассказывается, то одно из них явно принадлежит знаменитому парижскому школьнику. Они были хорошо обеспечены; у них был кувшин вина, хлеб и *изысканный* паштет из шести каплунов и мяса; в заключение они вели,

С каждым из них по девушке.

Два школьника, один из которых, должно быть, был сам Вийон, вообразили, что едят ужин компаньонов, которых они нашли сидящими в *домике* или хижине,

Esperant de faire grand' chiere
И отведать от него и до него
Бедные девушки, высокие и низкие.

Два школьника нарядились дьяволами; они надели ужасные маски и взяли с собой дубинки, с которыми набросились на галантов, крича во весь голос:

... Смерть, смерть, смерть!
Возьмите эти железные цепи
Рибаулкс, шлюхи, для утех,
И заберите их в ад!

Спутники и девушки в ужасе убежали, считая себя проклятыми и оставив там свой ужин; два дьявола, усевшись за стол, ели и пили очень смело, не потратив на это ни копейки.

Это приключение, очевидно, является источником аналогичной истории, которую Рабле рассказывает о Вийоне и его труппе школьников, переодетых в чертей и исполняющих фарсы, мистерии и моралите. Кочевые актеры этих драматических произведений были фанатичными либертинами, хотя часто играли моралите и религиозные пьесы; но они предпочитали ставить фарсы и *соту*, которые не требовали огромного количества декораций и костюмов, как мистерии. Такая народная комедия больше соответствовала их нравам и характеру. Поэтому они ходили из города в город, *проказничая* и *гримасничая*, под аплодисменты своих грубых зрителей, которым нужен был только смех и которые прекрасно чувствовали грубую соль и пряности *валлийского* остроумия. Эти комедианты и странствующие поэты жили в разврате, с потерянными дочерьми, которых они не показывали на сцене, так как сами исполняли женские роли, надевая на лицо или закрывая его маской. Женщины-актеры появились во французском театре только в конце XVI века.

Добропорядочная публика, которая не скандалила, слыша самые непристойные шутки, не потерпела бы их из уст женщины.

Однако несомненно, что комические труппы, состоявшие из поэтов, школьников, адвокатов и молодых авантюристов всех мастей, отличались настолько распущенными нравами, что гражданские и судебные власти часто приказывали им разойтись и не позволяли разъезжать по стране, давая представления, которые никогда не обходились без скандала. Труппы "Басош", "Мадам Сотте", "Принц де Сот", "Орлеанская империя", "Дети Сан-Суси" и т. д., несомненно, были не только театральными труппами, но и объединениями либертинов. Доходы от *игр* шли, как говорится, на *меблировку* столов и кроватей *игроков*. К концу XV века светские поэты учились своему ремеслу в этих веселых объединениях, где каждый забывал свое настоящее имя и брал себе прозвище и девиз. Жан Бушо называл себя *le Traverseur des voyes périlleuses*; Франсуа Габер - *le Banny de liesse*; Пьер Грингуар - *Mère-Sotte* и так далее. Клеман Маро, который был автором и актером фарсов в труппе "Детей Сан-Суси", взял на себя труд защищать своих товарищей по удовольствию в стихах от завистников, которые обвиняли их в скандальной жизни и спровоцировали их изгнание из Парижа около 1512 года:

Кто те, кто так завистлив
В их сердцах печаль и грусть.
Dont, ce que nous sommes en vie,
De maistre Ennuy n'escoutons la leçon?
Они очень ошибаются, видя, что в правильном смысле
Мы потребляем наш цветущий век.
Прыгаем, танцуем, поем в свое удовольствие,
Ложная зависть, разве она причиняет боль?
Ненормальная, но вся доброта
И воля геев, что держит нас в своих озерах:
Так не вини нашу юность,
Car noble sœur ne cherche que soulas (облегчение).

Клеман Маро был слишком заинтересован в сокрытии истины, чтобы не прикрыть честным плащом разврат беззаботных Детей. По его словам, его товарищам было в чем упрекнуть себя - только в юношеских шалостях:

Доброе сердце, доброе тело, добрая физиономия;
Пить по утрам, остерегаться и ссориться;
Вечером - за любовь к подруге,
Перед ее дверью маленькая песенка;
Trencher du brave et du mauvais garçon,
Идти ночью, не причинив обиды,
Уйти на пенсию, вот в чем фокус;
На следующий день пресса начинает все сначала:
В заключение мы просим ликования,
Чтобы не уставать:
И будем утверждать, что это благородство,
Ибо благородные сердца ищут только души.

Эта *душа*, столь назидательно воспетая Клеманом Маро, отправилась прямоком в проституцию, и произведения этого поэта, которого Кальвину все же удалось обратить к

Реформации, полны развратных воспоминаний о том, что он называет своей "*зеленой молодостью*" (*verde jeunesse*).

Такова была и обычная жизнь школьников, посещавших занятия до совершеннолетия и находивших слишком много возможностей для распутства в Париже и университетских городах. Клеману Маро, например, было всего девятнадцать лет, когда он дал гиперболическую оценку столичным девушкам (*Dialogue de deux amoureux*):

Quand les petites villotières
Найдут себе какого-нибудь крепкого любовника
Который сочтет нужным поставить диамант
Перед их глазами рианы и стихи (мерцающие),
Коак! Они падают назад.

Современник Маро, Пьер Файфё, школьник из Анжера, чьи "*Légende en rimes*" были собраны Шарлем Бординье около 1531 года, стал почти таким же знаменитым, как Вийон, благодаря своим *радостным жестам и словам*. Но его историограф, будучи священником, должен был не замечать самых непристойных выходок и самых бесстыдных замечаний анжуйского школьника, которого он противопоставлял знаменитому парижскому школьнику. Итак, эта наивная *легенда* не изображает, как можно было бы подумать, проституцию школьников; но из двух-трех отрывков можно с уверенностью предположить, что Пьер Файфё посещал те же компании, что и Франсуа Вийон, и тратил все деньги, которые выманивал у своих товарищей, *в тавернах и на девушек*.

Вот как он однажды отомстил старой приверженке по имени Маса, которую он называет *lorpidum* (*lourpidon*, у Рабле - ведьма). Эта старуха поссорила его с матерью, сообщив ей о *глупостях*, в которых общественный голос обвинял умного школьника. Пока старуха распутывала свои зловерные четки во вред Пьеру Файфу, этот мастер плутовства ловко стащил с пояса ключ от его двери, отправился просить милостыню, с которой был в сговоре, и запер ее одну в комнате Маса; затем, вернув ключ на место, он разбудил жителей квартала, сообщив им, что у Маса в доме заперта *шлюха*,

чтобы отдать ее тому, кому она обещала.
Для собственного удовольствия, как настоящую шлюху.

Толпа окружила дом и ропщет на благочестивую Маса. Тогда Файфу побежал к своей матери и сказал ей, изображая возмущение:

Ты зря веришь этой старухе!
Пусть это неправда, моя голова разбита,
Если теперь в ее доме не спрятана
какая-нибудь шлюха, которую она держит для какого-нибудь монаха!
Я попрошу тебя, если у тебя нет полотенца,
Пойдите и посмотрите!

Мать уходит; старуха сама ведет ее, но она верит в дьявольскую иллюзию и не более как расписывается, среди насмешек и оскорблений, которые следуют за ней, когда она видит, открыв дверь, радостную девушку, то есть одетую в свои одежды и знаки отличия проституции.

ГЛАВА XXIV.

Резюме.-Де-ла филология эротики.-Жаргон или жаргон проституции.-Происхождение этого жаргона.-Великая констатация *hic et hoc*.-Комментарий Ледушата к Рабле.-Эротика вербы аббата Олье.-Комический словарь Леру.-Ричность эротического языка в XVI веке.-Древние названия публичных девушек.-Синонимы, образованные от греческих, латинских, итальянских и т.д.-Синонимы, заимствованные из названий животных.-Синонимы, относящиеся к бродячей жизни проституток.-Те, которые относятся к их профессии.-Те, которые классифицируют их по категориям.-Лицензионные фразы и игра слов.-Имена святых, девиц и порочных людей.-Добавления к номенклатуре аббата де Олье.-*Les Femmes au court talon*.-Поговорки о проституции.-Диминутив *Екатерины*.-Старые названия плохих мест: этимологии - Старые названия паразитов проституции: этимологии - Старые названия свах: этимологии - Портрет старого сутенера, Франсуа Рабле - Сибилла Панцуста и Масетта Регнира.

Если бы эротическая филология могла стать частью общей истории проституции, мы могли бы посвятить ей несколько очень новых и очень интересных глав; ведь до сих пор не существует специального труда, в котором бы тщательно изучалось происхождение языка, или, скорее, жаргона, дурных мест. Этот язык, который можно назвать техническим, едва упоминается в нескольких старых французских словарях, тогда как большинство греческих и латинских глоссариев отводят ему большое место и смешивают его, так сказать, без всяких угрызений совести, с языком ораторским и литературным. Поэтому нет ничего проще, чем извлечь из глоссариев, посвященных древним и классическим языкам, все, что относится к античной проституции, и ученый П. Пьеруж не стал тратить на составление своего *Glossarium eroticum linguæ latinæ*, самые любопытные статьи которого попали в портфель прекрасного филолога, барона де Шонена, чей прекрасный труд о греческой эротике вознес бы его в авангард современной науки. Еще многое предстоит сделать в плане познания старофранцузского эротического языка; материалы бесчисленны, но они так и не были собраны и использованы. Если, как сказал Буало,

Латынь в словах бравирует честностью,

то французский язык более скромнее или, по крайней мере, более робок и коварен. Этот эротический язык, столь богатый и часто столь изобретательный, надо признать, резвится только в гей-фантазиях, либертинских романах, грассирующей поэзии, веселых сказках и дрянных песенках. Более того, он дезавуирован самим языком и полностью изгнан из словарей, куда он иногда проскальзывает только под соответствующей маскировкой; но тем не менее он существует со своим оригинальным гением и передается из уст в уста по традиции, сохраняя свои архаизмы, свои метафоры, свои образы, свои пословицы, даже свою оноματοпеею. Этот непристойный язык можно сравнить со сленгом воров и проститутинов. У него есть смысл существования, и хотя он не имеет отголосков в языке честных людей, хотя он находится вне закона грамматики, хотя его не преподают вместе с гуманитарными науками, он вечно жив и никогда не стареет, потому что всегда катится по одному и тому же фонду и ему уже не нужно распространяться на новые объекты.

При филологическом исследовании жаргона проституции было бы легко доказать, что этот жаргон является современником вульгарного языка и что он образовался из путаной смеси всех идиом и диалектов, как если бы он претендовал на то, чтобы представлять собой универсальный язык. На самом деле в этом странном жаргоне, порожденном капризом и уместностью, случайностью и поводом, есть множество слов, которые не потрудились оставить свой национальный характер и стали французскими, оставаясь греческими,

латинскими, итальянскими, немецкими или испанскими. Похоже, что проституция, которая по своей природе всегда бродяга и путешественник, установила язык условностей между всеми своими слугами и подданными обоих полов, на котором говорили и слышали одинаково в разных провинциях Франции, в то время, когда два соседних города часто были чужими друг другу из-за своих диалектов.

Один старый французский сказочник удачно спародировал историю, рассказанную Геродотом, который приписывает египетскому царю Псамметиху причудливое изобретение, чтобы выяснить, какой язык был первобытным, матерью всех остальных. По словам нашего рассказчика, вопрос заключался в том, каким было первое слово французского языка, и академии объявили себя некомпетентными перед лицом этого сложного вопроса. Магистр искусств, озабоченный решением подобной проблемы, решил однажды на досуге проконсультироваться по этому вопросу с сумасшедшей, поскольку, по его мнению, сумасшедшие обладают врожденными и скрытыми знаниями. Он спросил ее по-врачебному: "Приходилось ли вам когда-нибудь иметь дело с немymi? Как и всем остальным, - ответила она, - дорогая моя, неужели вы не добились от них ни одного христианского слова? Да, добились, - продолжала она, - они умеют говорить *hic* и *hos*. Это латинские слова, я полагаю? Нет, вовсе нет, милорд: это *то-то* и *то-то*. Эта нелепая история заслуживает того, чтобы привести ее в подтверждение почтенной древности эротического жаргона.

Работа, в которой этот загадочный жаргон рассматривается наиболее этимологически подробно, - это, несомненно, комментарий Якоба Ледушата к "Гаргантюа и Пантагрюэлю". Честный Ледушат, хотя и протестант, был филологом, который не стеснялся называть вещи своими именами и в вопросах эрудиции не находил ничего слишком грубого и обнаженного. Поэтому мы отсылаем наших читателей к этому знаменитому комментарию, который другой филолог, Элой Жоанно, с тех пор дополнил в том же вкусе, углубляясь в квинтэссенцию непристойностей Рабле. Есть и третий комментатор Рабле, который посвятил себя изучению эротического языка своего любимого автора; это очень ученый и очень пантагрюэлический аббат де Ольне, который в возрасте около восьмидесяти лет опубликовал хорошее издание Рабле (Париж, Desoer, 1820, 3 тома, in-12; со значительными дополнениями, Париж, Louis Janet, 1823, 3 тома, in-8). Под названием "Erotica verba" он вставил в третий том своего издания небольшой глоссарий, который Рабле не составил самостоятельно и которому не хватает развития в объяснении терминов. Дерзкий аббат, несомненно, боялся опасностей, связанных с этой темой, хотя и поставил свое порнографическое сочинение под защиту этого изречения Табура, девизом которого было: *A tous accords*, и который так охотно приобщил себя к старому французскому веселью:

Putidulum scriptoris opus ne despice, namque
Si lasciva legis, ingeniosa leges.

Недостаток этого глоссария заключается в том, что он просто записывает в алфавитном порядке выражения, большинство из которых являются древними, не добавляя к каждому из них этимологических и исторических комментариев, которые они могут мотивировать. Dictionnaire comique Леру, который переиздавался три или четыре раза за последнее столетие, несомненно, предлагает гораздо менее полную номенклатуру, чем Erotica verba Станисласа де л'Ольнея, но в нем каждое слово сопровождается цитатой, определяющей его значение и свойства. Этому Dictionnaire comique, к сожалению, не хватает эрудиции и критики, а составитель, далеко не знакомый с лучшими источниками старого языка, не стесняется делать свой предмет еще более скабрёзным, давая определения, которые часто превосходят непристойность самих слов.

Поэтому мы не будем вдаваться в трудности такого предмета, даже с оговорками, и ограничимся тем, что укажем, что французский эротический язык, который уже в XIII веке формировался очень четко, обычно использует плеоназм и избыточность. Он переводит слова, которые использует, с иностранных языков или присваивает их в том виде, в каком они есть, с их родным созвучием, ищет образные образы, торжествует в двусмысленности и постоянно устраняет монотонность дискурса, с помощью самых необычных филологических комбинаций. Как будто все слова и фразы общего языка могут быть при необходимости применены к этому специфическому языку, который таким образом обогащается за счет техники в целом. Эротический язык, как отмечает аббат де л'Ольнэ, несомненно, один из самых богатых среди всех технических языков. Например, в XVI веке существовало не менее трехсот слов или перифраз для выражения *венерического акта* (см. это слово в *Erotica verba*). Что касается мужских и женских гениталий, то они были представлены четырьмя сотнями различных названий, отличающихся живописным разнообразием и единичными атрибуциями.

Но есть глава эротического языка, которая в основном относится к истории проституции; это народные имена, которыми называли женщин с дурной репутацией в определенное время и при определенных обстоятельствах; это благородные или позорные прозвища, которыми называли их позорных оценщиков; это более или менее завуалированные синонимы, придуманные для характеристики различных аспектов публичных домов. Мы уже объясняли этимологически (глава VI, т. III, с. 367) обычные названия публичных девушек, их свах, их любовников и их резиденций в XIII веке. Но эта особая номенклатура не осталась неподвижной, а с тех пор только увеличилась, получив дань нечистой фантазии поэтов и сказочников. Так в XVI веке французский язык оказался перегружен этими эротическими наростами, напоминающими бородавки, вызванные неаполитанской болезнью.

Достаточно процитировать длинное перечисление, которое аббат де л'Ольнэ привел после слова *filles publiques* в своем глоссарии. Затем мы рассмотрим некоторые из странных названий, которые он почерпнул из книг, чтобы истолковать их и найти их истинное значение: "Accrocheuses, alicaires, ambubayes, bagasses, balances de boucher qui pesent toutes sortes de viandes, barathres, bassara, bezoches, blanchisseuses de tuyaux de pipe, bonsoirs, bourbeteuses, braydonnes, caignardières, cailles, cambrouses, cantonnières, champisses, cloistrières, cocquattris, coignées, courieuses, courtisanes, demoiselles du marais, drouines, drues, enseignant, esquoceres, femmes de court talon, femmes folles de leur corps, folles d'amour, filles de joie, filles de jubilation, fillettes de pis, folles femmes, folieuses, galloises, jannetons, gast, gaultières, gaupes, gondines, godinettes, gouges, gouines, gourgandines, grues, harrebanes, hollières, hores, hourieuses, hourrières, lesbines, lescheresses, lévriers d'amour, linottes coiffées, loudières, louves, lyces, mandrounos, manefles, maranes, maraudes, martingales, maximas, mochés, musequines, pannanesses, pautonnières, femmes de péché, pèlerines de Vénus, pellices, personnières, posoères, postiqueuses, présentes, prêtresses de Vénus, rafaitières, femmes de malcepte, redressuses, revéleuses, ribauldes, ricaldes, rigobetes, roussecaignes, sacs de nuit, saffrettes, sourdites, scaldrines, tendrières de bouche et de reins, tireuses de vinaigre, toupies, touses, troitières, viagères, femmes de vie, villotières, voyageuses, wauves, usagères, etc."

Среди этих имен, которые не все перешли из письменного языка в разговорный, и наоборот, мы замечаем несколько заимствованных из греческой и латинской древности и, следовательно, чисто литературных: alicaires, *alicariæ*; ambubayes, *ambubaiæ*; bassara, βασσαρα; lesbines, для *лесбиянок*; maximas, *maximæ*; mochés, *mœchæ*; pellices, *pellices*; barathres, *barathra*. Небольшое количество названий имитируется из итальянского,

испанского, бас-бретонского, провансальского и лангедокского языков: *bagasses*, *bagasse*; *scaldrines*, *sgualdrine*; *ricaldes*, *ricalde*; *gast*, *mandrounos* и *manefles*. Есть также названия, которые, в насмешку или в шутку, напоминают о моральных или физических аналогиях, которые проститутки могли проводить с различными животными: *перепела*, *кокатрис* (крокодилы), *левьеры д'амур* (любовные гончие), *линомте коффе* (охлажденные линетки), *лув*, *лис* (охотничьи суки), *русс-кайне* (рыжие суки, в Лангедоке), *ваув* (оборотни).

Некоторые названия указывают на бродячую и бродяжническую жизнь этих несчастных женщин: *bourbeteuses*, которые плещутся в грязи; *champiesses*, которые живут в полях; *cantonnières*, которые держатся на углах улиц; *gaultières*, которые часто ходят по кустам (от *gault* - колючий лес); *hollières*, которых часто можно увидеть меняющими место (от *holler* - бежать); *postiqueuses*, которые управляют почтой; *maraudes*, которые ходят то туда, то сюда; *toupies*, которые поворачивают направо и налево; *trottières*, которые рыскают днем и ночью; *viagères*, которые всегда в дороге; *voyagères*, которые путешествуют.

Несколько названий относятся к непристойным особенностям профессии публичных девушек: *bezoches* (кирки); *drues*; *hourrières* (кирки, которые работают на винограднике с помощью *houre*); *coignées*; *escoqueresses* (шотландские девушки); *martingales* (которые удваивают ставки); *hores* (которые получают почасовую оплату); *pautonnières* (лодочницы или паромщицы); *posoères* (которые позируют); *presentières* (которые представляют); *rafaitières* (которые вычитывают); *redressuses*; *reveleuses* или скорее *releveuses*; *touses* (которые косят) и т.д. Радостная жизнь, которую проститутки обычно ведут со своими любовниками, обозначается множеством имен, эквивалентных *filles de joie*: *galloises* (от *galle* - веселье); *goudines* или *gaudines* (от *gaudere* - радоваться); *gouines* (от *goyr* - наслаждаться); *rigobetes* (от *rigober* - зарабатывать на жизнь) и т. д. Различные виды публичных женщин обозначаются разными названиями: *accrocheuses* - те, кто вешает лапшу на уши прохожим; *bonsoirs* - те, кто привлекает их пожеланием доброго вечера; *braydonnes* - те, кто подает им глюо или *брайсы*; *cloistrières* - те, кто не выходит из хаты; *caignardières* - те, кто преследует компанию нищих; *куръезы* и *куртизанки* - те, кто живет на Кур д'амур; *демуазель дю Марэ* - те, чьи ноги всегда в грязи; *дроуины* - те, кто носит с собой все инструменты, как *дроунеры* или странствующие котельщики; *энсоиньянты* - те, кто присматривает за своими клиентами; *грю* - те, кто ждет на углах улиц; *lescheresses* - те, кто занимается отвратительным ремеслом, как римские феллатрисы; *loudières* - те, чьей единственной собственностью является жалкая клетушка; *maranes* - те, кто по цвету своей смуглой кожи и вьющимся волосам показывает свое божественное или морское происхождение; *musequines* - те, кто делает себе макияж и украшает себя; *pannances* - те, кто одет только в *panne* или *bure*; *sourdites* - те, кто впал в порок через соблазн; *saffrettes* - те, кто носит позолоченные пояса и золотые или серебряные вышивки, называемые *saffre*; *villotières* - те, кто знает стога сена, называемые *villotes*.

Перифразы, большинство из которых происходит от какого-либо пословичного выражения, говорят именно то, что они означают, и не нуждаются в комментариях, даже если они содержат непристойную игру слов, например *femmes de vie* и *fillettes de pis*. Некоторые названия заимствованы из языка обычного права, например *personnières* - участвующие в действии, соучастники; *usagères* - пустующие земли, принадлежащие коммуне, и т. д. Другие имена стали родовыми из-за обычных качеств женщин, которые их носили или получали, хотя эти имена были именами святых, замаскированными и искаженными, например, *Жаннетон*, уменьшительное от Жанны, и *Марго*, уменьшительное от Маргариты. Наконец, несколько имен, таких как *камбрусы*, *харребаны* и т. д., которые до сих пор не объяснены, потребовали бы длительного этимологического исследования, которое мы здесь не будем предпринимать.

Аббат де л'Ольнэ в своей номенклатуре синонимов, использовавшихся в XVI веке для обозначения проституток, сделал множество пропусков, среди которых мы упомянем лишь следующие: *gaures*, значение которых довольно неясно; *gorres*, свиноматки; *friquenelles*, от *frisque*, галантный; *images*, то есть раскрашенные и наперченные; *poupines* и *poupinettes*, похожие на кукол; *bringues*, по ономастике, извивающиеся; *bagues*, образно; *sucrées*, *paillasses* и *paillardes*, которые лежат на соломе; *brimballeuses*, которые звонят в колокольчик; *seraines*, или сирены; *chouettes*, ночные птицы; *capres*, или козы, из-за их похотливости; *ancelles*, или слуги; *guallefretières*, то есть корабельные служанки; *peaultres*, от которых мы получаем *peaulx*, дочерей моряков; *gallières*, которые любят радость или *гале*; *consœurs*, или невестки; *bas-culz*, и т.д. Словарь Леру comique, которым мы не пользовались, добавил бы, возможно, двадцать или около того низких и грубых названий, которые авторы шестнадцатого века подхватили из трясины проституции и которые Бероальд де Вервиль вправил, как бриллианты, в орнаменты Средневековья. Что касается перифраз, придуманных для выражения одного и того же предмета во всех его гранях, то они бесчисленны и, в общем, бьют в самый правый угол французского ума. Мы не будем пытаться добавить ни одного из них к тем, которые позаботился собрать аббат де л'Ольнэ, чтобы дать представление о всех других, которые можно было бы собрать после него.

Один из этих перифразов, *femmes au court talon*, не будет понятен просто при сравнении пословицы, сформулированной таким образом в двух рифмах:

Mais la beaulté de la court,
C'est d'avoir le talon court.

Отрывок из пятой книги Рабле рассказывает нам о том, каково это - иметь короткий каблук. Рассказывая об омоложении, которое королева Квинта проводила над старыми женщинами, Рабле заметил, что после омоложения "каблуки у них были намного короче, чем прежде, и это было причиной того, что во всех столкновениях с мужчинами они были очень податливы и легко падали назад".

Несмотря на множество всевозможных прозвищ, применяемых к женщинам с дурной репутацией, их именем *par excellence* всегда было *putain*, которое не было полностью изгнано из честного языка и стиля до конца правления Людовика XIV, поскольку оно все еще встречается в комедиях Мольера. В XV и XVI веках оно осмелилось появиться повсюду: в ходатайствах адвокатов, в проповедях проповедников, в книгах по морали, юриспруденции и истории, в произведениях поэзии и литературы. Его можно найти даже в книгах, написанных женщинами. Аббат де Л'Ольнэ процитировал четыре пословицы, в которых мудрость народов обращается к шлюхе и говорит ей правду с откровенной грубостью:

Любите шлюху, увольте шлюху.

Шлюхи - как вороны:

Чем больше она моется, тем чернее становится.

Когда мастер шьет, а шлюха бежит,
В городе мало практики.

Ни одна шлюха не любила священника,
Ny grasse geline chapon.

Две другие пословицы, относящиеся к сумасшедшим женщинам, доказывают, что народный здравый смысл часто присоединял к словам, напоминающим о бесчестной мысли, нравоучительное изречение, чтобы, так сказать, поставить средство рядом со злом.

Сумасшедшие женщины любят только пастбища.

Сумасшедшая женщина на мессе,
Мягкая женщина в ягодице.

Если в этом обильном списке нет имени *catin*, то это потому, что оно вошло в эротический язык лишь в очень отдаленном периоде. Долгое время *catin* использовалось как уменьшительное от *Catherine*, очень распространенного имени среди простых девушек; это имя стало синонимом *куклы*, потому что так называли своих кукол дети; отсюда имя вполне естественно перешло к развратным девушкам, которые не выходят замуж и всю жизнь остаются девушками, что в народе называется *coiffing Saint Catherine*. *Catin* превратилось в *cataut*, и смена окончания не реабилитировала это уменьшительное.

Печально известное место, где обитает проституция, - *бордель*, - вошедшее в сатиры Буало и сказки Вольтера, похоже, не вдохновило на подвиги создателей синонимов. Аббат де Л'Ольне сообщает лишь о пяти или шести, которые даже не использовались в повседневном языке и были зарезервированы для письменного слова. Он приводит *eschevinage*, которое, похоже, содержит грязную игру слов; *curatrie*, которое вызывает идею *ректоров* или пребенды; *clapoire*, которое происходит от *clapier*; *putefy*, которое относится к вотчине шлюх; *peaultre*, которое относится к плохой лодке паромщика; *paillère*, которое говорит нам, что в этих местах не было кроватей, кроме куч соломы и сена, и так далее. Но слово "*бордель*" всегда было предпочтительнее, несмотря на то, что ситуация и режим этого заведения полностью изменились в результате принятия постановлений о легальной проституции. *Бордели*, бывшие первыми притонами публичного разврата, больше не существовали нигде, кроме нескольких провинциальных городов, в то время как женщины, ведущие развратный образ жизни, имели право *содержать притоны* на некоторых порочащих их улицах, где они платили пошину и жили за счет своей торговли под надзором муниципальной полиции.

Любовников, компаньонов и сутенеров этих заблудших женщин, всех этих позорных паразитов проституции, всегда клеймили общим именем "*сутенеры*", но сами они брали себе другие прозвища, которые лучше звучали для их собственного уха. Они называли себя и иногда назывались: *goulliards* и *gouliafres*, потому что они пожирали продукты безнравственной торговли своих печальных товарищей; *chalands*, потому что они были завсегдатаями дома; *paillards*, потому что они ломали солому на кровати; *holliers*, *houliers*, *houlleurs*, потому что они бегали по стране со своими бегунами; *lescheors* и *lescheurs*, потому что они откармливали себя за счет домашней *lèche-frite*; *maquignons* и *courratiers*, или *маклеры*, потому что они помогали в нечестной торговле своих возлюбленных; *francs-gontiers*, *gastouers*, *étalons*, *casse-museaux*, *calinaires* или *calins*, *lesbins* и *rabbis*, и т.д. Эти презренные люди, посвятившие себя самому отвратительному сожительству и получавшие от него единственный доход, были хранителями, если не изобретателями, жаргона проституции, и в тавернах, где они проводили день, выпивая, играя в азартные игры, богохульствуя и спя, они не переставали демонстрировать развращенность своих нравов через свой язык.

Что касается опозоренных женщин, занимавшихся тайной проституцией, то они были выделены для презрения и ненависти честных людей под общим названием *мадам*. Это название отражало все условия их отвратительного ремесла, и оно равнодушно принималось как в самом возвышенном стиле, так и в самом низком языке. Придворные поэты XVI века не боялись использовать его, следуя примеру юристов и легистов. Кажется, что этого названия, которое не выходило из хорошего языка вплоть до XVII века, когда-то хватало для всех целей. Люди, не желавшие его использовать, говорили *courtière* или

courratière; слова *entremetteuse* и *appareilleuses* появились позже, и они уже пахивали академическим стилем. Также использовались перифразы, отражающие намерение пощадить восприимчивость этих дам: *послы любви, примирители воли, торговцы свежей плотью, часовые любви* и так далее. Даже распутник, использовавший их для своих удовольствий, не питал иллюзий относительно их позорности: к счастью, "сутенерскими делами" занимались не женщины, а старухи.

Подобный портрет старухи был написан в стихах поэтом XVI века; это очень примечательное произведение, которое приписывается Франсуа Рабле в первом полном издании его сочинений (*Лион, Жан Мартен*, 1558), и которое появилось еще в 1551 году в сборнике стихов Франсуа Габера. Этот Габер был другом Рабле, и мы можем предположить, что он хотел спасти от забвения "Эпитеты к двум живым людям разного возраста", которые Рабле, тогдашний приходской священник Мёдона, не мог и не хотел публиковать под своим именем. Вот что относится к нашей теме в поэтическом гербе злой старухи, который мы снова, черта за чертой, найдем в "Сибилле" Панцуста, фигурирующей среди аллегорических персонажей Пантагрюэля:

Беззубая, позорная и несчастная старуха,
Старуха без грации, с суровыми добродетелями,
Старуха, в которой таится вероломство и ссора,
Старая хулиганка, беззаконная мадам,
Старухи, которые делают девиц чести,
Женщины, которые совершают преступления и бесчестие:
Старуха, которая никогда не была милосердной,
Старуха, всегда полная гнева и обиды,
Старуха, чья позорная и бледная кожа
В зловонии передаёт грязный флаг:
Старуха, о которой ничего нельзя сказать
О живом человеке, но всегда говорить о нем плохо:
Vieille qui n'as oncq beu vin meslé d'eau,
Vieille qui fays de ton lict un bordeau;
Vieille qui a la tetasse propice
Быть кормилицей дьявола в аду:
Vieille qui as l'art magique exercé
Больше, чем Медея и Цирцея...
Злая старуха, мерзкая и нечистая,
Которая заражает стихи своим голосом:
Не боишься ли ты, старуха, что дела твои
Которые перед Богом грязны и мерзки,
Однажды ты будешь горько наказана?
Неужели ты думаешь, что останешься безнаказанной,
Старая дева, имея столько девственниц.
Посадив в поезд безумных эстинцеллов,
Продав вопреки праву и разуму
Женщин чести и хороших домохозяек!

Энергичные цвета этого *герба* старухи, которую автор не называет, несомненно, впоследствии были использованы Матюрином Регье в портрете его Масетты, которая является прототипом регентш проституции времен Анри IV.

ГЛАВА XXV.

Резюме - Легальная проституция сравнивается моралистом с "тайными частями социального тела" - Последние пережитки и трансформации религиозной проституции - манихейство, водери и колдовство - Дьявольские метаморфозы больничной проституции - Инкубы и суккубы заменяют ларов и аграрных полубогов. Дусиане или друзья у галлов - Святой Августин утверждает, а святой Иоанн Златоуст отрицает - Измышления еврейских раввинов, принятые докторами церкви - Адам и его дьяволицы. -Сверхъестественное размножение первых людей. -Разновидности ночного кошмара. -Мнение Гиберта де Ногента. -Ощущение отца Костадау. -Этимология *инкуба* и *суккуба*. -Префект Муммолус. -Суккубы епископа Епархия - Инкуб матери Гиберта де Ногента -Посох и экзорцизм святого Бернара -Решение папы Иннокентия VIII. -Аскетическая жизнь, предрасположенная к атакам ефиальтов. -Доктрина казуистов о нечистых снах. -Армель Николя. -Анжель де Фолиньо. -Переписка сестры Гертруды с Сатаной. -Демон и девственницы. Жанна Эрвиллер, из Вербери -Горячие инкубы и холодные инкубы -Беспомощность их жертв -Извержение дьявола -Дети, рожденные от дьявола -Различие между инкубизмом и колдовством -Агриппа и Виер -Инкубы и суккубы обсуждались в Академии в семнадцатом веке -Их действия объясняются наукой и разумом.

Легальная проституция, казалось, приобрела все свое регулярное и необходимое развитие: у нее был свой кодекс, свои способы использования, свои обычаи, свои привилегии, свои *слуги* и даже свой язык. Она жила почти в согласии, если это можно так назвать, с церковными и гражданскими властями; она царила, так сказать, на определенных улицах, в определенное время, в определенных условиях городской полиции; Она была неотъемлемой частью организации *социального тела* и составляла, по причудливому выражению одного старого автора, "*тайные части*, которые скромность советует скрывать, но которые нельзя удалить, не убив добрую мораль, которые являются как бы головой и сердцем порядочной нации". Однако наряду с легальной проституцией, признаваемой или допускаемой политическими властями, все еще существовали следы больничной и религиозной проституции, этих двух древних спутниц язычества у первобытных народов.

Собственно религиозная проституция неясно сохранялась в традиционном поклонении нескольким святым, к которым народное суеверие сохранило непристойные атрибуты Пана, Приапа и богов-ларесов; но это были лишь редкие исключения, связанные с таинственными паломничествами, со странными часовнями, которые оставались языческими под христианскими именами. Эти бесстыдные напоминания об идолопоклонстве были похоронены глубоко в сельской местности, и никакой скандал не отражался на славной мантии Римско-католической церкви. В других местах религиозная проституция принимала более наглые формы с помощью чудовищных ересей, которые постоянно воспроизводились в самом лоне религии Иисуса Христа, постоянно возрождая рассеянные семена манихейства. Манихейство породило ересь вальденсов, а *вудуизм*, хотя и был истреблен железом и огнем, то тут, то там отраживал чахлые побеги, которые приносили лишь нечистые плоды и вскоре падали в пламя костра. Небезынтересно будет поискать в погасшем пепле этих манихейских и вальденсийских ересей живой принцип религиозной проституции.

Эта проституция была также увековечена и укоренена в другом виде ереси, которая, возникнув из того же источника, приняла характер, совершенно отличный от манихейства, и, казалось, развивалась к совершенно противоположной цели. Колдовство, установив культ демонов, не преминуло воспользоваться проституцией как мощным средством материального воздействия на своих омерзительных последователей. Неслыханный разврат

придумал эту inferнальную проституцию, которая служила невидимой связью между колдунами всех веков и стран и была душой их позорных сборищ.

Что касается гостеприимной проституции, этой наивной и доверчивой сестры проституции священной, то она все еще время от времени появлялась в святилище домашней жизни: необузданное и перевозбужденное воображение обычно делало все, что говорило. Она все еще отражением верований и тайн язычества. Плотская торговля духами с мужчинами и женщинами считалась тогда неоспоримым фактом; и эта проклятая торговля, которую Церковь долгое время причисляла к самым серьезным симптомам дьявольской одержимости, открывала двери тайному распутству. Нескромное суеверие об инкубах и суккубах берет свое начало в привычках госпитальной проституции, и христиане обоих полов верили, что вступают в развратные отношения с демонами и ангелами, которые в равной степени разделяют оба пола, подобно тому как язычники сожительствовали со своими ларианскими богами, а иногда вступали в непосредственное общение с фавнами, сатирами, нимфами, наядами и аграрными полубогами.

Поэтому мы должны рассмотреть проституцию в Средние века с трех разных сторон: ереси, колдовства и суеверия об инкубах и суккубах.

Эти демоны, которых галлы называли *dusiens* или *druses (drusii)*, уже осуществляли свое насилие и ночные соблазнения в то время, когда Святой Августин признал их существование и их нападения (см. с. 249 тома III этой Истории), заявив, что было бы дерзостью отрицать факт, который так хорошо установлен: *Ut hoc negare impudentiæ videatur*. Однако некоторые отцы Церкви, включая Иоанна Златоуста (гомилия 22 на *Бытие*), не соглашались с актами похоти, приписываемыми демонам *incubus* и *succubus*. Но древнееврейская религия давала этим демонам происхождение, современное первым людям, и христианская церковь приняла мнение раввинов в толковании знаменитой главы *Бытия*, где мы видим, как сыны Божии берут в жены дочерей человеческих и порождают род исполинов. Однако врачи и соборы не пошли так далеко, как иудейские толкователи, которые пересказали легенду о демонах, как будто все произошло на их глазах; также, согласно этим почтенным персонажам, "в течение ста тридцати лет, когда Адам воздерживался от торговли своей женой, к нему приходили дьяволицы, которые беременели от них и рождали дьяволов, духов, ночных призраков и фантомов". (*Le Monde enchanté*, by Balthazar Bekker; Amsterdam, 1694, 4 vols. in-12. См. т. I, с. 162). Эти раввины и демонологи, взявшись за эту генеалогию ночных демонов, не остановились этом: они обнаружили, что если наш отец Адам имел дело с суккубом, то Ева имела плотские отношения с инкубом, который, таким образом, вероломно работал на размножение человеческого рода!

Какими бы ни были эти легенды о допотопном мире, существование инкубов и суккубов никто не оспаривал, и все печальные последствия ночных кошмаров приписывали им; ведь эти неудобные гости, посещавшие мальчиков и девочек во время сна, не всегда покушались на их целомудрие: Они часто приходили и садились рядом с ними, нашептывая им на ухо тысячи глупых снов; или же они наваливались на грудь спящего, который чувствовал, что задыхается, и в конце концов просыпался, полный ужаса, дрожа и обливаясь холодным потом, в полутьме. Но чаще всего этот демон, иногда мужчина, иногда женщина, иногда оба пола попеременно или одновременно, нападал на выбранную им жертву, которую свинцовый сон оставил беззащитной. Девушка или юноша, невольный соучастник наслаждений злого духа, терял девственность и невинность, так и не узнав о невидимом существе, чьи отвратительные ласки он мог только чувствовать. Однако, проснувшись, он уже не мог сомневаться в том, что подвергся нечистому гнету, когда с ужасом видел неопровержимые доказательства, которыми была запятнана его постель.

Таково было общее мнение не только народа, но и самых просвещенных и выдающихся людей. "Повсюду, - пишет благочестивый Гиберт из Ногента в воспоминаниях о своей жизни (De vita sua, lib. I, c. 13), - приводится тысяча примеров демонов, которые вызывают любовь у женщин и проникают в их постель. Если бы нам позволили приличия, мы бы перечислили многие из этих демонических любовных похотей, некоторые из которых поистине зверские по выбору мучений, от которых страдают эти несчастные существа, в то время как другие довольствуются удовлетворением своей похоти". Эти демоны, на самом деле, были очень разными по настроению и капризам: одни любили как настоящие любовники, на которых они старались походить во всех отношениях; другие, возможно, менее начинающие или, по крайней мере, более извращенные, предавались невероятным излишествам распутства; большинство не отличалось от обычных людей в результатах страсти; но некоторые оправдывали свою превосходную природу чудесами недержания и похоти.

Поведение жертв по отношению к этим ночным угнетателям или *эфуальтам* (ἐφιάλτης) также было совершенно разным: Одни вскоре привыкали к приближению знакомого демона и жили с ним в ладу; другие испытывали в этом проклятом ремесле не меньшее отвращение к себе, чем к своему тирану; почти все, кроме того, молчали о том, что происходило в этих святотатственных союзах, которые Церковь, отводя глаза, предавала анафеме. Осталось только показать, - говорил в середине XVII века преподобный отец Костадо, - как демоны могут вести эту плотскую торговлю с мужчинами и женщинами; но тема слишком непристойна, чтобы выразить ее на нашем языке". (*Traité histor. et crit. des principaux signes qui servent à manifester les pensées ou le commerce des esprits*; Lyon, Bruyset, 1720, t. V, p. 137). Именно поэтому на тему инкубов и суккубов было удобнее говорить на латыни.

Труды теологов, философов, врачей и демонологов Средневековья полны подробных наблюдений на тему инкубов и суккубов, которые находили очень мало неверующих до того, как наука естественным образом объяснила все их проступки. Христианство приняло от имени дьявола и его приспешников отвратительные акты насилия и соблазнения, которые язычество с древнейших времен приписывало своим подчиненным богам и демонам ночи. Это были одни и те же фантастические дела проституции со стороны тех и других; но невидимые духи, виновные в них, были ненавистны язычникам не так, как христианам, которым Церковь рекомендовала постоянно защищаться от адских ловушек. Однако, хотя обычное мнение не сомневалось ужасных нападениях, которые эти злые духи совершали на человеческий род во время сна, философия решительно отрицала эти нападения, как только изучала факты и наблюдала явления ночных кошмаров.

Демона, который принимал облик мужчины, чтобы иметь дело со спящей или бодрствующей женщиной, называли *инкубом*. Это название происходит от латинского глагола *incubare*, что означает *лежать на ком-то*. Греки называли инкуба ἐφιάλτης, *прыгающего* или *оскорбляющего* демона (*оскорбителя*), который бросается на кого-то. В старом рукописном глоссарии, на который ссылается Дюканж, слово *incuba* или *surgeseur* сопровождается таким определением: "*Incubi vel incubones, une manière de diables qui solent gesir aux femes.*" Дюканже также заимствует из рукописи *Gloses (Glossæ)* для понимания медицинских трудов Александра де Траллеса отрывок, который доказывает, что ученые раньше путали под именем *инкуба* демона ночного кошмара и страдания, которые он причинял спящему: "*Incubus, est passio in quâ dormientes suffocari et à dæmonibus opprimi videntur.*" Этимология *суккуба*, по-латыни *succubus*, отличается от этимологии *инкуба* только разницей в роли, которую играет демон, переодетый в женщину. Мы полагаем, что слово *succubare* должно было произойти от *cubare sub* - *лежать под кем-то*. Однако Дюканж не включил это слово и

его производное в свой глоссарий, где авторы нижней латыни могли бы с легкостью восполнить этот пробел.

Суккубы, правда, встречаются в рассказах Средневековья реже, чем инкубы; но последние, несмотря на экзорцизм и церковные наказания, не давали покоя женам и дочерям наших предков. Совершив чудеса в легендах о святых, они продолжали демонстрировать свои злодеяния в центре истории. Григорий Турский рассказывает о смерти префекта Муммола (Liv. VI), который насылал непристойных демонов на галльских дам, которых хотел проклясть. Тот же летописец рассказывает, что и сам Сатана не гнушался иногда предаваться этому занятию. Святой епископ Оверни, по имени Епархий, проснулся однажды ночью с мыслью пойти помолиться в свою церковь; он встал, чтобы пойти туда; он нашел базилику освещенной inferнальным светом и наполненной демонами, совершающими мерзости перед алтарем; он увидел, что на его епископской кафедре сидит Сатана, одетый в женские одежды, и председательствует на этих таинствах беззакония: "Презренная куртизанка! Ты не только заражаешь все своими ругательствами, но и оскверняешь место, освященное Богу, возлагая на него свое отвратительное тело. Раз ты называешь меня куртизанкой, - отвечает князь демонов, - я устрою тебе много ловушек, воспламенив тебя любовью к женщинам". Сатана исчез в дыму, но сдержал свое слово и заставил Епарха испытать все муки плотского распутства. (Grég. de Tours, liv. II, ch. 21.)

Такой же серьезный историк, как и Григорий Турский, Гиберт де Ножан, пять веков спустя, с той же добросовестностью поведал об оскорблениях, которые его матери пришлось вынести от инкубов, которых красота этой святой женщины постоянно привлекала к себе. Однажды, во время мучительной бессонной ночи, когда она омывала постель своими слезами, "дьявол, по своей привычке нападать на сердца, измученные печалью, внезапно пришел предложить себя ее глазам, которые не были закрыты от сна, и угнетал ее почти до смерти удушающей тяжестью". Бедная женщина больше не могла ни двигаться, ни жаловаться, ни дышать, но она молила о божественной помощи, которую и получила. У ее постели стоял добрый ангел; он закричал тихим, умоляющим голосом: "Пресвятая Мария, помоги нам!" и бросился на демона-инкуба, чтобы заставить его уйти. Тот поднялся на ноги и попытался противостоять неожиданному нападению, но ангел повалил его на пол с таким грохотом, что его падение потрясло весь дом. Служанки проснулись и бросились к постели своей госпожи, которая, бледная, дрожащая и полумертвая от страха, рассказала им об опасности, которой она подверглась и следы которой она носит". (Guibert, De vita sua, lib. I, cap. 13.)

Добрые ангелы не всегда приходили на помощь женским слабостям, и тогда дьявол брал верх. Но Церковь все еще могла похитить его добычу, о чем свидетельствует памятный случай экзорцизма, упомянутый в житии святого Бернарда, написанном вскоре после его смерти. Одна женщина из Нанта имела дело с демоном, который посещал ее каждую ночь, когда она лежала в постели с мужем: он никогда не просыпался. После шести лет этого ужасного сожительства грешница, которая никогда не хвасталась этим, призналась во всем своему духовнику, а затем и мужу, который возненавидел ее и ушел от нее. Демон-инкуб остался единственным обладателем своей жертвы. Несчастная женщина узнала от своего мерзкого любовника, что в Нант приезжает прославленный святой Бернар; она с нетерпением ждала приезда святого и пошла броситься ему в ноги, прося освободить ее от дьявольской одержимости. Сен-Бернар велел ей совершать крестное знамение, когда она ложилась, и положить рядом с собой в постель палку, которую он ей дал: "Если дьявол придет, - сказал он ей, - не бойся его больше; что бы он ни делал, я не позволю ему приблизиться к тебе". И действительно, инкуб пришел, как обычно, чтобы узурпировать права мужа; но он нашел посох святого Бернарда, который охранял постель этой женщины.

Все, что он сделал, - это пошарил по кровати, угрожая ей: между ними встала непреодолимая преграда. В следующее воскресенье святой Бернар отправился в собор вместе с епископами Нанта и Шартра; огромная толпа собралась, чтобы получить его благословение; он раздал всем присутствующим зажженные свечи и рассказал им прискорбную историю женщины, преданной дьявольским утехам; затем он изгнал злой дух и властью Иисуса Христа запретил ему когда-либо мучить эту женщину или любую другую. После изгнания он приказал сразу же погасить все свечи, и в тот же миг сила демона-инкуба угасла.

Если святой Бернард не сомневался в реальности отвратительной торговли суккубами с женщинами, то нас не может не смущать тот факт, что святой Фома Аквинский подробно рассматривает этих дерзких демонов в своей "Сумме теологии" (quæstio LI, art. 3). Авторитета этих двух великих святых было вполне достаточно, чтобы оправдать несчастных женщин, которые считали, что их, вопреки им самим, используют для этой странной проституции, и у которых больше не было посоха святого Бернарда в качестве защитного талисмана. Ничто не было более частым, чем подобные откровения в исповедальне, и исповедник вытягивал из своих кающихся убеждение в том, что он слишком часто тщетно борется с этим явлением молитвами и экзорцизмом. Поэтому папа Иннокентий VIII был не более суеверен, чем его современники, когда в апостольском послании он признал существование инкубов и суккубов в таких выражениях: *"Non sine ingenti molestiâ ad nostrum pervenit auditum complures utriusque sexus personas, propriæ salutis immemores et a fide catholica deviantes, dæmonibus incubis et succubis abuti."* Не только религиозное исповедание открывало тайны инкубизма и суккубизма; прежде всего это были вынужденные или добровольные признания, которые инквизиция добивалась от обвиняемых на бесчисленных процессах о колдовстве, усеявших все страны Европы виселицами и кольями.

Воображение всегда было единственным виновником всех ночных деяний, приписываемых дьяволу; но, согласно верованиям древних, люди были убеждены, что тьма принадлежит inferнальным духам и что сон людей таким образом подвергается злобе этих ремесленников греха. Поэтому их обвиняли в том, что они используют сны для искушения спящих грешников. "В основном, - говорит ученый Антонио де Торквемада, - дьявол пытается склонить спящего к греху похоти, заставляя его думать о плотских удовольствиях, пока он не отравит его загрязнениями, чтобы, ублажая себя ими, поскольку мы бодрствуем, они стали причиной того, что мы смертельно исхудали". (См. "Гексамерон" в переводе с испанского Габриэля Шапюи (Руан, Ромен де Бове, 1610, in-16.) Бейль в своем "Ответе на вопросы провинциала" приводит по этому поводу доктрину казуистов относительно снов, которые долгое время приписывали инкубам и суккубам: *"Les plus relâz conviennent qu'on est obligé de prier Dieu de nous délivrer des songes impurs; que si l'on a fait des choses pendant la veille que l'on sache propres à exciter les impuretez en dormant; que si l'on n'on pas regret le lendemain de s'avoir pluîté à ces songes, and que si l'on se sert d'artifice pour les revenir, on sin."* (Œuvres de Bayle, t. III, p. 563.)

Можно сказать, что инкубы и суккубы рождались в мужских и женских монастырях, ибо аскетическая жизнь удивительным образом предрасполагает разум и тело к этой невольной проституции, которая происходит во сне и которую мистики считают работой ночных демонов. "Благочестивые монахини, - говорит Бейль, - приписывают злему умыслу Сатаны все дурные мысли, которые приходят им в голову; и если они замечают некое упрямство в своих ощущениях, они воображают, что он преследует их более пристально, что он одержим ими, и, наконец, что он овладевает их телом". Жизнеописания некоторых из этих святых мучениц за свои чувства показывают нам, через какие испытания им пришлось пройти, чтобы сохранить свою чистоту и избежать насилия или соблазнов злых ангелов. Монахиня

Сент-Урсула из общины Ванн по имени Армель Николя, "бедная глупая девушка, крестьянка по рождению и служанка по состоянию", , как описывает ее историк, предлагает нам один из последних примеров власти, которую дьявол мог оказывать как на моральное, так и на физическое состояние этих невежественных, доверчивых и страстных затворниц. Эта Армель, жившая в конце XVII века, начала с того, что возвысилась в пылу божественной любви, а затем оказалась в лапах инкубов: "Ей казалось, - говорит анонимный автор "Школы чистой любви Дьявола, открытой для знатоков и невежд" (с. 34 нового издания. Кельн, 1704, in-12), - что она постоянно находится в обществе демонов, которые беспрестанно провоцируют ее отдаться им. В течение пяти или шести месяцев, пока длилась эта битва, ей почти невозможно было спать по ночам из-за ужасных призраков, с которыми дьяволы работали над ней, принимая различные ужасающие фигуры чудовищ". Таким образом, лекарство оказывалось рядом со злом, и бедная монахиня чувствовала себя тем сильнее, что сопротивлялась этим отвратительным искушениям, которые, вместо того чтобы принять более приятные маски, чтобы убедить ее, возмущались ее отказами и жестоко обращались с ней.

Другой мистик, Анджела из Фолиньо, чьи дьявольские искушения описаны Мартином дель Рио в его *Disquisitiones magicæ* (lib. II, sect. 24), также имела дело с грубыми демонами, которые безжалостно избивали ее после того, как внушили ей злые желания, которые они не смогли использовать пользу своей проклятой чувственности. Не было ни одной части ее тела, которая не была бы повреждена инкубами, так что она не могла ни пошевелиться, ни подняться с постели. "*Non est in me membrum, - говорила она, - quod non sit percussum, tortum et pœnatum a dæmonibus, et semper sum infirma, et semper stupefacta, et plena doloribus in omnibus membris meis*". Однако инкубы не достигли своей цели, хотя и не переставали вредить ей ни днем, ни ночью. Теперь, по мнению наиболее осведомленных демонологов, демон, предназначенный для роли инкуба, принимал облик маленького, черного, волосатого человека, но при этом сохранял нечто от природы гигантов, как славный атрибут своего отцовского происхождения. Доказательства этих чудовищ, которые, несомненно, существовали лишь в развращенном воображении пациентов, можно найти в допросах на множестве колдовских процессов.

Иногда эта разрозненная торговля с инкубом становилась регулярной, и несчастная женщина, подвергавшаяся ей против своей воли или даже привыкшая к ней в силу распутного образа жизни, оставалась во власти дьявола на целые годы. В итоге она терпеливо переносила это странное рабство и приобретала к нему вкус. Не одна одержимая женщина, как рассказывают, влюбилась в дьявола и переписывалась с ним. Жан Виер рассказывает, что в его время юная монахиня по имени Гертруда, четырнадцати лет, каждую ночь спала с самим Сатаной, и Сатана так влюбился в нее, что она писала ему в самых нежных и страстных выражениях. Во время рейда в аббатство Назарет под Кельном, куда эта монахиня ввела своего адского любовника, в ее келье 25 марта 1565 года было обнаружено любовное письмо, адресованное Сатане, и это письмо было наполнено самыми ужасающими подробностями их ночных развратных походов.

Кроме того, не было единого мнения о природе развратных наклонностей, приписываемых инкубам, и демонологические споры получили в этом отношении широкий простор. Знаменитый де Ланкр утверждает, что демоны не вступают в связь с девственницами; Боден утверждает обратное; Мартин дель Рио утверждает, что демоны отвращаются от содомии и скотоложства; Приериас считает их первыми изобретателями этих позорных практик. Такое расхождение во мнениях относительно степени извращенности, приписываемой злему духу, лишь доказывает степень испорченности казуистов, занимавшихся этими деликатными

вопросами. Мы с неохотой должны коснуться их в этой главе, которая посвящена, так сказать, дьявольской проституции. Мы не будем, однако, пытаться определить ту невозможность, которая противостоит торговле дьявола с девственницей. Де Ланкрэ в своей "Таблице непостижимых ужасов" (стр. 218) сообщает, что одна старая служанка сказала ему, "что дьявол с трудом приучил себя иметь сношения с девственницами, потому что не может прелюбодействовать с ними: поэтому он ждет, пока они не выйдут замуж". Это была утонченная злость со стороны дьявола; поскольку он не считал достаточно большим грехом соращение девственницы, он приберег себя для прелюбодеяния. Однако в других местах своей книги (стр. 134, 224 и 225) де Ланкрэ предполагает, что дьявол сострадал скорее слабости *девственниц*, чем их невинности. "Если бы я не боялся запятнать ваше воображение, - говорит аббат Борделон в любопытной "Истории воображения" М. Офле, - я бы рассказал вам, что демонографы говорят о болях, которые испытывают женщины, имеющие привычку общаться с дьяволом, и почему они испытывают эти боли".

Однако из признаний многих ведьм и одержимых женщин, которые утверждали, что имели "плотское соитие" с дьяволом с десяти-двенадцати лет, становится ясно, что искушитель не всегда ждал, пока его жертвы достигнут брачного возраста, прежде чем подойти к ним. Демонографы, не вдаваясь в особые подробности о соращении девственниц инкубами, отмечают, что многие из этих несчастных женщин встречались с дьяволом еще до того, как достигали половой зрелости. Следует, однако, отметить, что большинство из них были дочерьми ведьм и что они были посвящены дьяволу и его делам с самого рождения. Жанна Эрвиллер из Вербери, близ Компьеня, которая, как и ее мать, была приговорена к сожжению на костре решением Парижского парламента, призналась, что мать представила ее дьяволу "в виде высокого черного человека, одетого в черное, обутого в сапоги, со шпорами, с мечом наготове и черной лошадью у дверей". Жанне Эрвиллер было тогда двенадцать лет, и со дня этого представления дьявол "спал с ней плотским сном, тем же способом и образом, что и мужчины с женщинами, за исключением того, что семя было холодным". Это, по ее словам, продолжалось каждые восемь или пятнадцать дней, даже когда она лежала рядом со своим мужем, и он этого не замечал". Боден записал этот факт в своей "Démonomanie".

Два или три факта того же рода, также собранные Боденом, указывают на то, что некоторые инкубы, более опытные или более развращенные, чем другие, ревниво относились к обычным привилегиям новобрачных. В 1545 году настоятельница одного из монастырей в Испании Мадлен де ла Круа бросилась к ногам папы Павла III и попросила у него отпущения грехов, признавшись, что с двенадцати лет приносила свою честь в жертву злему духу "в виде черного Мора" и что продолжала это пагубное ремесло в течение тридцати лет. У меня есть мнение, - добавляет Боден, - что она была посвящена сатане своими родителями, из чрева своей матери, поскольку она призналась, что сатана явился ей в возрасте шести лет, что является возрастом познания для девочек, и приставал к ней в двенадцать лет, что является возрастом полового созревания для девочек". Другая испанская девушка, которую дьявол осквернил в восемнадцать лет, не захотела раскаиваться в содеянном и была сожжена на кар-да-фе.

Негласно признавались два типа инкуба - холодный и горячий. Согласно Пселлусу и Мерулу, Антуан де Торквемада объясняет вторжение некоторых холодных дьяволов в тело человека необычным образом. "Как бы ни были дьяволы врагами людей, - говорит он в своем "Гексамероне", - они вселяются в их тела не столько из желания причинить им вред, сколько из желания получить живительное тепло; ведь эти дьяволы из тех, кто обитает в очень глубоких и холодных местах, где холод настолько чист, что в нем нет влаги, и по этой причине они желают теплых и влажных мест". Как бы то ни было, когда дьявол проникал в тело

человека или просто находился рядом, он выдавал свое присутствие невероятным жаром, который он вызывал во всех частях тела, которые могли с ним соприкасаться. Например, святая Анджела из Фолиньо, которой приходилось постоянно быть начеку, чтобы не поддаться на уговоры дьявола, при его приближении ощущала такой огонь в половых органах, что была вынуждена прикладывать раскаленное железо, чтобы погасить огонь, разгорающийся там под воздействием адского вожделения. Вот как она это описывала: *Nam in locis verecundis est tantum ignis, quod consuevi apponere ignem materialeм ad exstinguendum ignem concupiscentiæ* (см. Disquis. magicæ Мартина дель Рио, lib. II, sect. 24).

Несмотря на внутреннее или внешнее возгорание, которое горячие инкубы приносили с собой в ночное сожительство, их альгидный принцип всегда так или иначе ощущался в самом акте их постыдной одержимости. Боден, упомянув о чувстве холода и ужаса, испытываемом одержимыми в разгар их отвратительных припадков, отмечает, что "подобные совокупления не являются ни иллюзией, ни болезнью", и утверждает, что они ничем не отличаются от обычного полового акта, "кроме того, что семя холодное". Он приводит выдержки из допросов, которым подверглись ведьмы Лонгни в присутствии магистра Адриана де Фер, генерал-лейтенанта Лаона, и которые были приговорены к костру за торговлю с инкубами. Маргарита Бремон, жена Нозля де Лаваре, призналась, что однажды вечером собственная мать отвела ее на луг, где проходил шабаш ведьм: "Там было шесть чертей в человеческом облике, но очень отвратительных на вид и т. д." После окончания танца черти отправились на луг танцевать. По окончании танца черти легли с ними в постель и составили им компанию; а один из них, который вел ее в танце, взял ее и поцеловал дважды и прожил ней более получаса, но оставил свое семя очень холодным". Жанна Гильмен соглашается с ней и говорит, что они были вместе полчаса и что он выпустил свое очень холодное семя. (См. *Demonomanie des sorciers*, liv. II, ch. 7.)

Жан Боден отмечает очень похожее обстоятельство в процессе над ведьмой из Бьевр, который был расследован и рассмотрен в 1556 году в суде господина Ла Буэ, бейлифа Вермандуа. Эта ведьма "призналась, что Сатана (которого она называла своим спутником) обычно составлял ей компанию, и что она чувствовала его холодное семя".

Историки колдовства и юристы не ограничились записью этой странной особенности, они искали ее причину, и им казалось, что они ее угадали, опираясь на авторитет святого Фомы Аквинского. "Некоторые, - говорит наивный и свирепый Боден, - считают, что демоны-гифиальты или суккубы получают мужское семя и используют его с женщинами, как демоны-эфиальты или инкубы, как говорит Фома Аквинский, - вещь, которая кажется невероятной". Боден, которого ничто не удивляет в самых зловещих тайнах демономании, находит объяснение этому дьявольскому явлению в стихе Библии, перед которым комментаторы остались немymi и растерянными: "И, возможно, отрывок из Закона Божьего, в котором говорится: *"Проклят целуй, который отдаст семя свое Молоху"*, можно понимать как *those-cy*". (См. с. 87 тома Ier этой Истории).

Более того, это была не единственная отличительная черта одержимости демоном: дурной запах, который дьявол выдыхал всеми своими конечностями (отсюда происхождение пословичного выражения, которое до сих пор используется: *вонять, как дьявол*), почти сразу же передавался мужчинам и женщинам, которых он посещал. Они, в свою очередь, становились зловонными, и их можно было узнать, прежде всего, по запаху изо рта. Боден говорит, по словам Кардана, "что злые духи смердят, и смердит место, где они часто бывают, и полагает, что оттуда происходит то, что древние называли ведьмами *foetentes* и гасконцами *fetilleres*, за зловоние *icelles*, которое происходит, как я полагаю, от совокупления дьяволов". Все демонографы сходятся во мнении об этом ужасном зловонии, которое обычно означало

приход дьявола и исходило из уст одержимых: "Можно судить, - говорит он, - что женщины, которые от природы обладают сладким дыханием гораздо больше, чем мужчины, под воздействием Сатаны становятся отвратительными, тупыми, уродливыми и смердящими сверх своей природы".

И это еще не все: отвратительная торговля инкубами иногда приносила чудовищные плоды, и дьяволу доставляло удовольствие вводить таким образом свое потомство в человеческий род. Таким образом, объяснялись все отклонения природы в работе поколений. У чудовищ появилась причина существования. "Шпрангер пишет, что немцы (у которых больше опыта в отношении колдунов, поскольку они существовали с незапамятных времен и в большем количестве, чем в других странах) считают, что от такого совокупления иногда появляются дети, которых они называют *Wechsel-Kind* или *менялы*, которые гораздо тяжелее остальных, всегда худые и могли бы иссушить трех кормилиц, не растолстев". (См. *Demonomanie des sorciers*, liv. II, ch. 7.) Мартин Лютер в своих *Colloques* признает истинность этого факта, тем более бескорыстно, что его самого обвиняли в том, что он был одним из этих детей дьявола, которых низкие люди Иль-де-Франса называли *champsis*, то есть найденными или сделанными в поле.

В XIII веке епископа Труа по имени Гишар обвинили в том, что он был сыном инкуба по имени *Петун*, который, как говорили, отдал всех своих импов на службу своему любимому сыну (*Voy. Nouveaux Mémoires de l'Acad. des inscriptions et belles-lettres*, t. VI, p. 603). Инкубы, таким образом, обладали талантом производить на свет детей, достаточно хорошо сложенных, чтобы не быть слишком неуместными в мире; но в целом их потомство было ужасающей подделкой человечности. Боден рассказывает о чудовище такого рода, родившемся в 1565 году в городе Шемир, недалеко от Бреслау, отцом и матерью которого были ведьма и сатана: это было "отвратительное чудовище, без головы и ног, с пастью на зловещем (левом) плече, окрашенное как фойе, которое издавало ужасный крик, когда его мыли". Кроме того, Боден выдвигает различные мнения относительно результатов дьявольской проституции: "Другие ведьмы, - говорит он, - создают дьяволов в облике детей, которые совокупаются с ведьмами-кормилицами, и часто мы не знаем, что с ними происходит. Что же касается такого совокупления с демонами, то святой Иеросмус, святой Августин, святой Златоуст и Григорий Назианзен утверждают, вопреки Лактанцию и Иосифу, что из этого ничего не выходит, а если что-то и выходит, то это скорее будет воплощенный дьявол, чем человек".

Однако простые люди не сомневались, что дьявол обладает способностью воспроизводить себя в облике человека, и тех, кто был порожден им, считали суккубами. Из этого можно сделать вывод, что большинство операций с инкубами были бесплодными. "Колдун, который совокупляется с дьяволом, как с женщиной, - говорит Боден, - не инкуб или эфяльт, а гифяльт или суккуб". По этому поводу он рассказывает несколько историй о суккубах под поручительством Шпрангера, Кардана и Пико делла Мирандолы. Шпрангер сообщает, что один немецкий колдун "использовал ее таким образом перед своей женой и своими спутниками, которые видели его в этом действии, не видя фигуры женщины". Пик де ла Мирандоль знал священника-колдуна по имени Бенуа Берн, который в возрасте восьмидесяти лет признался, что "более сорока лет совокуплялся с мужчиной, переодетым в женщину, которая сопровождала его, никого не замечая, и называла ее Гермией". Кардан приводит слова другого священника, семидесяти лет, который более пятидесяти лет сожительствовал с демоном "в обличье женщины".

Следует отметить, что инкубы обычно выбирали самых молодых и красивых женщин, которыми одержимы по ночам, так же как суккубы предпочитали нападать на молодых красивых мальчиков. Что же касается ведьм и колдунов, которые отправлялись на Шабаш в

поисках отвратительных удовольствий, в которых дьявол им никогда не отказывал, в эту чудовищную смесь всех полов и возрастов, то они почти всегда были уродливы, стары и отталкивающи. Поэтому инкубизм можно рассматривать как своего рода посвящение в колдовство, которое попирало всякую скромность и доводило распутство до самых границ возможного. Очень часто инкуб не встречал никакого благодушия в предмете своего вожделения и домогательства: это было в некотором роде лишь прелюдией к греху. Колдун же, уже извращенный и отданный дьяволом во владение, позволял вести себя к гибели и жил в делах тьмы. Поэтому можно провести очень существенное различие между инкубизмом и колдовством, сказав, что первое - это проституция старых женщин, а второе - проституция молодых людей.

Несмотря на столько фактов, столько признаний, столько заявлений, столько запоминающихся примеров, некоторые демонографы отрицают существование инкубов и суккубов. Ученый астролог Агриппа и знаменитый врач Виер возлагали основное зло этих ночных демонов на воображение. "Женщины - это меланхолики, - говорил последний, - которые думают, что делают то, чего не делают". Самые просвещенные врачи XVII века уже придерживались этого мнения, и все же в XVII веке, когда все еще сжигали ведьм, признававшихся в *плотском общении* с дьяволом, теория инкубов и суккубов обсуждалась в школах и академиях.

В последний раз этот странный тезис обсуждался во Франции как с религиозной, так и с научной точки зрения на конференциях знаменитого Bureau d'Adresse, которое врач Теофраст Ренодо создал в Париже в противовес медицинскому факультету и Французской академии. Эти конференции, проходившие один или два раза в неделю в большом зале Бюро д'Адресс, расположенном на улице Каландр в Сите, собирали большую аудиторию, которая внимательно слушала докладчиков, участвовавших в дискуссии. Здесь рассматривались самые острые вопросы, и Теофраст Ренодо с невозмутимой серьезностью сам руководил дискуссией, которая часто выходила за рамки того, что тогда называли честностью, и того, что мы называем приличием; но актеры и слушатели не слышали злобы, каждый стремился знать и учиться. На сто двадцать восьмой лекции, открывшейся в понедельник 9 февраля 1637 года, человек, *любопытный к природе*, как тогда называли любителей физики и естественных наук, поставил на стол такой вопрос: "Инкубы и суккубы, и могут ли демоны порождать детей". Тема была не нова, но пикантна и необычна. Четыре докладчика тут же записались, чтобы выступить по очереди. Первым взял слово врач, не очень благосклонный к системе демонов-инкубов и суккубов, которые, по его мнению, являются следствием болезни, называемой греками *éphialtès*, а вульгарными - *pezard*, и определяемой им как "затруднение дыхания, голоса и движения, с угнетением тела, которое представляет нам, во время сна, некоторую тяжесть на животе". По его словам, причиной этой болезни "является грубый пар, в основном блокирующий заднюю часть мозга и препятствующий выходу животных духов, предназначенных для движения частей". Кроме того, он отмечает, что обычные люди приписывают эти расстройства зловредному Духу, а не "зловредности пара или какого-нибудь *pituiteuse* и грубого гумора, который делает угнетение в этом желудочке, из которого холод и слабость, произведенные недостатком духов и тепла, которые удерживают все части в аресте, являются наиболее очевидными причинами". Таким образом, он заключает, что это болезненное состояние, к которому дьявол не имеет никакого отношения, не может определять порождение, "которое, будучи эффектом естественной способности, а эта - вегетативной души, не может подходить дьяволу, который является чистым духом".

Эта теория порождения должна была вызвать большое любопытство в собрании, которое не подозревало о способностях *растительной души*; но второй оратор, который был ученым, питавшимся чтением греческих и латинских классиков, встал на защиту демонов и хотел доказать реальность их "соединений с людьми, которые нельзя отрицать, не отрицая бесконечного числа людей всех возрастов, полов и состояний, к которым они приходили". После этого он приводит несколько знаменитых фигур античности и средневековья, которые были порождены ложными богами или демонами; в качестве истинных инкубов он называет фавнов, сатиров и главного из них, Пана, начальника инкубов, которого евреи называли *Хаза*, как и начальника суккубов, *Лилит*; Он приводит в пример *нефесолийцев*, которых турки считают потомством демонов, "либо потому, что они заимствуют чужеземную женщину, которую могут перенести почти в одно мгновение, и таким образом сохраняют ее дух и не дают ему истощаться и потеть; либо благодаря своей собственной добродетели, поскольку все, что может быть сделано естественным путем, как в случае с семенем, может быть сделано и демонами. Даже если они не могут произвести собственное семя, из этого не следует, что они не могут произвести совершенное существо.

Среди присутствующих были дамы, которые не пропустили ни слова из этой научной диссертации. Третий оратор признал, как неоспоримый факт, торговлю инкубов и суккубов с мужчинами; но он был готов поверить, что эти злые духи не могут зачинать, и привел следующую причину: "Что касается суккуба, то несомненно, что он не может зачинать в сое, за отсутствием подходящего места, чтобы принять семя и свести его от силы к искусству, и недостатка крови, чтобы питать зародыш в течение девяти месяцев". В отношении инкуба он не решает вопрос столь решительно; он напоминает о трех главных условиях, необходимых для порождения, а именно: "разнообразие полов, соединение мужского и женского и поток некоторой материи, которая содержит в сое формирующую силу частей, из которых она получена". Он соглашается, что дьявол может, если нужно, выполнить первые два условия, "но никогда - последнее, а именно надлежащее и подходящее семя, наделенное духами и жизненным теплом, без которого оно неплодотворно и бесплодно; ибо у него нет своего семени, поскольку оно есть то, что осталось от последнего соития, которое происходит только в теле, которое действительно живо, как то, которое он имеет; И это семя, которое он смог выпросить из другого места, когда оно распространилось за пределы сосуда природы, не может быть сгущено из-за отсутствия этих духов, которые могут быть сохранены только благодаря облучению, происходящему из благородных частей в семенные сосуды."

Четвертый оратор, мудрый и благоразумный человек, в нужный момент успокоил тревогу собравшихся, заявив, "что в инкубе нет ничего сверхъестественного, что это не что иное, как симптом животного начала, сопровождаемый тремя обстоятельствами, *sçavoir*, дыханием *etpreschéе*, движением *lezé* и сладострастным воображением". Он закончил обсуждение, посоветовав присутствующим не ложиться на спину и остерегаться опасностей сладострастного воображения, "порождаемого обилием или качеством спермы, которая, посылая свой вид в фантазию, образует приятный объект и возбуждает двигательную силу, а это, в свою очередь, изгоняющая способность сперматических сосудов". Все удалились, весьма довольные этими учеными изысканиями в заколдованном мире, где знаменитый Беккер еще не пролил свет сомнения и разума (см. *Recueil général des questions traitées ès conférences du Bureau d'Adresse*, Paris, Soubron, 1656, 5 vol. in-8°).

Начиная с Теофраста Ренодо и до наших дней, теология и наука продолжали заниматься инкубами и суккубами, которые были слишком глубоко укоренены в народной доверчивости, чтобы их можно было полностью отбросить. Злодеяния этих низших демонов и сегодня воспринимаются сельскими жителями с большим пониманием. Вольтер высмеял их с

помощью своего негибкого здравого смысла, но вскоре его обвинили в неуважении к дьяволу, оспаривая его древнейшие привилегии. Еще до Вольтера королевский врач, месье де Сент-Андре, в своих "Письмах о магии, болезнях и колдовстве" (Париж, J.-B. de Maudouyt, 1725, in-12) указал на истинные причины этого суеверия, попытавшись его уничтожить: "Инкуб, чаще всего, - химера, - говорил он, - которая имеет своим основанием только сны, оскорбленное воображение и очень часто воображение женщин..... Не меньшую роль в истории инкубов играет артистизм. Развратная женщина, девушка, благочестивая женщина по имени и т. д., которая притворяется добродетельной, чтобы скрыть свое преступление, выдает своего любовника за духа-инкуба, который одержит ее... Духи-суккубы подобны инкубам: они обычно не имеют под собой никакой другой основы, кроме снов и раненного воображения, а иногда и хитрости людей. Мужчина, слышавший о суккубах, воображает во сне, что видит самых красивых женщин и наслаждается их обществом...".

Месье де Сент-Андре, таким образом, с большой рассудительностью подводит итог обстоятельствам, в которых должно было возникнуть суеверие об инкубах и суккубах, и мы можем только похвалить его за проявленную мудрость в то время, когда казуисты и доктора Сорбонны без колебаний признавали порождающую силу дьявола. Например, отец Костадо, который на самом деле был всего лишь иезуитом, причем очень ученым и хорошим человеком, в то же время написал в своем знаменитом "Трактате о знаках" следующее: "Вещь слишком необычна, чтобы поверить в нее легко..... Мы бы и сами не поверили, если бы не были убеждены, с одной стороны, в силе дьявола и его злобе, а с другой - если бы не нашли бесконечное число писателей, даже самого высокого ранга, пап, теологов и философов, которые утверждали и доказывали, что могут существовать такие виды демонов, как инкуб и суккуб; Что на самом деле есть такие люди, и люди достаточно несчастные, чтобы иметь при себе это позорное ремесло и самое отвратительное из всех." (Т. V, стр. 182.)

Поэтому церковь и парламент издали законы против этих несчастных людей, убежденные, что они, даже вопреки себе, были вовлечены в адскую проституцию, и только огонь костра мог стереть это ужасное пятно, когда покаяние не возвращало грешника на путь прощения. Жертвы инкубизма и суккубизма имели основания для снисхождения, если представляли себя соблазненными и принужденными; но церковная и гражданская юриспруденция была беспощадна к другому виду дьявольской проституции - ведьмам и колдунам, которые добровольно отдавались сатане лично и затем предавались всевозможным мерзостям на своих ночных собраниях. Таковы были позорные остатки больницы и сакральной проституции во Франции и во всей Европе в XVI и даже XVII веках.

ГЛАВА XXVI.

Краткое содержание.- О проституции в колдовстве.- Происхождение субботы.- Ночные состязания Дианы и Иродиады.- Капитулярный против стригов.- Церковные законы.- Древнейшее описание субботы.- Действия дьявола, согласно допросам на процессах по делам о колдовстве -Прибытие ведьм в субботу -Поклонение козлу -Оскорбительные жертвы дьяволу -Сверхъестественный грех -Круг субботы -Различные свидетельства в поддержку -Общественная физиология сатаны.-Саббат Водери Арраса.-Саббат Гауфриди.-Нечистота ведьм.-Магическая кастрация.-Старые ведьмы.-Дьявольские метки.-Ведьмы Содомы.-Существование содомитов в аду.-Причины возникновения субботы.-Обвинение в скотоложстве.-Змеи из пещеры Норчии.-Собака монахинь Кельна и Тулузы.-Последствия демономании.-Истина об актах проституции в колдовстве.-Обоснование юриспруденции Средних веков.

Проституция в колдовстве не была, как инкубизм и суккубизм, случайным следствием дьявольской одержимости; скорее это был обычный результат одержимости: это было нормальное состояние мужчин и женщин, добровольно преданных дьяволу; это была, в некотором роде, печать отвратительного договора, который связывал их с inferнальной силой, с тем, кого называют *Автором греха*. Поэтому несомненно, что колдовство имело две основные характеристики, одна из которых могла быть следствием, а другая - причиной: здесь оно удовлетворяло самые постыдные прихоти человеческой извращенности; там оно использовало вмешательство злых духов в сверхъестественные и проклятые дела. Таким образом, принцип колдовства во все века заключался во взаимном соглашении между человеком и дьяволом: первый подчинял себя, тело и душу, господству последнего, а последний, в обмен на это добровольное рабство, делил со своим рабом, так сказать, оккультную власть, которую Высшее Существо оставило Сатане, когда низвергло его с небес в бездну. Таким образом, в таинстве колдовства имела место постыдная проституция человека, который продал себя и отдал себя дьяволу.

Легко понять, чем изначально могло быть колдовство, ведь оно явно служило предлогом для странных расстройств постыдной распущенности. Поэтому древние с глубоким презрением относились к колдунам, чьи тайные собрания, несомненно, были не чем иным, как прибежищем отвратительного разврата. Законодатели и философы древности были единодушны в осуждении и наказании магов и их отвратительных соратников. Однако о том, что происходило на их ночных сборищах, мы можем только догадываться, поскольку греческие и римские поэты рисуют лишь очень мягкие картины. У Петрония и Апулея есть лишь два-три отрывка, намекающие на то, о чем они умалчивают; рассказы об этих волшебных пряхах и сладострастных танцах были встречены с недоверием теми, кто их не понимал, и со злым умыслом. Гораций положительно утверждает в нескольких местах своих од и посланий, что старые ведьмы совершали огромные непристойности при свете луны и что по ночам в полях и лесах юноши ходили смеяться с хорами нимф и сатиров (*nympharumque leves cum satyris chori*, I, 1). Однако это была не та суббота Средневековья с ее чудовищными ужасами, которые, похоже, были придуманы дьяволом и призваны придать достоверность его власти.

Настоящий шабаш уже проходил среди народов Севера, которых колдовство довело до всех крайностей самого развращенного воображения. Эти народы были еще слишком близки к первобытному состоянию простой природы, чтобы не быть доведенными до крайности своими грубыми страстями; суеверие, взывавшее к их грубой чувственности, находило их очень восприимчивыми к его притяжениям. Римские императоры, чтобы сохранить свою власть над завоеванными странами, пытались уничтожить магию с ее последователями и неукротимыми практиками. В частности, Галлия была кишит колдунами, и Тиберий смог очистить от них эту римскую провинцию, лишь объявив непримиримую войну друидам и их религии. Здесь, пожалуй, нелишне отметить, что демоны-инкубы, которых святой Августин называет *Dusii* (*quos Galli Dusios nuncupant*), древние авторы путали с друидами; а Боден, цитируя этот же отрывок, воспроизведенный в "Этимологиях" Исидора Севильского, добавляет следующее наблюдение: "Tous ont faillu au mot *Dusios*, car il faut lire *Drusios*, comme qui diroit *diabls forestiers*, que les Latins, en mesme sens, ont appelle *Sylvanos*". Вероятно, как говорит святой Августин, наши предки называли этих демонов и дьяволов *Друзиосами*, в отличие от друидов, которые также жили в лесах. Аналогия с этим названием происходит скорее из сходства, чем из различия между *друзианами* и *друидами*. Христианство лишь усилило гонения на пособников демономании. Вероятно, именно при императоре Валенсе (364-378) началось сожжение колдунов; но колдовство и друидизм пустили такие глубокие корни в обычаях галлов, что их не удалось искоренить железом и

огнем после нескольких столетий кровавых усилий. Очевидно, что друидизм и колдовство включали в свои обычаи или, по крайней мере, в свои церемонии множество скандальных подробностей гостеприимной и религиозной проституции.

Однако христианские авторы не упоминают о ночных колдовских сборищах до шестого или седьмого века. Все кодексы варварских народов - рипуарский, салический, бургундский и германский - содержат только страшное наказание для ведьм и колдунов, или стригоев, не обвиняя их в дьявольской проституции. Древнейшим памятником, в котором упоминается шабаш или темное сборище женщин, собравшихся с таинственной целью и с помощью магических заклинаний, является капитулярый, дата которого достоверно не установлена и который, возможно, не предшествовал Карлу Великому (см. "Capitularia regum" Балюзе, фрагмент...), с. 13.) Этот капитулярый даже не дает четкой информации о воздушных гонках, которые, как считали ведьмы, они совершали в компании Дианы и Иродиады, сидя на фантастических зверях, которые, вероятно, привели их к общему месту встречи. Вот любопытный отрывок, который, похоже, принадлежит к канонам совета, и который часто усекался и искажался: "Illud etiam non est omittendum quod quædam sceleratæ mulieres, retrò post Satanam conversæ, dæmonum illusionibus et phantasmatis seductæ, credunt et profitentur se nocturnis horis, cum Diana, dea paganorum, vel cum Herodiade et innumerâ multitudine mulierum, equitare super quasdam bestias, et multarum terrarum spacia intempestæ noctis silentio pertransire, ejusque jussionibus velut dominæ obedire, et certis noctibus ad ejus servitium evocari." Это явное указание на то, что ведьмы ушли в субботу, но мы не видим их прибытия и не знаем, что они там делали. Можно предположить, что уродливые звери, на которых они катались по воздуху, были не кем иным, как демонами, которых мы позже увидим верхом на ведьмах.

Нет сомнений, что это был шабаш, то есть незаконное собрание, на котором поклонялись дьяволу, и это поклонение должно было с тех пор сопровождаться непристойностями, мерзостями и бесчинствами, которые были обычной практикой колдовства; но если вещь существовала, то слово еще не существовало, так как мы считаем, что название "*шабаш*" появилось не ранее двенадцатого века. Это не помешало ученым вывести слово от имени Вакха, поскольку вакханалия имела определенную связь с ночными оргиями в честь дьявола, сопровождавшимися танцами, пиршествами и развратом. Поэтому мы должны придерживаться наиболее естественной этимологии: "Люди, давшие название "*суббота*" собраниям колдунов, - пишет Дом Кальмет в своем трактате о явлениях духов, - очевидно, хотели сравнить эти собрания в насмешку с собраниями евреев и с тем, что они практикуют в своих синагогах по субботам". Все демонографы, которым было бы стыдно показаться невежественными, пытались найти в древних праздниках Вакха истоки субботы демонов. Так, согласно Лелойеру в его книге *Des Spectres* (liv. IV, ch. 3), посвященные пели *Saboé* на вакханалиях, а ведьмы в субботу кричали во весь голос: *Har sabat! sabat!* Но более вероятно, что христиане, испытывавшие к евреям не меньший ужас, чем к ведьмам, решили объединить их в одном порицании, приписав им один и тот же культ, одни и те же обычаи и профанации.

Самое древнее описание дьявольского шабаша можно найти в письме папы Григория IX, адресованном в 1234 году архиепископу Майнца, епископу Хильдесхайма и доктору Конраду, чтобы осудить инициации еретиков-стадианцев: "Когда они принимают послушника, - говорит Григорий IX, - и когда этот послушник впервые входит в их собрания, он видит жабу огромных размеров, величиной с гуся или больше. Некоторые целуют ее в рот, другие - сзади. Затем этот послушник встречает человека бледного, с очень черными глазами, и такого худого, что у него только кожа да кости: он целует его и чувствует себя холодным как

лед. После этого поцелуя он легко забыл о своей католической вере. Затем они вместе пируют, после чего за статуей, которая обычно стоит в зале собраний, спускается черная кошка. Послушник первым целует эту кошку сзади, за ним следует председательствующий на собрании и остальные достойные. Несовершенные получают только поцелуй хозяина, обещают послушание; после этого они убирают светильники и совершают между собой всякие нечистоты". (См. Fleury's Hist. ecclés., vol. XVII, p. 53.) Это действительно та самая суббота, которую шестнадцатый век часто описывал нам в таких мельчайших подробностях; но это собрание стадинских еретиков, хотя и похоже на собрание колдунов, показывает нам Проституцию в ереси, а не в колдовстве.

Сам шабаш, независимо от того, уходит ли он корнями в глубокую древность, стал широко известен только в XV веке, когда инквизиция всерьез заинтересовалась им в ходе множества судебных процессов, на которых несчастные колдуны с некой гордостью перечисляли чудовищные чудеса, свидетелями, актерами и соучастниками которых они были. Именно из допросов, которым подвергались эти извращенные безумцы, мы можем с уверенностью узнать о главных делах проституции, которые происходили ведьмином саббате. Большинство историков, собиравших эти прискорбные архивы человеческих суеверий, были одарены крепкой, непоколебимой верой и охотно обвиняли дьявола во всех преступлениях, которые приписывали ему легковверные подданные. Собрав воедино небольшое количество этих печальных свидетельств, мы остаемся в убеждении, что, хотя воображение имело непобедимое влияние на ощущения демономанов, обман и хитрость часто злоупотребляли их нравственной слабостью в угоду похоти одних и в ущерб скромности других.

Ведьмы, желающие отправиться на шабаш, готовились к нему с помощью заклинаний, раздевались, смазывали свое тело определенной мазью и в назначенный час по условленному сигналу, с *рамоном* или метлой между ног, поднимались в воздух на значительную высоту, выбравшись из своего дома через дымоход. Обычно у отверстия дымовой трубы они встречали маленьких чертенят, которым ничего не оставалось, как перенести их в пространство. Иногда они садились на плечи этих чертиков, иногда подвешивались к их хвостам или рогам. В шабат они приходили обнаженными, все блестело от волшебного жира, который делал их невидимыми и непроницаемыми, кроме демонов и колдунов. Рецепт, по которому составлялась мазь, предназначенная для знакомых Субботы, до сих пор можно найти в книгах по магии, но он, несомненно, утратил все свои достоинства, так как почти не используется. А ведь раньше он был не бесполезен, умножая силы, которые приходилось тратить каждому во время этих inferнальных оргий.

Колдуны и ведьмы, намазавшись своей магической смазкой, приходили на шабаш голыми и возвращались голыми. Эта полная нагота является достаточным доказательством того, что суббота была местом встречи для отвратительной проституции. Боден рассказывает несколько историй, ответственность за которые мы должны возложить на него, чтобы научить нас, как женщины и мужчины посещали эти ночные собрания. Один бедняк, живший неподалеку от Лоша в Турени, заметил, что его жена отсутствует по ночам под предлогом стирки у соседей. Он заподозрил ее в разврате и пригрозил убить, если она не расскажет ему правду. Женщина призналась, что идет на шабат, и предложила мужу взять ее с собой. "Они оба намазались", и дьявол перенес их в пространстве из Лоша в болота Бордо. Муж и жена оказались в такой удивительной компании колдунов и демонов, что мужчина испугался, подписал свое имя и призвал имя Бога. Тут же все исчезло, даже жена ученика этого колдуна, которая "оказалась голой и до утра бродила по полям".

Вот еще один примерно такой же анекдот: Одна *девица* лежала в постели в Лионе со своим любовником; он не спал. Девушка тихонько встала, зажгла свечу, взяла баночку с мазью и

натерла ею все тело, после чего ее "перенесли". Тогда галант встает, использует ту же мазь, что и его *блудница*, и произносит волшебные слова, которые запомнил. Он приходит в субботу по следам этой девушки, но его испуг так велик при виде дьяволов и их отвратительных поз, что он отдает душу Богу. Вся компания исчезла, - говорит Боден, - и он оказался один, голый, который вернулся в Лион, где обвинил ведьму, которая призналась и была приговорена к сожжению".

Однако использование мази на обнаженном теле того, кто хотел попасть на шабаш, не всегда было необходимым, особенно для профессиональных ведьм, которым достаточно было положить между ног метлу или палку, чтобы как стрела пролететь по воздуху к месту дьявольской встречи. Боден уверяет, что этой палки или метлы было достаточно для ведьм Франции, которые ездили на ней очень умело, "без смазки или намаза", в то время как ведьмы Италии смазывали себя с ног до головы, прежде чем сесть на козла, который вел их в шабаш. Это различие в средствах передвижения, используемых ведьмами, объясняет разницу в их костюмах на старых гравюрах, изображающих таинства Шабаша: одни обнажены, что означает тех, кто был помазан; другие одеты, что означает тех, кто, как говорит де Ланкр, "отправляется на Шабаш, не будучи помазанным или смазанным ничем, и не обязан проходить через трубы дымохода". Такое же различие можно увидеть и среди колдунов, самые младшие из которых вообще не имеют одежды, в то время как старшие носят длинные мантии с капюшонами.

Демонологи не сходятся во мнении, что происходило на Шабаше: из этого можно сделать вывод, что там происходило много всего, большинство из них - нелепые, некоторые - позорные. Прочитав и сравнив все дошедшие до нас описания Шабаша, мы видим, что у этой ужасной распущенности полов и возрастов должна была быть только одна цель - разврат, и что этот разврат выражался четырьмя способами: поклонением козлу, святотатственными пирами, непристойными танцами, нечистой торговлей с демонами. Эти четыре основные функции субботы во все времена и во всех странах были должным образом установлены и зафиксированы в ходе допросов и расследований на процессах по делам о колдовстве.

Невозможно сказать слишком много о поклонении козлу, и мы вправе полагать, что практика этого поклонения, всегда вызывающая отвращение, варьировалась в зависимости от места и времени; обычно оно состояло из своего рода почтения, за которым дьявольская инвестиция и сопровождалось платой, подражая обычаям феодализма. Новый феодал дьявола принимал его как господина и повелителя, приносил ему клятву вассалитета, предлагал плату или жертву, а взамен получал стигматы или знаки ада. В этом заключалась суть церемонии, которая проводилась самыми разными способами, с непомерным количеством страшного либертинизма...

Дьявол, возглавлявший шабаш или представленный одним из своих лейтенантов, обычно принимал форму гигантского черного или белого козла, нечистого животного, которое всегда было символом разврата. Однако этот козел имел не одну характерную особенность. По мнению одних, у него было два рога на лбу и два на затылке, или только три рога на голове, с *неким подобием света* в среднем роге; по мнению других, над хвостом у него было "лицо черного человека". Дьявол также принимал облик некоторых других животных, не менее похотливых, чем козел (см. *Traité de l'inconstance des démons*, by De Lancre, pp. 73 и 128). "Я наблюдал такую процедуру, находясь в Турнеле, - рассказывает добрый человек де Ланкр, - что в субботу дьявол выглядел как большой левретер нуар, иногда как большой козел, сидящий на земле, или как природный козел, который отдыхает". Иногда Сатана или Белзебуб

приходил принимать поклонение своих подданных или подданных в виде черной птицы, размером с гуся.

Но во многих случаях Дьявол принимал человеческий облик, добавляя к нему некоторые атрибуты своей inferнальной силы: иногда он был красным, иногда черным; иногда у него было лицо у основания чресл, иногда он довольствовался двойным лицом перед и за головой, как языческий бог Янус. В некоторых случаях он принимал очень странную конфигурацию, причину которой нам объяснит отрывок из трактата Приериаса, который мы цитируем ниже, не решаясь его перевести. "Другие говорят, - сообщает де Ланкр, - что в субботу дьявол похож на огромный ствол дерева, неясный, без рук и ног, сидящий на кафедре и имеющий некое подобие лица высокого и страшного человека". Наконец, религиозно собрав все мнения, касающиеся личности дьявола, де Ланкр сам рисует этот портрет *с натуры*. "Дьявол в субботу сидит на черной кафедре, с короной из черных рогов, два рога на шее, еще один на лбу, которым он убивает собравшихся, волосы его щетинятся, лицо бледное и тревожное, глаза круглые, большие, широко открытые, воспаленные и отвратительные, борода козлиная, форма воротника и всего остального тела сильно изрезана, тело в форме человека и козла, руки и ноги как у человека, только пальцы все одинаковые и острые, соединены кончиками, вооружены ногтями, а руки изогнуты форме гуся, хвост длинный, как у осла, которым он прикрывает свои позорные части. Голос у него страшный и беззвучный, а сам он очень серьезный и превосходный, с лицом меланхолика и скучающего человека".

Таков был страшный господин, которому ведьмы и колдуны приносили клятвы веры и почтения на субботних собраниях. Таких людей, поклоняющихся козлу и трахающих его в ягодицы, бесчисленное множество". Именно знаменитый колдун Труа-Эшель в таких выражениях заявил об этом королю Карлу IX (см. *Démonomanie*, liv. II, chap. IV.) Де Ланкр в нескольких местах говорит об этом бесчестном поцелуе, который часто был направлен на позорные части дьявола: "У осла великого господина, - говорит он (р. 76), - было заднее лицо, и целовали именно заднее лицо, а не зад". Но, по признанию девочки Жанны Хортилапиц, жившей в Саре, которой не было четырнадцати лет, когда ее отдали в Проституцию Субботы, "великие трахают дьявола в зад, а Луи, наоборот, трахает в зад маленьких детей". Затем дьявол мочился в яму, а старые ведьмы приходили и окунали петушиные перья в поганую и жгучую жидкость, которой они обрызгивали зрителей. Как видите, это была отвратительная пародия на массовые церемонии. Иногда, в субботу, - говорит де Ланкр, - мы поклоняемся дьяволу, стоя к нему спиной; иногда, упираясь ногами стену, зажегши в среднем роге свечу из очень черного смоляного дерева, мы целуем его сзади или спереди". На суде над несколькими ведьмами, которых судили и приговорили к костру в Вердене в 1445 году, эти несчастные женщины признались, что они были "слугами всех врагов ада" и что они совершили *очень серьезные грехи*. У каждой из них было имя *diablerie*: "Одна отдавала дань уважения своему господину, целуя его в спину, другая - в зад, третья - в рот". (См. "Историю наук в Мессине" Эмиля Бегина).

Помимо поцелуя, было еще и подношение, и авторы *ex professo* не говорят, в чем именно оно заключалось. Была ли это просто маленькая монета в потине с фантастическим изображением, как это было найдено при раскопках в Эльзасе? Или это была таинственная эмблема, например, змеиное яйцо, ветка самшита или вербены, волчий зуб или какой-нибудь другой предмет, используемый в черной магии? Мы недалеко от того, чтобы рассматривать это подношение как непристойную инициацию, в ходе которой неопит телесно отдавался сатане и подчинял себя ему плотским актом. Также утверждалось, что

дьявол "доставляет серебряную *вошь* тем, кто поцеловал его спину". (См. *Chroniques de Monstrelet*, Paris ed. 1572, vol. III, fol. 84).

Затем появились дьявольские стигматы. Предводитель саббата, Сатана или Белзебут, метил своих поклонников, как овец в стаде. Эта метка делалась горящим концом скипетра, который царь тьмы носил в руке, или одним из его рогов. Колдунов таким образом отмечали между губами или на веке, на правом плече или на ягодицах; женщин - на бедре или подмышкой, или на левом глазу, или на тайных местах. Этот несмываемый знак представлял собой либо зайца, либо жабую лапку, либо кошку, либо собаку. По этим знакам узнавали проституток демона.

После того как поклонение заканчивалось, с множеством практик, столь же причудливых, сколь и отвратительных, праздник отмечали банкетам, песнями и танцами, готовясь к занятиям проституцией. По словам одних ведьм, более откровенных, чем другие, эти трапезы, сервированные на золотой скатерти, предлагали аппетиту гостей "всевозможную хорошую еду с хлебом, солью и вином". Но, по словам большинства очевидцев, это было не что иное, как жабы, плоть повешенных, выкопанные на кладбищах трупы некрещеных детей, мертвые животные, и все это без соли и вина. Тем не менее, стол освящался, вокруг него проходила процессия с зажженными свечами, и пелись непристойные песни в честь дьявола, который был королем праздника. Поэтому вполне вероятно, что целью этих ежемесячных оргий было пробуждение чувств собравшихся и подготовка к чудовищным актам проституции, которые сопровождали или завершали субботний обход.

Этот обход проходил по-разному, и каждый из тех, кто принимал в нем участие, описывал его с новыми подробностями. Однако несомненно, что главной целью танца, если это вообще был танец, было пробуждение разврата: ведь этот танец порождал самые непристойные позы и самые постыдные пантомимы; большинство танцоров были совершенно голыми, некоторые - в рубашках с рукавами, с большой кошкой на зад, почти у всех на плечах были рогатые жабы. Танцуя, они кричали: *Har, har, diable, diable, jump here, jump there, play here, play there*; и все зрители, старые некроманты, столетние ведьмы, почтенные демоны, хором повторяли: *Sabbat, sabbat!* Были и корифеи обоих полов, которые совершали невероятные кувырки и невероятные силовые подвиги, чтобы возбудить похоть присутствующих и удовлетворить нечистую злобу Сатаны.

Так продолжалось до самого утра, пока не прокричал петух; и пока это продолжалось, под звуки inferнальных голосов и инструментов каждая пара по очереди предавалась самой ужасной проституции с неистовым рвением. Именно тогда было совершено пятнадцатое смертное преступление, в котором колдуны могли быть виновны отношению к божественному и человеческому закону: плотское соитие с дьяволом. (См. "Демономания", книга IV, глава 5.) Юристы "Демономании" пытались охарактеризовать природу этого преступления в соответствии со свидетельствами пациентов, которые его совершили. Вот что, по мнению Николя Реми (*Ремигууса*), он смог выяснить относительно грязных ласк, которые, как утверждали прихожане субботы, получали от демонов: "*Hic igitur, sive vir incubet, sive succubet fæmina, liberum in utroque naturæ debet esse officium, nihilque omnino intercedere quod id vel minimum moretur atque impediatur, si pudor, metus, horror, sensusque aliquis acrior ingruit; illicit ad irritum redeunt omnia e lumbis, effæaque prorsus sit natura.*" (*Demonolatriæ libri tres*, Lugd., 1595, p. in-fol., p. 55.) Из этого следует, что ведьмы были не менее подвержены дьявольскому осквернению, чем колдуны. Однако не один теолог, не один криминалист пытался защитить демонов и доказать, что они ненавидят грех против природы; но, похоже, им не удалось реабилитировать Духа Зла в этом отношении; так, Сильвестр Приериас, написавший свой знаменитый трактат *De strigimagarum dæmonumque*

mirandis под взглядом римской инквизиции, утверждал, что содомия - одна из прерогатив дьявола: "Universaliter strigimagæ, quæ in ejusmodi spurcitiis versantur, aliquid turpissimum (quod tamen scribam) astruunt, videlicet dæmonem incubum uti membre genitali bifurcato, ut simul in utroque vase abutatur." (Edict. of Rome, 1575, p. 150.) Бейль, чтобы выразить эти безобразия, которые творились в необузданном воображении демономанов, придумал слово, которое теологи и криминалисты, похоже, не приняли: он называет *sin sur-contre-nature* попеременное или одновременное использование гермафродитом-дьяволом одного и другого пола по субботам.

Николя Реми, инквизитор из Лотарингии, интересовался особенностями плотского совокупления с демонами; он тщательно допрашивал несчастных жертв дьявольской нечистоты и пришел к выводу, что нет ничего мучительнее, чем терпеть ласки поганого духа: *At hoc qui nobis istos concubitus, succubitusque dæmonum memorant, uno ore loquentur omnes, nihil iis frigidius, ingratiusque quicquam fingi aut dici posse.* Все сходились во мнении, что в объятиях демона они испытывали ледяной ужас: *frigido, injucundo, atque effæto coitu.* Многие ведьмы остались калеками или больными на всю оставшуюся жизнь. Николя Реми, который не налагал на свои вопросы никаких ограничений приличия, добился невероятных признаний от *дьявольских блудниц*; эти несчастные безумные женщины, которых Саббат с ранних лет посвятил в таинственную проституцию, больше не стеснялись раскрывать все подробности страшной торговли, которую они вели с демонами. Мы можем составить своего рода эротическую физиологию Сатаны, основываясь на официальных заявлениях, которые Николя Реми получил из уст самых выдающихся ведьм своего времени, в частности Алисы, Клодин, Николь и Дидас, часто посещавших ночные сборища в горах Вогезов.

Только латынь позволяет нам процитировать этот уникальный отрывок, в котором демонолог с разнузданной наивностью рассматривает горькие упреки, которые большинство ведьм адресовали своим инкубам: "Alexia Drigæa recensuit dæmoni suo penem, cum surrigebat tantum semper extitisse, quanti essent subices focarii, quos tum forte præsentis digito demonstrabat; scroto, ac coleis nullis inde pendentibus. Claudia Fellæa expertam esse se sæpius instar fusi in tantam vastitatem turgentis, ut sine magno dolore contineri à quantumvis rapace muliere non posset. Cui astipulatur et illud Nicolææ Moreliæ, conquerentis sibi, quoties à tam misero concubitu discedebat, decumbendum perinde fuisse, ac si diutina aliqua, ac vehementi exagitatione fuisset debilitata. Retulit et Didatia Miremontana, se, licet virum multos jam annos passa esset, tamen tam vasto, turgidoque dæmonis sui inguine extensam semper fuisse, ut substrata linthea largo cruore perfunderet. Et communis fere est omnium querela, perinvitas se à dæmone suo comprimì, non prodesse tamen quod obluctantur." Можно подумать, что Николя Реми хотел показать, что ведьмы в актах дьявольской проституции были не столько преступны, сколько несчастны; ведь они никогда не поддавались, кроме как по принуждению и одержимости; они даже не искали в грехе тех прелестей, которые делают его привлекательным; они пассивно, вопреки себе и со стонами, служили отвратительным удовольствиям дьявола, не будучи в состоянии вырваться из этого унижительного и проклятого рабства. Тем не менее, всех ведьм, уличенных в связях с *дьяволом*, сжигали без пощады.

Таким образом, суббота под предлогом колдовства и магии открывала темное и туманное поле для самой греховной проституции; таким образом, не только демоны несли на себе ее основную тяжесть и наслаждались ее одиозными благами: следует даже предположить, что очень часто дьявол появлялся только на картине, но он всегда был душой и мыслью, стоящей за ней. Суббота в целом, лишенная своего inferнального и фантастического аппарата, превратилась в конгресс разврата, на котором кровосмешение, содомия и скотоложство

получили полную свободу действий. Де Ланкр, не желая смягчать вину, которую он приписывает *непостоянству демонов*, сам вынужден признать, что дьявол принимал меньшее участие в мерзостях субботы, чем об этом говорят. "Жена, - говорит он (с. 137), - играет в присутствии своего мужа без подозрений и ревности; более того, его часто сутенером; отец без стыда лишает девственности свою дочь; мать без страха вырывает девственность у своего сына; брат - у своей сестры и т. д.". Легко понять, что в глазах закона любой колдун считался кровосмесительным только потому, что он посещал субботу, даже если у него не было ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры. Девятым преступлением, *общим для колдунов*, согласно канонам Церкви, всегда было кровосмешение, "это преступление, - говорит Боден, - за которое колдунов хулят и убеждают во всей древности, ибо сатана заставляет их понять, что никогда не было совершенного колдуна и чародея, который не был бы рожден от отца и дочери или от матери и сына".

Детальное описание действий Субботы мы находим в приговоре, вынесенном судом Арраса в 1460 году в отношении пяти женщин и нескольких мужчин, обвиненных в *вуду* или колдовстве. Среди осужденных были художник, поэт и семидесятилетний аббат, который, вероятно, был главным действующим лицом этих неслыханных развратных действий, к которым примешивались остатки вальденсийской ереси. "Когда они захотели отправиться в *ваудерию* (то есть в субботу), то мазью, которую дал им дьявол, они помазали очень маленькую деревянную верфь, и свои ладони (пальцы), и свои руки, затем положили эту верфь между ног, и как только они полетели туда, где хотели быть, над хорошими городами, лесами и водами, дьявол привел их в то место, где они должны были сделать свое собрание. И в этом месте они находили один за другим накрытые столы, на которых было много мяса; и они находили дьявола в виде козла, собаки, обезьяны, а иногда и человека, и там они приносили жертвы и почести упомянутому дьяволу и поклонялись ему, и отдавали ему многие из своих душ и едва ли все или по крайней мере что-то из своих тел. Затем они целовали дьявола в виде козла, сзади, то есть в задницу, с горящими канделябрами в руках... И после того, как они все выпили и поели, они все вместе предались плотским утехам, и даже дьявол явился в виде мужчины и женщины, и предался утехам, мужчины с дьяволом в виде женщины, а дьявол в виде мужчины с женщинами. И даже они совершили грехи Содомы, богохульство и столько других преступлений, столь зловонных и огромных, как против Бога, так и против природы, что инквизитор сказал, что не осмелится назвать их, дабы невинные уши не были предупреждены о столь злодейских преступлениях, столь огромных и столь жестоких". (Mémoires de Jacques Duclerq, liv. IV, ch. 4.)

Боден, твердо веривший в плотское соитие с дьяволом и упоминающий об этом в нескольких местах своей "Демономании", похоже, не был обеспокоен антифизическими расстройствами, которым дьявол предавался в отношении колдунов и особенно ведьм. Он, несомненно, разделял мнение демонологов, которые не хотели, чтобы противоестественный грех был менее отвратителен для дьяволов, чем для людей. Тем не менее, не оскорбляя сынов Сатаны, мы можем предположить, что в субботу они были не более сдержанны в этом вопросе, чем в аду. Английский монах из Ившема, спустившийся в ад в 1196 году под руководством святого Николая, рассказывает о том, что он там увидел, как о самом необычном: "Там есть отвратительная пытка, позорная и ужасная более других, к которой приговаривают тех, кто в своей земной жизни был виновен в том преступлении, которое христианин не может назвать, от которого даже язычники и язычницы испытывали отвращение. На этих несчастных напали огромные чудовища, казалось, сделанные из огня, чьи отвратительные и ужасающие формы превосходили все, что может представить воображение. Несмотря на сопротивление и тщетные усилия, они были вынуждены терпеть их отвратительные прикосновения. Во время этих ужасных сцеплений боль вырывалась из

этих несчастных, бьющихся в конвульсиях существ. Вскоре они падали как мертвые, лишившись чувств; но им приходилось возвращаться к жизни и снова возрождаться для новых попыток. О горе! Толпа этих позорных людей была столь же многочисленна, как и их мучения... В этом ужасном месте я никого не узнавал и не пытался узнать, настолько непреодолимым было мое отвращение к чудовищности преступления, непристойности пыток и зловонию, которое выдыхалось". (Grande Chronique de Mathieu Paris, перевод А. Huillard-Breholles, t. II, p. 265).

Поэтому колдуны не стеснялись подражать нравам дьявола, который таким образом подавал им пример самых отвратительных пороков не только в подземном мире, но и на земле. С незапамятных времен и во всех странах суббота была школой святотатства и проституции. Именно там собираются все колдуны и ведьмы, пишет Антуан де Торквемада в своем "Гексамероне", "и несколько дьяволов с ними, в виде джентльменов и красивых женщин, и меряются друг с другом в обратном порядке, совершая свои дезордоны и грязные аппетиты". Когда сатана общался с людьми, все было не иначе, даже вне субботы. Во времена Гибер де Ногента, который повествует об этом дьявольском искушении, один тяжело больной монах попал к врачу-еврею, знатоку злых чар; ему пришла в голову роковая мысль обратиться к дьяволу; тот, вызванный евреем, появился у постели монаха и пообещал ему здоровье, богатство и знания в обмен на жертву. Какую жертву?" - спросил монах, - "Жертву того, что самое вкусное в человеке". И демон имел дерзость объяснить. О преступление! О позор!" - сказал Гиберт де Ножан (De vita sua, lib. I, cap. 26), - "И тот, от кого требовали подобного, был священником! И негодяй сделал то, что ему было велено". Таким образом, именно этого ужасного возлияния он отрекся от христианской веры". Колдуны, как и их inferнальный покровитель, обладали странными фантазиями; они часто удаляли половые органы печальных жертв своего злодеяния и посвящали их в мерзости субботы. У них нет власти, - говорит Боден, - чтобы удалить у мужчины один член, кроме мужественных частей, что они делают в Германии, спрятав позорные части и удалив их из живота". И по этому поводу Шпрангер рассказывает, что один мужчина в Шпейере, думая, что его лишили мужественных частей, был осмотрен врачами и хирургами, которые не нашли у него никаких повреждений; и с тех пор, умиротворив обидевшую его ведьму, он был восстановлен. Это колдовское нападение на мужественность очень часто повторялось под названием "узел айгильтты"; и когда колдун не кастрировал пациента, он забирал и присваивал, так сказать, душу и силу его пола. Демонологи истолковали это так: дьявол принимал в жертву атрибуты и трофеи похоти, а колдуны оставляли их себе, чтобы обеспечить чудовищный разврат в субботу.

К числу таких развратных действий следует отнести и скотоложство, которое, судя по всему, было очень распространено на ночных сборищах ведьм. Это отвратительное преступление, столь распространенное среди древних народов, лишь изредка встречалось в судах нового времени, где неизменно каралось смертной казнью: виновного сжигали заживо вместе с его сообщником, какой бы ранг тот ни занимал в шкале одушевленных существ. Но то же преступление было присуще и колдовству, а юриспруденция Средневековья считала, что любой человек любого пола, принявший участие в субботнем празднике, уже по этому факту подозревался в скотоложстве. Боден высказывается по этому поводу лишь сдержанно, что свидетельствует об ужасе, который внушала ему подобная тема. И когда Loy de Dieu, - говорит он, цитируя 22 главу Исхода, - запрещает оставлять в живых ведьму, то вскоре после этого говорится, что *Celui qui paillardera avec la beste brute, qu'il sera mis à mort*. Остальное, что говорится в "Верности Божьей", имеет много общего с невероятным злодейством и нечестием; как, например, когда сказано: "Не подавай Богу ни ренты с блудницы, ни цены с

собаки! Это относится к разврату плохих женщин с собаками". Боден и в других местах говорил об этом позоре, который он не решался рассматривать как личное деяние дьявола. "Иногда, - говорил он, - звериный аппетит некоторых женщин заставляет поверить, что это демон, как это случилось в 1566 году в епархии Колоньи. В одном монастыре жила собака, о которой говорили, что она демон, , которая поднимала платья монахинь, чтобы надругаться над ними. Это был не демон, как я полагаю, а натуральная собака. В Тулузе была женщина, над которой надругались подобным образом, и собака пыталась заставить ее на глазах у всех. Она призналась в этом и была сожжена".

Однако Бодену достаточно вспомнить описание субботы, когда сатана принимает облик собаки, или быка, или осла, или козла, чтобы принять жертвы от своих поклонников: поэтому он почти сразу же упрекает себя в том, что оправдал сатану за счет человеческого рода: "Может быть, - говорит он, передумав, - сатана послан Богом, так как несомненно, что все наказания исходят от него, обычными средствами или без средств, чтобы отомстить за такие злодеяния: так случилось в монастыре Мон-де-Эссе в Аллеманье, что монахини были бесноватыми; и мы видели, как на их лицензиях собаки бесстыдно поджидали тех, кто был заподозрен в злоупотреблении ими и совершил грех, который они называют немым грехом." (*Démonomanie des sorciers*, liv. III, ch. 6.) Бейль в своих "Ответах на вопросы провинциала", похоже, хотел объяснить и оправдать все поношения, приписываемые ведьмам, доказывая, что большинство этих ведьм были старыми развратниками, которые могли найти удовлетворение своему воображению и развращенным чувствам только в сверхъестественной и дьявольской коммерции. Таков был вкус демонов до потопа, - говорит он в главе 57, - они охотились только за красивым; со временем они становились все менее деликатными, и вот, наконец, они дошли до другой крайности: они охотятся только за уродством старости. Теперь они женятся только на старухах, если позволительно употребить это слово в отношении плотской торговли, которую они ведут с ведьмами и которая регулярно начинается после первого поклонения президенту субботы и продолжается каждый раз, когда они возвращаются в это собрание, *non aliter hæc sacra constant*, не считая чрезвычайных". (См. Боден в главах 4 и 7 ^{2-й} книги своей "Демономании", а также Антонио де Торквемада). Не забыли сказать, что при том облике, который они принимают, и при том почтении, которого они требуют, самые уродливые рты все равно были бы слишком красивы, *similes habent labia lactucas*, пословично добавляют они. (См. Torquemada, *Jardin de flores curiosas*, Antwerp, 1575, in-12, p. 294)".

Все авторы, которые привнесли дух критики и философии в исследование тайн колдовства, осознали, что дьявол вызывает ярость матки скорее у старых женщин, чем у молодых. Ученый и серьезный профессор Томас Эрастус признает, правда, что встречались ведьмы всех возрастов; но он врачевно доказывает, что большинство из них были старыми, потому что старость в некоторых женских натурах возвышает физические страсти, а не гасит их. "Прежде чем стать ведьмами, - говорит он, - эти женщины были либидинозными, и они становятся все более и более либидинозными в своих отношениях с демонами". Он сравнивает их со старыми козами, которые постоянно идут на ласки козла. *Hinc proverbio apud nostros factus est locus, vetulas capras libentius lingere sales juvenculis*. Он добавляет, что мы не должны удивляться тому, что женщины, потерявшие всякий страх перед Богом и всякую сексуальную скромность, предаются излишествам, от которых возраст не избавляет даже других женщин, которых мы должны скорее жалеть, чем порицать: *Quis dubitet illas immodestius, majoreque ardore, ad impuritatem sine rationis fræno aut infamiæ metu, brutorum instar ferri?* (См. трактат Th. Erastus, *De lamiis*, pp. 30 и 113.)

Демоны, эти повелители нечистот, как их называет один мистик, были слишком склонны давать волю своим грязным и причудливым фантазиям: в их обществе нельзя было оставаться, не приобретя самых плачевных привычек. Колдовство было академией гибели, где человек и дьявол, казалось, боролись в недержании и разврате. Инициация всегда состояла из какого-нибудь ужасного греха, в котором сатана принимал участие. Так, например, Сибилла Норсийская, столь известная в Средние века как королева школы магии, куда люди отправлялись для посвящения на свой страх и риск, оказывала необычный прием любопытным, которых она принимала в своей пещере. Сибилла и все те, кто живет в ее доме, - говорит Бейль ("Ответы на вопросы провинциала", гл. 58), - каждую ночь видят фигуру змеи, и это означает, что все те, кто войдет в пещеру, будут иметь дело с одной из этих змей". Это был их дебют, их инициация; так языческая плата за вход (см. Leandro Alberti, *Descritt. di tutta Italia*, fol. 278): *La notte, tanto i mascoli quanto le femine, doventano spaventose serpi, insieme con la sibilla, e che tutti quelli che desiderano entrarci, gli bisogna primieramente pigliare lascivi piaceri con le dette stomacose serpi.*" Паломники постоянно прибывали сюда, чтобы попытаться счастья. Сибилла давала всем желающим аудиенции, а иногда и сама забирала своих змей, чтобы отпраздновать вместе с гостями. В это время прекрасные феи, составлявшие ее двор, также превращались в змей, ящериц, скорпионов и крокодилов, чтобы участвовать в страшном сабате, где они, как говорит добрый человек Блез де Виженер в своих заметках к "Таблицам из пластинчатой живописи" Филострата, "деменровали очень уродливую и отвратительную службу". Горе тому простому смертному, который не повиновался приказам сибиллы или исполнял их плохо! Он становился жертвой ненасытной похоти рептилий, пока его не избавлял удачный приход отшельника или монаха.

Из всех этих и множества других подобных фактов следует, что колдовство, которое делало меньше жертв, всегда имело своим объектом проституцию. За исключением небольшого числа доверчивых магов и убежденных ведьм, все те, кто был посвящен, служили или заставляли других служить отвратительному ремеслу разврата. Суббота открывала путь к этим порокам. Иногда суббота собирала отвратительную компанию распутников обоих полов, иногда - в угоду некоторым либидинозным обманщикам - отряд доверчивых и очарованных женщин. Здесь это было средством достижения похоти, там - лишь поводом для нее. Из признаний обвиняемых на различных процессах по делу о колдовстве можно сделать вывод, что часто субботой пользовался один человек, который развращал молодых девушек и экспериментировал с одиозными изобретениями своей извращенности на этих посвященных. Во многих случаях роль дьявола принадлежала какому-нибудь злодею, который злоупотреблял ею для удовлетворения своих ужасных прихотей и брал непристойную дань с несчастных, которых он заманивал под свою власть. На одном из последних процессов о колдовстве в 1632 году приходского священника Корде, которого судили и приговорили в Эпинале, обвинили в том, что он ввел в Саббат рибалку Кателинотту и представил ее мастеру *Персину*, высокому, черному человеку, холодному как лед, *etiam in coitu*, одетому в красное, сидящему на стуле, покрытом черными волосами, и щипающему своих неофитов за лоб, чтобы заставить их отрицать Бога и Деву. (Архив д'Эпиналя, цитируется Э. Бегином).

В ходе аналогичного процесса, получившего огромную огласку несколькими годами ранее, стало известно, что священник из прихода Аккуль в Марселе по имени Луи Гофриди отдался дьяволу при условии, что сможет внушать любовь женщинам и девушкам, дуя на них. В действительности он дул на юную Магделину, дочь провансальского дворянина по имени Мадоль де ла Палюд, когда ей еще не исполнилось и девяти лет. С тех пор он дул и на других женщин, которым не в чем было ему отказать. Несмотря на это, Мадлен де ла Палюд продолжала оставаться любовницей Гофриди, который записал ее в религиозный орден

Святой Урсулы. Наконец, этот соблазнитель невинности, преследуемый инквизицией, признался в своих преступлениях и заявил, что имел с Мадлен несколько интимных связей, как в церкви, так и в ее доме, как днем, так и ночью; что он познал ее плотски и начертал на ее теле различные дьявольские символы; что он ходил с ней в субботу и что он совершил в ее присутствии бесконечное число скандальных, нечестивых и отвратительных поступков в честь Люцифера. Луи Гофриди был заживо сожжен в Эксе, на площади Якобинцев, после того как искупил свою вину, босой и босоногий, с гардой на шее и горящим факелом в руке.

Можно было бы привести множество судебных процессов о колдовстве, в которых мы видим, как моральное разложение прикрывается, словно плащом, владениями дьявола, а все его проступки приписываются тирании ада; но легко понять, что люди, утверждавшие, что они поддались оккультной силе и неодолимому престижу, не всегда верили во вмешательство демонов. Обычно это были постыдные распутники, вынужденные по своему положению вести жизнь в непорочности или, по крайней мере, скрывать бурление своих чувственных страстей под благопристойной внешностью; это были священники или монахи, которые втайне предавались искушениям дьявола плоти. Суббота была местом встречи всего самого извращенного, поэтому она проводилась в отдаленных местах, в лесах, в горах, среди скал, и всегда место, отведенное для этих ночных собраний разврата, с незапамятных времен имело одно и то же назначение. Поэтому нам кажется очевидным, что колдуны, или, по крайней мере, большинство из них, использовали магию только для проституции, и что если ведьмы часто были добросовестными, но ослепленными и очарованными своим воображением, то дьяволы, которые регулярно имели с ними дело, принадлежали к худшему типу развратных людей.

Это объясняет, почему церковное и светское правосудие так жестоко расправлялось с ведьмами и колдунами: оно включало колдовство во все самые отвратительные деяния человеческой развращенности, а осуждая колдуна, применяло к нему наказание за кровосмешение, содомию и скотоложство, как если бы он был виновен во всех этих преступлениях. Колдовство, которое было не чем иным, как развратом, как мы полагаем, мы доказали, распространилось в Европе в XVI веке так яростно, что знаменитый Труашеле, приговоренный к костру в 1571 году и получивший помилование при условии, что он донесет на всех своих сообщников, сообщил королю, что число ведьм во Франции можно оценить в 300 000. "Их было так много, как богатых, так и бедных, - говорит Боден, - что одни заставляли бежать других, так что эти изверги всегда размножались, вечно свидетельствуя о нечестивости обвиняемых и страданиях судей, на которых лежит обязанность и ответственность предавать их суду. Безнаказанность превратила бы всю Францию в огромную арену для колдовства или проституции. Во время правления Франсуа I в королевстве насчитывалось всего 100 000 ведьм, согласно подсчетам отца Кrespета в его трактате *De la Haine de Satan*. Труашеле, который, несомненно, хорошо разбирался в подобной статистике, показал, что это число утроилось менее чем за полвека. Филессак, доктор Сорбонны и еще один демонический статистик, написал в 1609 году, что ведьм было больше, чем проституток. В подтверждение своего утверждения он процитировал две строки из Плавта, которые означают, что женщин радости и сутенеров больше, чем мух летом:

*Nam nunc lenonum et scortorum plus est fere,
Quam olim muscarum est, cum caletur maxime.*
Трукул, акт. I, sc. 1.

Затем он добавляет в своем трактате *De Idolatria magica*: "Etiam magos, maleficos, sagas, hoc tempore, in orbe christiano, longe numero superare omnes fornices, et prostibula, et officiosos istos, qui homines inter se convenas facere solent, nemo negabit, nisi elleborosus existat, et nos quidem tantam colluviam mirabimur ac perhorrescimus." Это обличение было направлено не на что иное, как на то, чтобы половина Франции была осуждена инквизицией; но из этой цитаты из серьезного "Филессака" ясно, что юристы видели в колдовстве лишь форму самой преступной проституции и что они были вынуждены прибегнуть ко всей строгости законов, чтобы подавить беспорядки, которые развращали общественную мораль и которые в конечном итоге разрушили бы общество в его принципе. Они, казалось, приписывали дьявольской злобе ряд отвратительных поступков, которые обвиняли лишь в развращенности людей, и старались не преуменьшить ужас, которым легковерие пошляков окружало субботу, ведь если бы вещи были показаны в их истинном свете, суббота была бы еще более посещаемой, настолько опасен мотив любопытства для морального и физического разврата. Суды были безжалостны к ведьмам, но в целом они, конечно, знали, что дьявол чужд преступлениям божественного и человеческого масштаба, в которых разврат обвиняет колдовство. Поэтому в какой-то степени можно оправдать ужасное законодательство Средневековья в отношении ведьм и доказать, что общество было вынуждено защищаться таким образом, железом и огнем, от вторгшейся гангрены общественной проституции.

ГЛАВА XXVII.

Резюме.- Проституция в ереси в Средние века.- Однородность ереси и чувственности.- Манихейство вновь появляется во всех ересь.- Тайные собрания.- Их цель и использование.- *Булгары* или *бугеры*.- Их доктрина.- Их уничтожение во Франции.- *Бугерия*.- *Патары* и *катары* - Этимология этих различных названий - Стадены, фратрицеллы, беггарды - Флагелланты - Их нескромные собрания - Нравственные преимущества флагелляции по мнению казуистов - Злоупотребление флагелляцией со стороны распутников - Портрет флагелланта Пико делла Мирандола.- Публичные порки во Франции - Процессия *избиения* при Генрихе III - Новые адамиты - Их пророк Пикар - Брачный обряд пикардов - Турлупины - Происхождение этого названия - Их непристойная одежда - Братство *бедных* - Жеанна Дабентонн, сожженная заживо на Марше-о-Пурсо.- Анабаптисты - их догмы о проституции - Бейль высмеивает их и борется с ними с помощью насмешек - хорошие и плохие еретики - реформаты, оклеветанные из-за своих собраний - Римский двор, названный *Великой Проституткой* - Ересь объявляет войну проституции.

Мы уже видели, как в первые века христианской эры священная проституция выжила в язычестве, воспроизвела себя и увековечила в ереси; мы видели, как ересь, основанная на удовлетворении чувств, бесконечно умножалась в лоне Церкви Христовой и оставляла ее с шипением только для того, чтобы отдаться всем излишествах физических страстей. Легко понять, что зарождающееся христианство, вызывавшее лишь к благородным и великодушным порывам духа, вынуждено было использовать жесткие средства, чтобы подавить и заглушить секты, развращавшие нравы и угрожавшие будущему нового общества, давая полную власть слепым и грубым силам материи. Но гонения, исходящие от авторитета Соборов и направляемые светской рукой Греческой и Латинской Церквей, не уничтожили ересь, хотя и стерли ересиархов и еретиков с лица христианского мира; после кровавых войн, после бесчисленных пыток и резни принцип ереси остался жив и живуч, ибо этот принцип был не чем иным, как Священной Проституцией.

Вот почему ересь, меняя форму и название, непрерывно появлялась на протяжении всего Средневековья; вот почему проституция часто пыталась укрыться в ереси, как в крепости, где она могла бы смело бросить вызов морали Евангелия и строгости христианских догм. В различных сектах ереси, несомненно, были врачи и философы, которые добросовестно относились к метафизическим дискуссиям и искали только истину, страстью, если не проницательностью; но вульгарные, но ложные и извращенные умы, слабые или развращенные воображения, пылкие и порочные натуры были увлечены погоней за материальными удовольствиями и видели в религиозной практике лишь предмет постыдного сладострастия. Нет лучшего объяснения непобедимому упрямству ереси, которая так долго прибегала к одним и тем же соблазнам и везде добивалась одних и тех же результатов.

Начиная с XII века и до наших дней, во Франции неоднократно появлялась ересь, в которой мы обычно узнаем зародыш манихейства и плод проституции. Бейль в своем "Словаре" рассматривал манихейство, чтобы показать, что эта форма ереси родилась вполне естественно из контраста страстей, которые борются в жизни человека: "Как может быть, - говорит он (статья Гуарина), - что человеческий род влечется к злу почти непреодолимым триггером, я имею в виду чувство удовольствия, и что его отталкивает страх раскаяния или бесчестия и некоторые другие наказания?... Манихейство, очевидно, выросло из сильных размышлений об этом плачевном состоянии человека". Бейль рассуждал как философ, но большинство манихеев не были способны ни рассуждать об этом, ни даже понимать рассуждения: они с закрытыми глазами принимали догму и культ, которые благоприятствовали их чувственности и распутству: религия становилась для них постоянным стимулом к разврату.

Мы быстро отметим присутствие проституции в ереси, во Франции, почти в каждый период. Прежде всего следует отметить, что в каждой ереси, начиная с XII века, сектанты проводили тайные собрания, причем не днем, а ночью, в пустынных или закрытых местах. Предметом или предлогом этих собраний было отправление культа: здесь оба пола собирались вместе, там, напротив, их разделяли; в других местах только мужчины имели право быть допущенными в эти таинственные кенасы. Но в некоторых случаях происходили злоупотребления и беспорядки в угоду нечистоте некоторых лжеапостолов или неофитов, и общественное мнение подхватывало скандальные слухи, распространявшиеся о собраниях еретиков: Их обвиняли в том, что по определенному сигналу они гасят свет и предаются во тьме всем извращениям плоти. Иногда их обвиняли в самых постыдных излишествах распущенности, иногда - в том, что они возмущают природу отвратительными содомскими привычками.

Болгары, которые появились во Франции только в конце двенадцатого века, уже в десятом начали распространяться по Европе и селиться в Болгарии, где у них был своего рода Папа или Священник-Иоанн, который был их духовным лидером. Название "болгары", принадлежавшее тогда одному народу, стало именем секты и распространилось по всем странам вместе с ересью, которая была не чем иным, как древним манихейством. Это название вскоре было искажено во французском языке, на котором говорили в то время, потому что вместо *булгар* говорили *bougares* и *bouguères* (*bugari* и *bugeri* на низкой латыни); *bougueres* стали *bougres*, и под этим общим термином были включены все развращенные люди, чьи нравы соответствовали учению и примеру истинных булгар. Последние считали естественные отношения между полами святотатственными, даже в состоянии брака; они не терпели плотского союза между супругами, кроме как с целью деторождения; иногда они даже забывали об этом провиденциальном предназначении человечества и категорически запрещали мужчине любые сексуальные контакты с женщиной. Такая чудовищная ересь

против закона природы должна была подвергнуть болгар самым серьезным обвинениям, которые они, возможно, подтверждали своим образом жизни. Как бы то ни было, их ересь достигла пугающих успехов, особенно в Лангедоке, когда Филипп-Август, согласно рукописной хронике, цитируемой Дюканжем (на слове *Bulgari*), "послал своего сына в Альбигенсию, чтобы уничтожить ересь булгаристов этой страны". Та же хроника добавляет под 1225 годом: "В этот день кулак привел в движение бугров брата Жана, которые принадлежат к ордену братьев Прешоров".

Что касается самой ереси, которая зажгла костры по всей Европе, мы не знаем наверняка, была ли она виновна в тех ужасных грехах, которые приписывал ей глас народа; но мы видим, что эта ересь, которую современные летописцы описывают как ужасную (*omnium errorum fæx extrema*, говорит монах из Осера), имела в качестве синонима слово *bouguerie* или *bougrerie*, что одно только оправдывало строгость законодательства по отношению к болгарам. Святой Людовик в своих "Установлениях" не побоялся, несмотря на свое милосердие и снисходительность, потребовать смертной казни для этих еретиков: "Если кто-то подозревается в *bouguerie*, правосудие должно взять его и отправить к епископу, и если будет доказано, что он сделал это, он должен быть сожжен". Чтобы избежать всеобщего неодобрения, преследовавшего их во Франции, болгарам не оставалось ничего другого, как сменить имя: они пытались смешаться с альбигойцами, которые с ужасом отвергали их, и присоединиться к водеям, которые не хотели, чтобы их позорное имя было запятнано. Их последовательно называли *Патеринами*, *Патарами*, *Катарами*, *Жовиньенами* и так далее. Но под всеми этими разными именами их одинаково подозревали в *злословии*, и они не избежали костра, попав в руки инквизиторов. Их даже могли обвинить в том, что они спровоцировали крестовый поход против альбигойцев, с которыми их упорно путали, во время правления Людовика VIII, из-за ужаса, который они внушали.

Более того, сами имена этих отвратительных еретиков служат этимологическим доказательством порочности, которой отличалась их нечистая секта. Название *Bulgari* происходит от *bulga*, которое одновременно означало кожаный ранец, кошелек и мужской брайес: Менаж и Ледушат не остановились на этом простом этимологическом выводе, которого, тем не менее, достаточно, чтобы передать все то, что нам было бы стыдно объяснять. Название *Paterini*, по-видимому, образовано от сокращения *Paterni* и *Paterniani*, еретиков, которые также были манихеями и которые во времена святого Августина утверждали, что нижние части тела были созданы не Богом, а дьяволом, и поэтому не стеснялись использовать их для всевозможных постыдных целей (*omnium ex illis partibus flagitiorum licentiam tribuntentes, impurissime vivunt*, говорит святой Августин). От *Paterin* или *Patarin* они произвели *patalin* и *patelin*, что осталось в языке, чтобы выразить, что эти еретики использовали непристойные прикосновения (*palpando*) к прозелитам, которых они хотели ввести в заблуждение. Название *Cathari*, по словам ученого Годефроя Хеншениуса, цитируемого Дюканжем, имеет корень в немецком слове *caters*, что означает кот или демон-инкуб, и это прозвище, примененное к болгарам, указывало на их развратные сборища (*propter nocturnas coitiones*).

Все сектанты, утончаясь в либертинизме, налагали на себя всевозможные лишения и, как правило, демонстрировали полную отрешенность от материальных вещей; но это была лишь маска воздержанности и самоотречения, под которой они чувствовали себя спокойнее, потакая своим страстям и отпуская природу. Практика аскетической набожности служила своего рода тушенкой для их скрытого разврата. Именно проституция всегда подогревала прозелитизм и служила оккультной связью с ересью. Невозможно иначе объяснить, почему каждая новая метаморфоза манихейства была столь популярна, несмотря на опасности

католических преследований. Несколько сект, возникших за пределами Франции, такие как *Стадинги* в 1232 году, *Фратрицеллы* в 1296 году, *Беггарды* или *Бегины* в 1312 году и многие другие, не менее причудливые, не просуществовали так долго и так упорно, как болгарская секта, потому что они не были так благоприятны для злых инстинктов человека. Когда в 1259 году появилась секта флагеллантов, поначалу не было подозрений, что добровольные покаяния этих грешников, которые публично флагеллят себя, могут быть изобретением похоти. Новые еретики шествовали по двое в процессиях, предваряемые крестами и знаменами; они были обнажены до пояса (*solis pudendis honeste velatis*) в самую холодную зимнюю погоду, били себя или друг друга плетью и кожаными ремнями, стонали и проливали потоки слез; Вскоре они уже истекали кровью и продолжали издеваться друг над другом с еще большей яростью. И это еще не все: ночью они уходили за город, в глубь леса, в уединенные и проклятые места: там, в темноте или при свете факелов, они удваивали свои порки, свои крики и свои бесстыдные выходки. Можно догадаться, к каким одиозным последствиям приводили эти сборища полуголых мужчин и женщин, оживленных зрелищем этой непристойной пантомимы, в которой каждый по очереди становился актером и постепенно достигал финальной кульминации либидинозного экстаза.

Казуисты признавали, что обычным результатом такого индивидуального или взаимного возбуждения было физическое перевозбуждение чувств; но они утверждали, что пациент имел тем больше заслуг в укрощении своей природы и сохранении целомудрия под влиянием живого зуда к греху. Другие казуисты, напротив, утверждали, что непосредственный эффект порки заключается в подавлении беспорядочных движений плоти и сдерживании дьявола, поселившегося в постыдных местах. Вот как аббат Буало в своем труде "История флагеллантов" осмелился перевести это странное утверждение: *Nec esse est cum musculi lumbares virgis aut flagellis diverberantur, spiritus vitales revelli, adeoque salaces motus ob viciniam partium genitalium et testium excitari, qui venereis imaginibus ac illecebris cerebrum mentemque fascinant ac virtutem castitatis ad extremas angustias redigunt*. Как бы то ни было, можно не сомневаться, что флагелланты, заимствовавшие из язычества непристойную церемонию Луперкалий, не считали эти публичные наказания толчком к распутству и странному воссозданию чувственности. Применение порки в древние времена было хорошо известно всем развратникам, которые использовали ее для подготовки к любовным утехам. Однако в Средние века, хотя эротическая порка практиковалась крайне редко и в глубочайшей тайне, она приобрела кровожадную свирепость, которая была воспроизведена в деяниях флагеллантов. Пико делла Мирандола в своем "Трактате против астрологов" (lib. III, cap. 27) дает нам хорошее представление о том, какими должны были быть порки еретиков, описывая ужасное удовольствие, которое испытывал распутник (*prodigosæ libidinis et inauditæ*), которого били прутьями до тех пор, пока кровь не хлынула из каждой части его тела: "Ad Venerem nunquam accendetur nisi vapulet. Et tamen scelus id ita cogitat; sævientes ita plagas desiderat, ut increpet verberantem, si cum eo lentius egerit, haud compos plene voti, nisi eruperit sanguis, et innocentes artus hominis nocentissimi violentior scutica desævierit." Этот позорный человек достигал сладострастия через боль, а вид крови, его собственной крови, доводил его чувственное безумие до апогея.

Секта флагеллантов, пришедшая из Италии и быстро распространившаяся по Европе, появилась во Франции только в 1259 году, потому что церковные власти поспешили пресечь эту ересь, представлявшую собой не что иное, как отвратительное зрелище проституции. Однако столетие спустя флагелланты вновь появились во Франции, в основном в восточных и северных провинциях, и возобновили свои публичные покаяния, с кнутами, вооруженными железными остриями, распевая гимны и призывая друг друга к щажению. Было и общее покаяние, в котором мужчины и женщины, с закрытыми головами и лицами, обнаженными

плечами и поясницей, обменивались градом дисциплинарных ударов. Было и индивидуальное покаяние, в котором каждый получал из рук *генерала набожности* несколько ударов, соответствующих характеру греха, который он должен был искупить. Все кающиеся ложились на землю в различных позах, аналогичных различным видам греха: клятвopепреступник поднимал три пальца руки вверх; прелюбодей ложился на живот; пьяница делал вид, что пьет; скупец - что закапывает свои деньги; все обнажали ту часть тела, по которой должен был ударить фастиг: Глава братства раздавал эту фустигацию энергичной рукой, пропорционально грехам, в которых обвинялся немой пантомимой пациент. Толпы людей стекались на эти скандальные зрелища, восторженно восхищаясь постоянством добровольных мучеников, которые не уставали от побоев больше, чем сами уставали от них. В 1343 году, во время Великой черной смерти, во Франции насчитывалось около 800 000 флагеллантов, среди которых были джентльмены и знатные дамы, не менее жаждавшие публичных мучений и бросившие свои замки, семьи и гербы, чтобы присоединиться к этим бандам фанатиков и либертинов.

Непонятно, как они исчезли за столь короткое время к ужасу и отвращению честных людей; но религиозная порка пережила их: с тех пор она была сосредоточена в монастырях и больше не возмущала взоры и скромность прохожих. Тем не менее, она вновь покинула монастырские кельи и осмелилась нагло пройти по улицам Парижа, когда король Генрих III попытался учредить орден кающихся и сам появился в процессиях *Батмуса*. Эта последняя попытка публичной флагелляции является достаточным доказательством того, насколько либертинизм играл роль в таких актах симулированной или бессвязной набожности.

В большинстве ересей, происходящих от манихейства, сектанты не стыдились телесной наготы; они даже считали ее необходимым условием того более или менее отвратительного поклонения, которое они воздавали Богу. Адамиты, не прекращавшие своего существования в среде христианской церкви, где они, тем не менее, избегали скандала, требовали наготы только в своих тайных церемониях; но один из их последователей, по имени Пикар (это имя, возможно, лишь обозначение его родной страны), не довольствовался временной и случайной наготой: он хотел, чтобы он сам и его ученики всегда были обнажены. Он называл себя сыном Божиим и объявил, что отец послал его в мир, как нового Адама, чтобы восстановить закон природы. По его словам, этот закон природы состоял из двух вещей: нагота всех частей тела и женское сообщество. Тех, кто слушал этого непристойного пророка и хотел жить по его закону, называли *пикардцами*. Однако отношения между полами не происходили без согласия лидера секты. Как только один из пикардийцев испытывал похотливое желание к одной из своих спутниц, он приводил ее к магистру и формулировал свою просьбу так: "Мой дух возгрелся к этой (*in hanc spiritus meus conculcavit*)! Мастер ответил библейскими словами: "Иди, расти и размножайся! И все было сказано. Пикардийцы, считавшие, что, отказавшись от своей любимой наготы, они потеряют свою изначальную свободу, были вынуждены искать убежище за пределами Франции, спасаясь от инквизиции. Они укрылись в Богемии, у гуситов, которые, хотя и сами были еретиками, возмутились бесчинствами этих несчастных и истребили их всех до единого, не пожалев женщин, которые все были беременны и упорно отказывались одеваться в тюрьме, где они рожали, смеясь и распевая ужасные песни. (См. Dict. hist. Байля, слово Picards).

Не представлялось, что проституция в ереси может пойти дальше; но в 1373 году пикарды воскресли во Франции под именем *турлупинов*. Это название, этимология которого до сих пор точно не установлена, похоже, намекает на бродячую и жестокую жизнь, которую вели эти новые адамиты, скрываясь в глубине лесов, как волки. Они не только ходили голыми, как пикардийцы, но и, следуя примеру греческих киников, "занимались плотскими делами средь

бела дня, на глазах у всех". Именно эти термины использует Бейль, приводя в подтверждение любопытный отрывок из речи канцлера Жерсона: "Cynicorum philosophorum more omnia verenda publicitùs nudata gestabant, et in publice velut jumenta coïtu, instar canum in nuditate et exercitio membrorum pudendorum degentes." Их доктрина была в большей или меньшей степени похожа на доктрину бегардов, осужденных Равеннским собором в 1312 году: они учили, что человек волен подчиняться всем природным инстинктам, и что совершенство заключается в неограниченной свободе ; они добавляли, что творение должно гордиться всем, что оно получило от Творца. Именно поэтому они так ценили свою наготу. Тем не менее они были вынуждены прикрываться, несомненно, из-за холода; но они старались не скрывать атрибуты своего пола и приняли закон выставлять на всеобщее обозрение те части тела, которые считали божественными. В своей "Хронике" ученый Генебрар утверждает, что эта отвратительная секта дала о себе знать частичной наготой, которую она демонстрировала повсюду: *Turelupini cynicorum sectam suscitantes, nuditate pudendorum et publico coïtu.*

Эти злодеи размножились в Савоие и Дофине, но главное их объединение было в Париже, во главе с женщиной по имени Жанна Дабентонн, которая была заживо сожжена на Марше-о-Пурсо, недалеко от Порт Сент-Оноре. В то же время были сожжены книги и облачения братства, а также несколько *проповедников* этой суеверной религии, получившей название *Братство бедных*. Карл V послал Жака де Мора, члена ордена Святого Доминика, в южные провинции для искоренения столь отвратительной ереси; и Жак де Мор, принявший необычный титул *инквизитора жуликов провинции Франция* (см. глоссу Дюканжа на слово *Turelupini*), не помиловал турлупинов и турлупинок, которых ему удалось схватить на месте преступления. Все, что осталось от этого позорного братства, - это пресловутое слово *turlupin*, которое до сих пор используется в значении плохого шута и плоского шута, вероятно, в память об эксцентричных проповедях и смешных костюмах секты Жеанна Дабентонна.

Были и другие ереси, в которых самая преступная проституция прикрывалась религиозным плащом. Так, знаменитая *Водерия* в Аррасе в XV веке была не более чем симулякр вальденсийской доктрины, которая была пропитана колдовством и служила поводом для ночных собраний, полных отвратительных таинств. В предыдущей главе мы описали некоторые из этих мистерий, которые напоминали обычные обряды шабаша ведьм; но были и другие собрания вальденсов, которые не имели ничего общего с дьяволом и вели себя не более пристойно: это была обширная ассоциация разврата, организованная священниками-отступниками, которые проповедовали самый грязный эпикуреизм и сами подавали пример его. Викарий инквизиции в епархии Арраса, которому помогал граф Этамп, губернатор Артуа, сначала выдвинул обвинения против *filles de joie*, которые были самыми опасными апостолами Водери, а вскоре в процесс включили мещан, олдерменов, рыцарей и знатных особ, которых новая ересь уже извратила. Обвиняемых пытали, вытягивали из них страшные откровения , а многих сожгли до смерти. Это ужасное преследование вальденсов из Арраса продолжалось более тридцати лет, и в регионе Артуа были сожжены тысячи костров.

Вальденсы, анабаптисты, адамиты и манихеи никогда не были окончательно мертвы: они восставали из пепла, настолько непреодолимым был либертинизм для некоторых извращенных, слабых или развращенных натур. Однако различные ереси, придуманные проституцией, распространялись по всей Европе, не проникая во Францию или, по крайней мере, не добиваясь там больших успехов. Так, анабаптисты, имевшие свои армии в Голландии и Германии, едва появились в Штатах христианского короля. Тем не менее, они предложили проституции невероятную карьеру, ведь они не только учили, что каждая

женщина обязана отдаваться распутству всех мужчин, но и что каждый мужчина в равной степени обязан удовлетворять всех женщин. Именно Пратеолус подтверждает этот факт в своей ереси *Elenchus* (lib. I, p. 27), и вот как он определяет эту невероятную ересь: "Dicunt postremo quamlibet mulierem obligatam esse ad coeundum cum quolibet viro eam petente, et contra eodem vinculo adstringunt omnem virum ad tantundem reddendum cuilibet mulieri hoc ab illo petenti." Байль, который несколько резко высмеивает материальную невозможность такой доктрины, с полным основанием считает, что это басня, придуманная противниками анабаптистов с целью сделать их одиозными и смешными: "Община женщин, - говорит он, - не равна мерзости этой; она не отнимает свободу отказа; она не обязывает совесть к полному согласию". Уже слишком много, чтобы в принципе утверждать, что брак противоречит закону Божьему и что женщина, чтобы соответствовать этому закону, должна принадлежать последовательно или одновременно всем тем, кто ее жаждет. Согласно этой отвратительной ереси, слабый пол был предоставлен жестоким и развратным страстям сильного пола. Таким образом, проституция была введена в религиозный кодекс этих фанатиков, которые явили миру отвратительное зрелище своих странных излишеств, посреди самых жестоких сцен убийств, пожаров и грабежей, так что верно, что проституция напоминает скользкий путь, который прячется под цветами и ведет в пропасть.

Анабаптисты были всего лишь замаскированными манихеями, как и большинство еретиков, пытавшихся образовать секту с XII века и старательно не признававших своего общего происхождения. Более того, в каждой ереси были хорошие и плохие, чистые и нечистые, так что каждый следовал импульсу своей природы, в зависимости от того, подчинялся ли он духу или материи в большей или меньшей степени. Поэтому мы можем согласиться с Бозобром, известным историком манихейства, в том, что манихеев часто оклеветывали. Стоит ли верить тому, что обычно говорили, например, об их ночных собраниях и ужасах, совершаемых там под покровом темноты? Примечательно, что язычники приписывали первым христианам те распущенные нравы и святотатственные практики, которые христиане позже приписали еретикам. Поэтому мы можем предположить, что язычество и христианство использовали одно и то же оружие против своих противников, которых они стремились обесчестить, оклеветав их одним и тем же способом. В ереси, как и в первобытном христианстве, несомненно, были пылкие, возвышенные и извращенные натуры, которые использовали поклонение для удовлетворения чувств и тем самым способствовали распространению в народе мнению о мерзостях, поощряемых на этих собраниях, где гаснет свет.

Сами реформаты вначале не были свободны от пагубных подозрений, которые всегда были связаны с ночными собраниями обоих полов. Поскольку эти собрания окружали себя глубокой тайной, чтобы избежать любопытства и преследований католиков, и поскольку они искали самые темные ночи и самые уединенные места, предполагалось, что у новой секты есть причины скрывать свои обряды, так же как и свое учение. Люди были склонны распространять эту недостойную ложь и верить ей. "Я знаю, говорит Брантом в своих *"Галантных дамах"* (я не боюсь, что это правда, но я не хочу этого утверждать), что в начале, когда гугеноты насаждали свою религию, они совершали свои обряды ночью и в кашетах", как это было однажды на улице Сен-Жак в Париже во времена короля Генриха Второго, где несколько знакомых мне знатных дам, отправившись туда, чтобы получить эту милостыню, думали, что будут удивлены. После того как священник произнес свою проповедь, в конце он рекомендовал им благотворительность; и сразу же после этого их свечи были потушены, и там каждый мужчина и каждая женщина проявляли ее по отношению к своим братьям и сестрам-христианам, оставляя ее друг другу по их воле и силе: чего я не осмелился бы предположить, даже если бы был уверен, что это правда, но, возможно, это чистая ложь и самозванство". Однако, несмотря на утверждения католического аббата де Брантома,

который позже повествует о приключениях прекрасной Гроттерель на проповеди в Пуатье (см. *Dames galantes*, disc. Ier), можно почти с уверенностью сказать, что новаторы XVI века во Франции никогда не вызывали таких скандалов, как анабаптисты и адамиты в Нидерландах, не щадившие в то время общественные приличия. Так, в истории религиозных нововведений в нашей стране не найти фактов, которые могли бы противостоять непристойному собранию, состоявшемуся в Амстердаме 13 февраля 1535 года, на котором семь мужчин и пять женщин, поддавшись побуждениям и примеру анабаптистского пророка, сняли с себя всю одежду, бросили ее в огонь и вышли на улицы в состоянии полной наготы. (См. "Rel. des tumultes des Anabaptistes", Laur. Hortensius.) Чтобы найти что-то аналогичное этой слепоте религиозной проституции во Франции, нужно проделать путь вплоть до конвульсий XVIII века.

Устойчивость проституции в ереси во все времена и во всех странах является доказательством совершенства евангельской морали, которая одна была способна бороться с грубыми чувственными аппетитами. Ересь начинается, как только христианин, постоянно атакуемый и терзаемый дьяволом плоти, нарушает узы целомудрия и отдается на волю злых инстинктов, толкающих его к пороку. Если последователи Лютера и Кальвина называли Римский двор *Великой Блудницей*, то это потому, что Римская церковь к моменту появления этих реформаторов полностью забыла заветы Иисуса Христа. На этот раз ересь была очищена Евангелием, а Святой престол превратился, так сказать, в позорное святилище проституции. Именно ересь заставила католицизм покраснеть, указав на испорченность его служителей и развращенность его детей; именно ереси принадлежит слава восстановления целомудрия нравов в религии Иисуса Христа.

ГЛАВА XXVIII.

Краткое содержание - Старые проповедники излагают историю проституции своего времени - Согласно Дюлору, проституция была пороком правительства - Согласно Анри Этьенну, все идет от плохого к худшему - Оливье Майяр, Мишель Мено, Жан Клере, Гийом Пепин и другие проповедовали для простого народа. Их обычные слушатели - Продавцы в храме - Количество публичных девушек в Париже в XV веке - Восхищение поэтом Антуаном Астезани - Влюбленные в церкви - Проповеди произносились на латыни или французском - Оливье Майяр в Сен-Жан-ан-Грев. - Выдержки из его проповедей и проповедей Мишеля Мено, касающиеся дурных мест, проституток, сутенеров обоих полов и развратных людей - Эти цитаты доказывают, что проституция сильно выросла при Людовике XI, Карле VIII и Людовике XII - Матери, продающие своих дочерей, и дочери, зарабатывающие себе на приданое. - Макаронский стиль Менота. - Ле придворный любовник и девять женщин. - Дебоширы еkkлезиастов. - Наложницы *под болью и горшком*. - Тайны кузезов, согласно Теодориху де Ниму. - Жестокие слова, в чаре, итальянца Барлетты. - Причины прогресса проституции.

Мы собрали доказательства этой истории из произведений поэтов, большинство из которых вели бродячую и распутную жизнь; мы видели, как эти произведения были верными зеркалами дурных нравов в то время, когда они были написаны. Теперь мы будем искать следы общественной развращенности конца XV - начала XVI века уже не у поэтов, а в проповедях современных проповедников, где мы найдем новые, более правдивые и смелые краски для завершения этой странной картины всеобщего разврата, свидетельствующей о бессилии божественных и человеческих законов против демона чувственности. Дюлор, который в своей "Истории Парижа" также использовал старые проповеди, чтобы обрисовать моральное состояние общества того времени, не преувеличивал ситуацию, представляя проституцию триумфальной королевой XV века; но он ошибался, говоря, что она "была лишь

одним из меньших последствий пороков правительства". Правительство не имело к ней никакого отношения. "Проституция, *разрешенная королями*, - восклицает безжалостный Дюлор, - все еще поддерживалась большим числом безбрачных, священников и монахов; распутством магистратов, военных людей и т. д.". Дюлор не поддержал тезис "Апологии Геродота", в которой Анри Этьенн пытается доказать, что здесь все идет от плохого к худшему, "ибо, - говорит он, - какой бы ни была коррупция, верно будет сказать, что она была мала по сравнению с тем, который последовал за ней, видя, что с тех пор она поднимается как бы по степеням".

Проповедники, особенно те, кто проповедовал в наивном или тривиальном стиле, чтобы быть доступным вульгарным людям, предлагают нам неоспоримые доказательства испорченности своего века, и мы можем, не боясь ошибиться, принять за правду большинство фактов, о которых они рассказывают в своих речах. Оливье Майяр, Мишель Мено, Жан Клере, Гийом Пепин и некоторые другие знаменитые проповедники, не утруждавшие себя риторикой с кафедры, имели большой эффект и власть над своей аудиторией, состоявшей из простых и маленьких людей, когда они говорили красноречием сердца, здравого смысла и честности, когда они откровенно брались за изображение пороков и мерзостей, которые хотели осудить. Они, несомненно, были грубы и часто дерзки в своих выражениях и в примерах, которые они выбирали, чтобы представить перед глазами своих слушателей; но, нанося сильные удары, они были не менее точны и, конечно, достигали весьма респектабельных результатов средствами, которые вряд ли были респектабельными. Мы можем быть уверены, что эти проповеди, которые сегодня кажутся нам смешными и скандальными, приводили ко многим реальным обращениям, и что проповедник, сходя с кафедры, видел исповедальни, заполненные раскаявшимися грешниками. В наше время много развлекались за счет этих старых проповедников, обладавших столь причудливыми ораторскими приемами, изрекавших множество кок-а-лянов и эксцентричных выходок, которые они сопровождали самой невероятной пантомимой; но не обращали внимания на то, какая аудитория приходила послушать не слишком назидательные для нас слова этих *монахов-проповедников*.

Эта публика, среди которой женщины, несомненно, составляли большинство, не отличалась ни благопристойностью одежды, ни чистотой намерений. Все они были женщинами и девушками, непристойно одетыми, занимались тем, что называлось "охотой за глазами", досаждали мужчинам, назначали встречи и шли прямо к ним, не выходя из церкви, искали приключений, заключали договоры о галантности или *продавали любовь*: "Тот, кто ведет свою лошадь в церковь, чтобы продать ее, - говорит автор латинской поэмы в рукописи под названием *Matheolus bigamus*, - делает что-то очень неподобающее, но разве женщины, которые приходят в церковь под предлогом религии, чтобы продать себя, не еще более виновны? Не превращают ли они дом Господень в рынок для проституции? Тот же поэт перечисляет все парижские церкви и часовни, где проходила эта ярмарка проституции, о которой он с откровенной наглостью заявляет:

Font à nos dames grand soulas!

Мы видели, что в XV веке в Париже насчитывалось *пять или шесть тысяч красивых девушек*, занимавшихся легальной проституцией; эту цифру установил один из современных писателей. Итальянский поэт Антуан Астезани, путешествовавший по Франции примерно в то время, писал в одном из своих писем из Парижа: "Я с восхищением увидел там несметное количество чрезвычайно красивых девушек; их манеры были столь грациозны, столь развратны, что они привели бы в восторг мудрого Нестора и старого Приама". (См. *Jeanne d'Arc*, by Berryat Saint-Prix, p. 311.) Мы сообщаем, что, согласно "Журналу парижского

буржуа", губернатор города Амбруаз де Лоре, несмотря на предписания, допустил неумеренный рост числа сумасшедших женщин до такой степени, что автор журнала возмущенно восклицает: "Их было слишком много в Париже!" Наконец, мы не сомневаемся, как уже отмечали в других местах, что эти сумасшедшие женщины, которых постоянно арестовывали в нарушение закона у дверей церквей с четками, *агнус-деи* и часословами, украшенными золотом и серебром, не были самыми усердными столпами проповеди, куда они ходили *заводить любовников*. Клеман Маро, изображавший себя в "Диалоге двух влюбленных", признался, что встретил свою красавицу в церкви; вероятно, этой красавицей была *служанка из бельевой во дворце*, в которую он влюбился, прежде чем она оставила его с горькими воспоминаниями. Его друг спросил его, где он так внезапно влюбился: - В церкви! вздохнул поэт.

Вот где начались мои страсти!

Другой рассмеялся и радостно воскликнул:

А вот и наши набожности!

Было много споров о том, на каком языке говорил проповедник, обратившийся к этому галантному собранию, - на французском или на латыни. Одни утверждали, что проповеди, произнесенные на жаргоне, были напечатаны на латыни; другие, напротив, считали, что, поскольку адвокаты ведут дела на латыни, проповедники не должны пользоваться жаргоном. Этот вопрос, несмотря на эрудицию обеих сторон, так и остался нерешенным; здесь не место для его решения. Отметим, однако, что, поскольку Оливье Майяр проповедовал в Брюгге на французском языке (см. эту проповедь, in-4 goth. of 12 ff., недатированную), трудно поверить, что он проповедовал на латыни в Париже, Туре и Пуатье. Вероятно, его проповеди, собранные с помощью стеганографии по мере их произнесения, были переведены на макаронную латынь, как и проповеди итальянца Гийома Барлетты или Барлета, который проповедовал в Венеции на своем родном языке и чьи проповеди были опубликованы только на латыни. Макароническая латынь идеально подходила для воспроизведения свободного, бурлескного языка этих популярных проповедников.

Оливье Майяр, чья репутация сложилась во времена Людовика XI, обычно проповедовал в Сен-Жан-ан-Грев, и мы должны предположить, что нечистое население соседних улиц стекалось на его проповеди, которые часто касались похоти и разврата его времени (*huius temporis*, говорил он при каждом удобном случае). Он называет людей и вещи своими именами; он использует перифразы только для того, чтобы добавить еще одну черту к своим грубым картинам; он, кажется, не думает о святости места, где произносит свои ругательства против агентов и деяний Проституции; он даже пытается заимствовать свои выражения из лексикона порока, который он бичует; но, тем не менее, несмотря на эту свободу терминов и образов, его никогда нельзя обвинить в безнравственности, которой нет в его сознании. Следует также помнить, что в те времена непристойность языка не была следствием непристойной жизни, и что в самых серьезных, достойных и серьезных темах использование вольного слова или неприличной фигуры не казалось возмутительным для целомудренных ушей и честных сердец.

Чтобы в полной мере оценить, что представляла собой парижская проституция в конце XV века, нам достаточно извлечь из проповедей Оливье Майяра и Мишеля Мено то, что они говорят о дурных местах, проститутках и сутенерах обоих полов, о разврате и позорах всех видов, в которых они упрекают своих современников. Для цитирования мы предпочитаем использовать элегантный и красочный стиль Анри Этьенна, который перевел многие из этих же отрывков в своем "Введении к трактату о соответствии древних умов современным, или

Трактат, подготовленный к "Апологии Геродота". Анри Этьенн, добрый реформатор, каким он был, получал злое удовольствие, возлагая на католицизм ответственность за несоответствующие и непристойные вольности католической кафедры, не принимая во внимание, что Лютер и Кальвин, как в своих проповедях, так и в своих трудах, были не намного сдержаннее, когда описывали излишества Великой Римской Проститутки.

Начнем с мест разврата. "Проститутки есть на каждой улице Парижа", - говорит Майяр: *Hodie quis vicus non abundet meretricibus?* (Quadrages., serm. 23.) Он жалуется на городских мещан, "которые сдают свои дома шлюхам, сутенерам и мадам. Так, вместо того чтобы король С. Louys построил дом для шлюх за городом, то бордосцы были во всех уголках города". Он обратился к магистратам, призывая их исполнить приказ Святого Людовика: *Ego facio appellationem, nisi deposueritis ribaldas et meretrices a locis secretis. Habetis lupanar fere in omnibus locis civitatis.* Где приказы короля Сен-Луи?" - кричит он. Он приказал, чтобы клареты не продавались рядом с колледжами, в то время как сейчас первое, с чем сталкиваются студенты, выходя из колледжа, - это кларет! Он всегда нападал на владельцев домов, которые заботились только о том, чтобы получить хорошую арендную плату; и все же он признавал, что, если бы рибо были изгнаны из больших городов, либертинизм стал бы там более скандальным: "O maquerellæ et meretrices! Et vos, burgenses, qui locatis domos ad tenendum lupanaria, ad exercendum suas immunditias et ut lenones vadant, vultis vivere de posterioribus meretricum?"

Если бы это был только неподвижный и титулованный *кларет*! Но разврат был повсюду, и ни один дом не был свободен от него; об этом энергично говорит Менот: "Nunc ætas juvenum est ita dedita luxuriæ, quod non est nec pratum, nec vinea, nec domus, quæ non sordibus eorum inficiatur". Менот добавляет, что в городе, как и в пригородах, можно было увидеть только filles de joie: *In suburbiis et per totam villam non videtur alia mercatura.* Этот товар подходил для всех возрастов и всех социальных условий; старые и молодые, замужние женщины и дочери, слуги и любовницы занимались тем, что проповедник называет торговлей своим телом, *lucrum corporis*. "In cameris exercentur luxuriæ, in senibus, juvenibus, viduis, uxoratis, filiabus, ancillis, in tabernis et consequenter in omni statu." Таверны и трактиры были тогда, как и всегда, притонами проституции. Мишель Мено говорил молодоженам: "Вы знаете, что мы не можем всегда иметь при себе наших жен, висящих на поясе или, скорее, носящих их на рукаве, и все же наша молодежь не может обойтись без женщин. Мы приходим в таверны, пансионы, устья и другие хорошие места: там мы находим горничных, обученных ремеслу и не стоящих больших денег: интересно, неправильно ли использовать их в качестве жен? Общественные бани также использовались для встреч любовников. Майяр часто говорит о них, а в своей проповеди о *Peccati stipendio* он обращается к своей аудитории: "Дамы, - говорит он своим прихожанкам, - не ходите в бани (*stuphis*) и не занимайтесь там тем, что вам известно!" Церкви, которые проституция, как мы уже говорили, уважала не больше, чем кабаки и бани, сами становились, когда нужно, филиалами дурных мест. Если бы у столпов церквей были глаза, - вскричал Майяр, удвоив ораторское искусство, - и они могли бы видеть, что там происходит; если бы у них были уши, чтобы слышать, и они могли бы говорить, что бы они сказали? Я не знаю; священники, что вы скажете?" (Quadragesim.; serm. 11.) Действительно, во всех старых пенитенциариях мы находим особое обозначение греха похоти, совершенного в церкви, либо во время службы, либо вне церемоний богослужения, вот этот, который устанавливал несколько степеней в этом грехе, как и в его покаянии. Майяр был поражен тем, что святые, чьи мощи или гробницы находились в церквях, где совершались подобные мерзости, не восставали из своих святынь и гробниц, чтобы вырвать глаза блудницам и их рибалдам.

Майяр и другие проповедники того же периода дают нам мало подробностей о профессиональных рибальдах. Хотя они называют их мерзкими проститутками (*viles meretrices*), они, кажется, жалеют их. "О бедные грешницы! - вызывает добрый Майяр в своей проповеди 14 (Quadragesim.), - о мирские женщины, живущие с собаками (*mulieres mundanæ, sociæ canum*)! не ожесточайте свои сердца, но немедленно обратитесь!" В другом месте он снова умоляет их вернуться к Богу, подобно их развратным ученикам; он наставляет их не терять свои души в удовольствиях мира: *O peccatrices mulieres, et, vos, scolares cujuscumque conditionis, hortor vos in Domino Jesu quod propter delectationes mundi non perdati animas vestras!* В другой проповеди он призывает их, несчастных дочерей дьявола (*vos, miserabiles filiae diaboli*), к обращению; в то же время он обращается к куртизанкам, которые скрывают свою постыдную профессию и занимаются ею тайно (*vos, secretæ meretrices, quæ facilis pejora publica*). Видно, что он испытывает благотворительное сострадание этим несчастным жертвам проституции (Serm. 48.).

Что же касается агентов этой проституции, то он безжалостно обличает их в ненависти и презрении честных людей, призывая против этих бесчестных людей всю строгость законов. Вы здесь, господа законники?" - сказал он однажды. Какое наказание вы собираетесь назначить сутенерам и руфистам этого города?" В другой раз он обратился к магистратам, призывая их наказывать тех, кто подстрекает к разврату: "Я обращаюсь к вам, господа юристы, которые не наказывают таких людей!" - сказал он, обвиняя потерянных женщин, которые, поторговав собой в дурных местах, торгуют другими, которых они развращают и продают, так сказать, с аукциона. Оливье Майяр, почти поднявшийся до уровня истинного красноречия, продолжает: "Если бы в этом городе нашелся человек, укравший десять сольдов, его бы выпороли в первый раз; если бы он вернулся во второй раз, ему бы отрезали уши или изуродовали тело каким-нибудь другим способом (ибо сказано: *Esset mutilatus in corpore*); если он украдет в третий раз, его отправят на виселицу; теперь скажите мне, господа юристы, кто хуже - украсть сто эску или девушку?" (Quadrages, serm., 21.) Этот отрывок подтверждает то, что мы говорили о первом исповедании брокеров порока. "Nonne tales invenietis in illa civitate, quæ in juventute incipiunt lupanaria et semper continuant, et postmodum efficiuntur maquerellæ?" Оливье Майяр с назидательным рвением преследует всех деградировавших существ, которые занимаются проституцией и живут за ее счет; он осыпает их оскорблениями; он указывает на них, вызывая всеобщее отвращение; он ищет их глазами и указывает на них жестом, посреди своей дрожащей аудитории: "Dicatis, vos, mulieres, posuistis filias ad peccandum; vos, mulieres, per vestros tactus impudicos provocastis alios ad peccandum? et, vos, maquerellæ, quid dicitis? (Serm. 37.)". Те, к кому пламенный кордельер обращался таким образом, опускали головы, краснели и пытались избежать публичного покаяния, которому он заставлял их подвергнуться, разоблачая их.

Он взывал к ним, этим старым нечистым женщинам; он хотел, чтобы они были сожжены заживо: *Estis hic antiquæ maquerellæ: si essetis scoriatae, non essetis satis punitæ!* (Serm. 41). Он изображает их как вдохновленных дьяволом и не скрывает, что в Париже их почти столько же, сколько бедных девушек, которых они сбивают с пути: *Hoc tangit etiam diabolicas mulieres provocantes alias ad maleficiendum. Habetis in ista civitate multas mulieres quæ provocant sorores suas ad immunditiam suam.* (Serm. 39.) Но из всех этих мерзких созданий больше всего он ненавидит и предаёт адскому огню матерей, которые сами занимаются проституцией своих дочерей под предлогом получения ими приданого: "Suntne hic matres illæ maquerellæ filiarum suarum, quæ dederunt eas hominibus de Curia ad lucrandum matrimonium suum? (Serm. 1.)". Он оглядывается по сторонам, как бы желая обнаружить среди прихожан одну из этих денатурированных матерей: вся аудитория взволнована и ждет решения. У нас, - продолжает проповедник, - у нас много матерей, которые продают своих

дочерей и становятся их барынями, заставляя их зарабатывать на брак потом и трудом своих тел! (*Et faciunt eis lucrari matrimonium suum ad pœnam et sudorem sui corporis*). Эта проституция, самая отвратительная из всех, должно быть, была очень распространена в то время, поскольку проповедники не устают предавать ее анафеме. Менот осуждал ее в тех же выражениях, что и Майяр: "Матери, - говорил он, - проклиняют своих дочерей дурным примером, который они им подают, вкусом к роскоши и нарядам, который они им внушают, и чрезмерной свободой, которую они им позволяют. И что еще хуже - и я говорю это со слезами на глазах - они продают своих собственных дочерей поставщикам разврата! (*Et quod plus est, quod et flens dico, numquid non sunt quæ proprias filias venundant lenonibus?*)" Все проповедники согласны с этой ужасной эксплуатацией девушек, которых выдают замуж под взглядом и по наущению их родителей. Майяр не боится сказать матерям семейств: "Матери, которые дают своим дочерям открытые платья и другую непристойную одежду, чтобы заставить их заслужить брак!" А отцам семейств: "А вы, буржуа, разве это не проституирование ваших дочерей, что вы дарите им красивые одежды и наряжаете их как идиотов!"

Все, кто имел хоть какое-то отношение к проституции, громко жаловались на порицания, часто личные, адресованные им проповедником с кафедры. Так, Майяр, заклеив матерей-сутенеров, обратился к шептавшимся между собой дамам: "Mesdames les bourgeoises, - сказал он им, - разве вы не из тех, кто заставляет своих дочерей зарабатывать приданое потом своих тел (*ad sudorem corporis sui*)?" Глупые женщины умоляли его перестать говорить о них и нападать, например, на цирюльников и аптекарей. "Я уже говорил вам, - продолжал неукротимый Майяр, - что такая-то и такая-то дама - развратная куртизанка; есть много других, которых мы не знаем и которых я обличу перед вами таким же образом (*Dixi vobis quæ domicella quædam est maquerella, et sunt multæ secretæ de quibus etiam loquar*)." (Проповеди ужасного якобинца произвели такой эффект в мире разврата, что публичные девушки говорили своим любовникам: "Ты ходила слушать этого проповедника? Теперь я вижу, что ты станешь карфузианцем и что тебе больше не будет дела до женщин" (Quadrages., serm. 39).

Эти проповеди учат нас тому, что в то время мужчины-сутенеры были не менее опасны, чем деградировавшие женщины, занимавшиеся этим мерзким ремеслом. Проповедник постоянно осуждает ленонов и *макерелли* (сутенеров), которых богачи, члены парламента, аббаты и каноники использовали для своих незаконных любовных связей. В нескольких местах мы видим, что у проституток были сутенеры и нарядчики, которые ходили по городу в их поисках: *Et, vos, meretrices*, говорит он в своей 43^й четырехугольной проповеди, *quando lenones vestri querunt quod juvetis ac diligatis eos magis quam alios*. В других местах он называет их *прокураторами*. Он не возлагает на них всю ответственность за грех, который они совершают, потому что порицает кающегося, который оправдывает себя за совершенный проступок, приписывая его одному из этих жалких продавцов человеческой плоти: *Ille enim qui habuit unam juvenculam per medium alicujus maquerelli, non debet se excusare super eum, sicut nec illa quæ dixit quod fuit tentata; itaque tentator compulit eam facere quod voluit, sicut aliquis ribaldus vel leno*. (Serm. 37.) Он призывает этих ленников, попирающих ногами крест Иисуса Христа, покаяться и таким образом избежать вечного проклятия: *Audite, o pauperes peccatores, blasphematores, usurarii et lenones, et, vos etiam, viles meretrices, timetisne damnari?* (Serm. 1.) Мишель Мено, в проповедях которого часто появляются эти благородные посредники разврата, не приглашает их на , как будто слишком убежден в их твердости: он безжалостно бросает их на муки ада. Вот как он обращается с ними на своем макаронском жаргоне: "*Est una maquerella quæ posuit multas puellas au mestier; ad malum ibit, she will go the great gallot ad omnes diabolos. Estne totum?*" Нет, она не

получит его так дешево, *non habebit tam bonum forum, sed omnes quas incitavit ad malum servient ei* de bourrées et de coterets pour lui chauffer ses trente costes!" (Serm. quadrages., 2.)

Оливье Майяр в проповеди, произнесенной в Сен-Жан-ан-Грев в понедельник перед первым воскресеньем Адвента, дает нам любопытное представление о роли, которую играют лены в делах любовной торговли. Он рассказывает, как один из этих агентов проституции (*aliquis maquerellus*) получил от председателя суда поручение доставить красивое кольцо к одной женщине удовольствия: их было пять, которых посланник должен был увидеть одну за другой, первая была из Пикардии, вторая из Пуату, третья из Турени, четвертая из Лиона и пятая из Парижа. Он отправился к первой и постучал в ее дверь, говоря: "*Трек, тракс, тракс*". Приходит горничная и спрашивает: "Кто там? Откройте, - говорит гонец, - и скажите мадам, что я слуга такого-то и такого-то господина и что я хочу с ним поговорить". Камеристка возвращается к своей госпоже, которая не желает давать аудиенцию этому посланнику и велит ему удалиться. "Эта женщина хороша!" - восклицает проповедник. Тогда любовный маклер идет и стучится в дверь Пуатевины; служанка открывает, и его вводят к госпоже, которая отвечает: "Скажи своему господину, что я не та, о ком он думает (*Dicatis magistro vestro quod non sum talis seu de illis*)". "Эта вторая женщина тоже хороша!" - возражает проповедник, - "но не так хороша, как первая". Посланник отправляется к третьей; войдя, он показывает ей кольцо. "Я не хочу его, - отвечает она, - потому что боюсь, что его увидит мой муж". "Эта женщина нечестива!" - кричит проповедник; ведь она соглашается с намерением, хотя страх перед скандалом мешает ей дойти до сути". Еще лучше принимает сутенера четвертая, которая говорит ему: "Кольцо красивое, но у меня очень плохой муж; если бы он знал, что от меня требуется, он бы разбил мне голову; поэтому я не буду делать того, что хочет господин президент". "Эта женщина ничего не стоит, - добавляет проповедник, - потому что ее удерживает не страх Божий, а страх перед мужем". Наконец посланник прибывает в дом пятой, которая родилась в Париже и там же получила образование. Она оставляет у себя кольцо и говорит слуге: "Предупреди своего хозяина, что в среду мой муж должен отсутствовать и что в этот день я пойду навестить господина президента". "Эта женщина, - сказал Оливье Майяр, несколько раз кашлянув на сайте, - эта женщина хуже, чем остальные четыре!"

Проповедники выступали прежде всего против недержания священников и верующих, и понятно, что, не проявляя милосердия к нечистоплотности и скандалам светского и обычного духовенства, они подчинялись общему мнению. Поведение многих священнослужителей в то время, должно быть, было настолько постыдным и развратным, что закрывать на него глаза означало потворствовать ему. Оливье Майяр был категоричен в отношении того, что церковники имеют наложниц *на хлеб и масло* или преследуют женщин с дурной репутацией. Он не боялся сказать, что епископ или аббат, часто посещающий тот или иной дом, позорит живущих в нем людей. Поэтому он в любой момент говорит о *священниках-наложниках* или *блудниках*. Он порицает женщин, отдающихся монахам и священникам (*vos, mulieres, quæ datis corpus vestrum curialibus, monachis, presbyteris*. Serm. 36). Он проклинает тех, кто держит девушек и празднует мессу (*ecclesiasticis tenentibus meretrices publicas et celebrantibus*. Serm. 20); тех, кто делает подарки своим проституткам (*certe credo quod libenter enim dant meretricibus*. Serm. 57); тех, кто дарит своим кающимся цепи и платья с хвостами, которые последние зарабатывают болью своего тела (Serm. 39); тех, кто делает своих клерков гнусными агентами проституции; тех, кто на своих банкетах говорит непристойные слова; тех, кто берет на себя приданое девушек, собирающихся выйти замуж; тех, наконец, кто совершает тысячу мерзостей.

Мишель Мено не менее откровенно говорит о бесчинствах церковников: он запрещает давать Евхаристию служанкам священников, которые являются всего лишь их наложницами. Он показывает нам дочерей, соблазненных священниками, которые запирают их (*est filia seducta quæ fuit per annum reclusa cum sacerdote cum poto et cochleari*, с горшком и ложкой). Анри Этьенн сообщает: "В одном месте он также говорит, что, когда жандармы входят в деревни, они первым делом ищут шлюху священника или викария; но что касается прелатов (как можно судить по словам этого священника), то было бы неплохо предупредить их от одного конца города до другого: "Держите себя хорошо, мадам или мадемуазель! Ведь помимо тех, кого они держали в своих домах, у них были свои шаланды во всех частях города; но особое удовольствие они получали от рогатых советников. Хорошо еще, что в больших домах советником всегда должен был быть прелат, так что часто случалось, что муж брал себе в советники того, кто уже был его отцом, а он об этом ничего не знал. Проповедники более сдержанно говорят о развратных нравах некоторых женских монастырей; но их слов достаточно, чтобы мы догадались о проституции, которая иногда там скрывалась. Теодорик де Ним, - пишет Дюлор в своей "Истории Парижа", - рассказывает, что женские монастыри были своего рода сералем для использования епископами и монахами; что это привело к тому, что нескольких детей сделали монахами; что некоторые монахини делали аборт, другие убивали своих детей и т. д." (*Nemoris Unionis*). "Поэтому Оливье Майяр был прав, воскликнув: "Пусть у нас будут достаточно хорошие уши, чтобы услышать голоса детей, брошенных в выгребные ямы или реки!" (*Nemoris Unionis tractatus*, VI, ch. 34.).

Деморализация, должно быть, была велика, поскольку Майяр даже не осмелился открыто высказаться об инцесте и других *грехах разврата*, которые он обличал в свое время: *Taseo de adulteriis, stupris et incestibus et peccatis contra naturam*. Габриэль Барлетта, который был в некотором роде отголоском Майяра и Мено в Италии, менее сдержан в этом отношении, поскольку обращался к итальянцам: *O quot sodomitæ, o quot ribaldi!* кричал Барлетта, который не стеснялся быть техничным в этом ужасном вопросе: *Hoc impedimento impedit diabolus linguam sodomitæ, qui cum pueris rem turpem agit. O naturæ destructor! impeditur ille qui cum uxore non agit per rectam lineam; impeditur qui cum bestiis rem agit turpem*. Барлетта, несомненно, находит все это забавным, поскольку он обыгрывает слово *carnalitates*, из которого он делает *cardinalitates*, в намеке на кардиналов, которых он обвиняет прежде всего в подобной порочности. Майяр также пытается исправить ошибки плоти, *ad domandum carnis vitia*; но он не нападает на грехи похоти в деталях; он только упрекает рибаудов в том, что они живут как свиньи (*vos, meretrices et paillardi, qui vivitis sicut porci*. *Serm.* 57). Он стыдится своего века и иногда с отвращением отводит глаза в сторону, восклицая: "Боже мой, я не верю, что со времени воплощения Господа нашего Иисуса Христа похоть воцарилась во всем мире так сильно, как сейчас в Париже!"

Можно с уверенностью сказать, что прогресс проституции был непосредственным результатом прогресса роскоши: кокетства и тщеславия. Женщин использовали, чтобы подтолкнуть их к пороку, и вскоре началось всеобщее развратное движение, чтобы покрыть расходы на содержание и капризы моды: "Вы можете сказать, дамы, - кричал Мено, указывая на них, - вы можете сказать: "Наши мужья не дарят нам такие-то и такие-то платья, но мы зарабатываем их усилиями наших тел! За тридцать тысяч дьяволов такая боль!" История нравов доказывает нам, что с незапамятных времен существовал пропорциональный и относительный уровень между роскошью и проституцией. "Роскошь и похоть - брат и сестра", - сказал *маленький отец* Андре в одной из своих веселых проповедей.

ГЛАВА XXIX.

Краткое содержание.- Двор - "знамение нравов народа".- Малыши подражают великим.- Злоба пошлых людей.- Бланш, мать Людовика Святого, и ее рыцарь Тибо, граф Шампанский.- Песня парижских школьников о легате.- Двор Франции при преемниках Людовика IX.- Песня башни Несле.- Добродетельный двор Карла V.-Развращенность двора Карла VI.-Смазка на турнире в Сен-Дени.-Портретная комната в отеле Барбетт.-Использование масок и развратной одежды.-Балет Ардентов.-Два августинца в отеле Турнель.-Проповеди Жака Леграна.-Гнев Изабеллы Баварской и ее двора.-Наказание ее фаворитов и соучастников.- *Маленькая королева* Одетта.- Любовные похождения герцога Орлеанского.- Сир де Канни и его жена.- Двор Карла VII и его забавы.- Горничная Фроменто.- Аньес Сорель спасает короля и Францию хорошим советом.- Четверостишие Франсуа Ier.- Парижане оскорбляют наложницу короля.- Придворные маскарады.- Момон.Праздник дураков и барбатуров - Аресты против масок - Праздник Конарди - день невинных - Оригинальное использование - Эпиграмма Маро - Свобода духа - Любовные авантюры - Непристойный обычай брачной ночи - Брак Эркюля д'Эста и Рене де Франс - *Честь цитадели* - Брачный столб.

Французский суд был, по старинному выражению, "указателем народной нравственности". Это был суд, который служил образцом как зла, так и добра. Именно суд своим примером развращал или очищал общественную мораль. *Простолюдины*, как тогда называли все, что не разделяло прерогатив дворянства, всегда следили за поведением великих и считали делом чести подражать им во всем, чтобы как можно больше соответствовать своей привилегированной касте. Проституция не успевала появиться при дворе, как ее уже нагло демонстрировали в городе. Вот почему самые развратные периоды всегда были теми, в которые разнузданность и разврат двора оказывали самое печальное влияние на нравы страны.

Легко понять, насколько строго государь должен был следить за соблюдением приличий и целомудрия в своем доме, ведь он в какой-то мере сам был ответственен за скандалы, которые приводили к таким катастрофическим последствиям, поскольку горожане, казалось, были приглашены копировать пороки, свидетелями которых они становились. Часто, правда, клевета, пылкая и быстро распространяющая свой яд на все, что блестит, несправедливо нападала на несколько безупречных репутаций; но, если этого было достаточно, чтобы развлечь злобу вульгарных людей, этого было недостаточно, чтобы позволить им бросаться в излишества, которые он осуждал как позорные исключения. Так, при дворе Людовика IX, где нравы были настолько регулярными, насколько их могла сделать строгость святого короля, клевета осмеливалась посягать на доброе имя его матери, и все же не Тибо, граф Шампанский, поносил таким образом королеву Бланш Кастильскую. Было хорошо известно, что страсть *нежного* графа Шампанского не причинила никакого вреда супружеской чести короля Людовика VIII; со стороны графа это был роман трубадура: он выбрал королеву Бланш своей дамой, сочинил для нее любовные песни, которые написал на стенах своих замков в Труа и Провине и которые сам пел под аккомпанемент *рота* или хурдигурди; но это было все, и народ это хорошо знал. А вот королева Бланш, какой бы благочестивой и строгой она ни была, имела, как говорят, не столь уж невинные отношения с кардиналом Роменом, легатом во Франции. Студенты Парижского университета, жаловавшиеся на вмешательство римского двора в их ссоры с церковными властями, отомстили легату, спев ему эту леонскую поговорку, которую Матье Парис сохранил для нас в своей "Хронике":

Heu! morimur strati, vincti, mersi, spoliati!
Mentula Legati nos facit ista pati!

Предполагаемая любовная связь легата с Бланш Кастильской не имела иного морального воздействия на *народ, который* имел перед глазами, как впечатляющий контраст, *благоразумие* молодого короля, строгость его *учреждений* и добродетельную школу его окружения.

При преемниках Людовика IX французский двор сохранил традиции честности, которыми он был обязан прежде всего правлению этого благочестивого монарха. Сменившие их короли, от Филиппа Смелого до Карла V, считали делом чести, по старинному и проверенному временем выражению, не омрачать ослепительную чистоту Лилий; если они не были строги в своих нравах, то, по крайней мере, очень строги в отношении нравов своего двора. Так, как мы уже видели, Филипп Справедливый не пощадил трех своих невест, героинь Несльской башни, и их заключение в тюрьму, за которым, несомненно, последовал суд за закрытыми дверями, доказало народу, что цветочный плащ не был предназначен для прикрытия проституции. За счет собственной семьи Филипп Красивый удовлетворил моральные чувства своих подданных, которые увековечили память об ужасных распутствах Маргариты Бургундской песней, припев которой дошел до нас в устах нянек и детей. На сайте рассказывается, что школьники, проходя мимо башни Несле по дороге в Пре-о-Клерк, обычное место их прогулок и забав, негромко пели: "*La Tour, prends garde de te laisser abattre!*" Однако эта башня, бывшая местом оргий трех принцесс или только одной принцессы, которую история недостаточно точно определила как одну из трех, была снесена только в середине семнадцатого века.

Двор Карла V был не менее достойным, чем двор Людовика Святого, и можно предположить, что он оказывал благотворное влияние на общественную мораль; ведь мудрый король не только заботился о воспитании добродетелей, проистекающих из *благородства кордебалета*, но и хотел, чтобы парижские дамы часто общались с придворными дамами, чтобы они могли стать совершеннее, стремясь превзойти друг друга в доброте. Кристина де Пизан рассказывает, что *сословные дамы Парижа* приглашались в отель Сен-Поль, когда король или королева устраивали там суд; королева, красивая, добрая и любезная, принимала их вежливо: были танцы, пение и веселье, но все делалось "ради чести и почтения короля". Историограф *деяний и хороших манер* Карла V отмечает, что хорошие манеры и добродетельные поступки порождаются благородством сердца, удалением от всех дурных привычек и *мерзких поступков*, обилием милостей, похвалы, чести, любви, вежливости, благотворительности, мира и спокойствия.

Но когда король умер, облик двора внезапно изменился, как будто скромность и целомудрие последовали за Карлом V в могилу. Молодой король Карл VI и особенно его брат Людовик, герцог Орлеанский, жаждали удовольствий, и их распутные наклонности всячески поощряли четыре дяди - герцоги Анжуйский, Бурбонский, Бургундский и Беррийский, которые мирились с моральной тиранией своего добродетельного брата. Все историки сходятся во мнении, что проституция, похоже, была развязана при французском дворе после женитьбы Карла VI на Изабее Баварской. Мы уже говорили (т. IV, с. 314) об ужасающих беспорядках, которыми был отмечен знаменитый турнир в Сен-Дени в 1389 году. "Эти поединки, - по живописному выражению современника, - превратились в смачные пассы (*lubrica facta sunt*)". В последнюю ночь праздника все надевали маски, и этот маскарад способствовал странным дебошам; они начинались с непристойных поз, затем переходили к актам разврата, и, если верить летописцу, вряд ли кто не находил себе занятие по душе, "как девушки и женщины, так и мужчины". Говорят, что именно во время головокружения той ночи герцог Орлеанский смог познакомиться с под маской Изабеи Баварской, жены короля, его брата, и Маргариты Баварской, жены его кузена, Иоанна Бургундского. "Все это имеет

общую известность, - пишет Жан Жювеналь де Урсен в своей "Истории Карла VI", - так как от этих парней происходят самые ужасные дела в области любви, и они несут в себе множество бедствий".

Герцог Орлеанский был развратником, который не уставал соблазнять всех женщин, которых хотел. Он не ограничивался знатными дамами: у него похищали девушек низкого статуса, и он одерживал над ними победу добровольно или силой. Дю Хайян сообщает, что у этого принца была комната в отеле Барбетт, заставленная портретами его любовниц: портрет Изабо де Бавьер стоял рядом с портретом ее родственницы, Маргариты де Бавьер, герцогини Бургундской. Герцог Жан-сан-Пер вошел в эту комнату и увидел портрет своей жены; он поклялся отомстить и вскоре после этого убил герцога Орлеанского в двух шагах от своего отеля на улице Барбетт. Луи д'Орлеанский, у которого, тем не менее, была жена, столь достойная привязанности и уважения, прекрасная и милостивая Валентина Миланская, чья репутация не была омрачена ни единым пятном, постоянно был душой придворных *забав и выходов*, как после смерти брата, так и до нее. Ему очень хорошо помогала королева, которую он развратил и которая в свою очередь развратила многих других. Маскарады были главным развлечением при дворе, и те, кто появлялся "в масках и развратных одеждах", использовали эту маскировку, чтобы "наслаждаться своими любовными утехами". Подобный маскарад во время карнавала 1393 года закончился столь зловещим образом, что соратники короля по разврату восприняли это как предупреждение небес и на несколько дней посчитали себя обращенными.

Этот ужасный Ballet des Ardents наложил мрачный отпечаток на все правление Карла VI, который после этого события снова впал в безумие. Это был бал, устроенный в отеле Сен-Поль в честь бракосочетания одной из фрейлин королевы. У невесты было уже три мужа, и, согласно старинному обычаю, весьма распространенному во Франции, речь шла о том, чтобы подвергнуть эту вдову, выходящую замуж в четвертый раз, испытаниям шарманщика. "Это нелепый обычай, - говорит анонимный летописец Сен-Дени, - противоречащий всем законам приличия и честности". Тем не менее, обычай соблюдали, переодеваясь в нескромные одежды и маски и преследуя непристойными замечаниями (*ignominiosa verba*) супругов, которые подвергались тысяче издевательств. На этот раз актерами харивари должны были стать король и пять его придворных лордов. Они облачились с головы до ног в плотно сшитый полотняный костюм, к которому полотенца были приклеены смолой; они вошли в комнату с ужасными криками и бегали по ней с непристойными жестами; затем они станцевали сарацинский танец в такой неистовой манере, что стали похожи на демонов. Герцог Орлеанский взял факел и бросил его в дьяволов, которые все вспыхнули: их заковали в цепи и сожгли заживо, кроме короля, который сумел разорвать свою цепь и спрятался под платьем герцогини Беррийской. Летописец рисует ужасную картину гибели этих несчастных: "Огонь, говорит он, сожрал и нижние части их тел, а их девственные члены (*genitalia cum virgis virilibus frustatim cadentia*), которые разлетелись в клочья, залили кровью пол зала". (Перевод М. Беллаге: Chron. du Religieux de Saint-Denis, t. II, p. 69). Карл VI был чудесным образом спасен, и он возблагодарил Бога за это в торжественной процессии, в которой принцы прошли босиком от Porta Монмартр до Нотр-Дам.

Болезнь короля приостановила празднества, но не излишества двора. Королева и ее любовник герцог д'Орлеан защищали их, гарантируя им безнаказанность. Однако, чтобы казаться послушными общественному негодованию, с двумя монахами-августинцами, которые пришли исцелить короля, но не выполнили своего обещания, было совершено показательное правосудие: Эти монахи запятнали королевский дворец Турнеллов, где их поселили, через посредничество позорных ленонов (*per lenones infames*); они принесли

бесчестье в семье и постоянно прелюбодействовали, за что расплачивались деньгами короля. Эти лицемеры были унижены после признания в своих преступлениях и обезглавлены на площади де Грев. За них отомстил монах их ордена по имени Жак Легран (*Якобус Магнус*), который через три или четыре года пришел проповедовать перед королевой: "Я хотел бы, - сказал он, - благородная королева, не говорить ничего, что не доставило бы вам удовольствия; но ваше спасение для меня дороже вашей благосклонности, поэтому я скажу правду. Богиня Венера царствует при вашем дворе одна; пьянство и разврат (*commessacio*) служат ей свитой и превращают ночь в день, среди самых развратных танцев. Эти проклятые и адские приверженцы, постоянно осаждающие ваш двор, развращают нравы и одурманивают сердца". Затем, обратившись к роскоши одежды, которую королева прежде всего способствовала введению, он решительно осудил ее: "Повсюду, благородная королева, - горячо воскликнул он, - говорят об этих и многих других расстройствах, которые позорят ваш двор. Если вы не хотите мне верить, пройдите по городу в одежде бедной женщины, и вы услышите, что все говорят!"

Изабее де Бавьер было трудно скрыть свой гнев, но фрейлины из ее свиты подошли к проповеднику и сказали ему, что поражены его дерзостью: "А я, - ответил Жак Легран, - гораздо больше поражен тем, что вы осмелились совершить такие злодеяния и даже хуже, о которых я расскажу королеве во всех подробностях, когда она соизволит меня выслушать! Один из офицеров королевы думал, что затыкает рот этому наглецу: "Если бы мне поверили, - сказал он, - этого негодяя бросили бы в воду". "Да, несомненно, - смело ответил монах, - только такой злой король, как вы, мог бы приказать совершить подобное преступление". Король, казалось, был очень доволен суровыми наставлениями, которые пламенный проповедник адресовал Изабее; но сам он лишь однажды вмешался в скандальные галантности королевы, и было это в 1419 году, за несколько лет до ее смерти, когда он приказал судить и казнить рыцаря Луи де Бурдона, который, как говорили в народе, был любовником и фаворитом *мадам Изабей*. Королева, - повествует летописец, - созвала большое количество вооруженных людей, которых отдала под командование лордов Гравиля, Жиака и Бурдона. Эти рыцари, которым было поручено днем и ночью следить за ее безопасностью и безопасностью придворных дам, вели себя недостойно своего благородства. Насытившись благодеяниями королевы, они не побоялись поправить рыцарскую честь и с помощью своих сутенеров (*lenonum nutibus continuatis et blanditiis impudicis*) сумели соблазнить нескольких высокопоставленных дам. Это прелюбодейное ремесло, которому они предавались постоянно и без стыда, даже во время Страстной недели, вызвало негодование придворных вельмож, которые посоветовали королю сделать из них пример. Поэтому Луи де Бурдон был арестован и заключен в башню Монльери, затем привезен в Париж и тайно утоплен ночью в Сене, чтобы народ больше не говорил о его преступлении (*ne super ejus scelere vulgus amplius loqueretur*).

В первые годы правления у Карла VI были любовницы, которые соперничали с *толпой* за его расположение. Маршал де Бусико говорил по этому поводу, что "вид стольких благородных и прекрасных дам усиливал мужество и желание быть влюбленным". Но с того дня, как он впал в неистовство, врачи прекратили злоупотребление его физической силой и лишили его всех незаконных возможностей расходовать свой непомерный эротический пыл. В этих щекотливых обстоятельствах королева отказывалась от обязанностей, которые от нее требовал несчастный безумный король, сбегая из постели или презрительно отвергая ласки

мужа; он, разъяренный и возмущенный, иногда позволял себе ударить ее. Чтобы избежать этих супружеских требований, мадам Изабо решила выбрать жертву, которая без сопротивления отдалась бы на волю короля. Эту жертву звали Одетта де Шампдиверс; она была, вероятно, из хорошей семьи, и народ, жалея ее, не стыдясь принятой ею роли, прозвал ее *маленькой королевой*. Одетта спала у изножья королевской кровати, а когда услышала, что между Карлом VI и его женой начался *бунт*, проскользнула в королевскую опочивальню, пока Изабелла Баварская выходила оттуда. Король, казалось, не замечал, что рядом с ним находится не королева, а женщина, однако он перестал ее бить и иногда приходил в себя в объятиях *маленькой королевы*. Она использовала свое влияние на несчастного короля, чтобы заставить его сменить одежду и совершить необходимые для чистоты омовения.

С некоторой долей вероятности предполагалось, что безумие короля было естественным следствием излишеств, которым он предавался в юности. Однако его брат, герцог д'Орлеан, у которого было столько любовниц, сколько дней в году, если воспользоваться живописным выражением простолюдинов того времени, никогда не проявлял никаких симптомов безумия. Более того, он не гордился тем, что являет собой образец благоразумия и рассудительности; он даже *шутил*, что свидетельствовало о его богатом воображении, когда дело доходило до распутства. Соваль в своей "Любви королей Франции" пересказал приключение дамы Канни как доказательство распущенных нравов при дворе Карла VI; но мы не знаем первоисточника, из которого историк Парижской античной церкви почерпнул свой рассказ, и полагаем, что традиция сообщила подробности, если не основной факт. Герцог Орлеанский был страстно влюблен в леди де Канни; ее муж ничего не подозревал об этой интриге, о которой говорили все, не только при дворе, но и в обществе. Однажды утром герцог и его любовница, которые провели ночь вместе, услышали голос сира де Канни, просившего о встрече с принцем. Тот приказал впустить его, но перед этим спрятал лицо дамы под простыней и одеялом. Когда сир де Канни был введен, герцог предложил показать ему самое прекрасное тело, которое он когда-либо видел, при условии, что тот не будет пытаться узнать, кто лежит в постели. Луи д'Орлеан обнажил женщину и позволил бедному мужу смотреть на нее в свое удовольствие, любоваться ее самыми тайными прелестями и даже прикасаться к ней, чтобы лучше оценить ее достоинства. Канни был в восторге от увиденного; его восхищение было выражено с такой теплотой, что герцог д'Орлеанский расхохотался до слез. Мы тоже смеялись под одеялом. На следующую ночь сир де Канни, разделив постель своей жены, не уставал описывать ей увиденное, а жена смеялась над тем, какие восторги она не без гордости вызывала. На следующий день она снова смеялась вместе со своим любовником. Весь двор забавлялся этим приключением, которое оставалось тайной только для обманутого и *кокетливого* мужа.

Двор Карла VII, по крайней мере в первые годы, ничем не отличался от двора его отца; он был еще более страстным любителем удовольствий, чем Карл V; но удовольствие, как он его понимал, заключалось не столько в развратных оргиях, сколько в галантности и *диких забавах*; Это было настоящее рыцарство, хотя и более утонченное и раскованное, чем в предыдущем веке; он не подавал своим придворным пример разврата, ибо понимал любовь к дамам на манер древних рыцарей и сопровождал эту *совершенную любовь* турнирами, поединками, *приступами* и рыцарскими празднествами. Англичане были хозяевами его королевства, и король Англии царствовал в Париже, а Карл VII в своем маленьком дворе в Бурже только и делал, что ломал копыя в честь дам, читал романы, танцевал под песни и охотился с *дичью и гончими*. У него была любовница, и он никогда не имел другой, так как безумно влюбился в нее. Прекрасная Аньес Сорель поначалу была прикреплена к дому королевы Марии д'Анжу, и первые пять лет, что *демуазель де Фроментто*, как ее называли при дворе, провела с королевой, никто не знал, что она пленила сердце короля. Этот секрет

был раскрыт благодаря благосклонности, которой внезапно стала пользоваться семья Сорель или Соро, а также благодаря "пышным и чрезмерным нарядам с меховой подкладкой, золотыми ожерельями и драгоценными камнями", которые эта юная леди не боялась надевать на церемонии, где роскошь ее туалета затмевала самых знатных дам. В то время, пишет Монстреле в своей "Хронике", "было общеизвестно, что король содержал ее в наложницах". Аньес Сорель была скорее хорошенькой, чем красивой, скорее соблазнительной, чем импозантной; ее характер был игривым, а беседа - занимательной (*lepada et faceta*, говорит летописец Гаген). Поэтому страсть Карла VII к прекрасной Аньес не была недостойной короля Франции, если учесть, что только эта страсть решила *маленькому королю Буржа* вернуть свою корону и изгнать англичан из Франции. Однажды, когда Карл советовался с астрологом о судьбе Аньес, тот ответил, что эта прекрасная девушка должна быть долго любима великим и могущественным монархом. Аньес немедленно встала и поприветствовала короля: "Сир, - серьезно сказала она, - прошу вас позволить мне отправиться ко двору короля Генриха, ибо я должна исполнить свое предназначение. Предсказание велит мне служить именно английскому королю, поэтому он уже настоящий король Франции, а вы - всего лишь король Буржа". Карл VII был поражен точностью упрека, обращенного к нему столь прекрасными устами; ему было стыдно за свое унижение, и, чтобы угодить Агнессе, чтобы быть уважаемым ею, он не успокоился, пока Франция не освободилась от гнета англичан, и он не был коронован в Реймсе.

Услуги, которые Агнесса оказала королевской семье Лилий и Франции, заслуживали того, чтобы стереть незаконность ее связи с Карлом VII. Франциск Ier хотел реабилитировать память об Агнессе этим четверостишием, которое является историческим документом, подтверждающим традицию:

Добрая Агнесса, ты заслуживаешь большей чести,
La cause estant la France recouvrer,
чем то, что можно сделать в монастыре.
Близкая невестка или преданный отшельник.

Но мнение современников было не столь благосклонно к прекрасной Аньес, которая, что бы она ни делала, не могла подняться над унижением проститутки в отношении общественной морали. Когда она осмеливалась появиться на публике, толпы людей устремлялись ей навстречу, но она не избегала презрительных взглядов, насмешек и угрожающих оскорблений. Она приезжала в Париж лишь однажды, в конце апреля 1448 года, и уехала через несколько дней, сказав о парижанах, что "они просто негодяи, и если бы она думала, что они окажут ей не больше чести, чем она им, она бы никогда не вошла и не вышла". Ле Буржуа де Пари, который записал прибытие Аньес в Париж в своем дневнике, сообщает, что "говорили, что она публично любима королем Франции, без веры и преданности, и без правды по отношению к доброй королеве, на которой он женился; И, похоже, она также вела *grant estat*, как графиня или герцогиня, и очень часто уезжала и приезжала с доброй королевой, не стыдясь своего греха, о чем королева сильно скорбела в своем сердце." Карл VII достаточно уважал общественное мнение, чтобы не признать прелюбодейную связь, существовавшую между ним и Аньес в течение восемнадцати или девятнадцати лет; от нее у него было четыре дочери, три из которых жили и носили титул *Франции*, как законные дети короля; При рождении первой из этих четырех дочерей, которая умерла через несколько дней, "Аньес, - говорит Монстреле, - объявила, что она принадлежит королю, и отдала ее ему, как будто она была самой явной; но король всегда извинялся за это и никогда ничего не требовал. Вполне возможно, что она позаимствовала ее в другом месте". Карл VII, однако, признал трех других своих внебрачных дочерей, которые были должным образом удочерены

и выданы замуж во время правления Людовика XI. Однако следует полагать, что при жизни отца они не появлялись при дворе, а об их рождении даже практически ничего не было известно, поскольку такие историки, как Жан Шартье и Энгерран де Монстреле, осмелились утверждать, что не было ничего более невинного, чем роман Аньес Сорель с королем: "Любовь, которую король выказывал ей, - говорит Монстреле, - была лишь за те глупости, забавы, веселье и отточенный язык, которые были в ней". Хотя Карл VII воздерживался от любовницы в своем официальном качестве, эта скромность с его стороны доказывает, что он чувствовал необходимость для короля подавать пример хорошей морали, и что он не хотел, чтобы его двор был назван притоном проституции. Из этого можно сделать вывод, что двор исправился, особенно в последние годы жизни короля, который с возрастом стал грустным, угрюмым и одиноким.

Жители Парижа до сих пор с ужасом вспоминали балет Ардентов и непристойные маскарады, которые устраивались в гостиницах короля, королевы и принцев; несомненно, у них сложилось совершенно преувеличенное представление об этих придворных развлечениях, поскольку в несчастьях, обрушившихся на царствование Карла VI, они видели наказание за нечестивость и бесчестье, которые этот несчастный король разрешил своим примером. Однако вполне вероятно, что маскарады того времени были не просто переодеваниями, придуманными для развлечения глаз; в этих переодеваниях всегда было что-то непристойное: Иногда некоторые части тела, которые скромность должна была бы скрывать, были видны, если не открыты; иногда сама маска показывала чудовищные атрибуты мужского пола вместо черт человеческой физиономии; иногда *marotte* или *toton*, который был неотделим от маски, представлял приапическую фигуру; иногда *oripeaux*, которые носил носитель *toton*, были покрыты различными непристойными изображениями и девизами. Более того, для мужчин, которые их носили, эти *скрытые* и *развратные* одежды были средством удовлетворить свои страсти, не будучи признанными; поэтому женщины подвергались изнасилованиям или оскорблениям. Интеллектуальные любовники также использовали эти маски и переодевания, чтобы общаться друг с другом и предаваться высшей степени приватности на глазах у отца или матери, мужа или жены, на глазах у всего двора.

Однако не двор придумал эти маскарады: он всего лишь подражал празднику дураков, который в Средние века отмечался в большинстве церквей и монастырей христианства и был прямым потомком языческих сатурналий. Этот праздник дураков не исчез и в XV веке, несмотря на усилия епископата, который тщетно пытался уничтожить его с момента установления христианской религии в Галлии. Грегуар де Тур в своей "Истории франков" (т. X, гл. 16) упоминает о епископском постановлении, вынесенном против монахинь Пуатье, которые праздновали *барбатуар*. Так называли праздник дураков из-за отвратительных и фантастических бородатых масок, которыми участники закрывали свои лица. "1 января, в день Обрезания, в Парижский собор вторглась толпа людей в масках, которые осквернили его нескромными танцами, запрещенными играми, позорными песнями, святотатственными выходками и тысячей всевозможных эксцессов вплоть до пролития крови. Священники и клирики были зачинщиками и соучастниками этих скандальных маскарадов, которые распространялись по улицам и приводили весь город в беспорядок". (См. в книге "Средние века и Возрождение" главу "*Праздник Фуса*" П. Лакруа). Епископ Эудес де Сюлли пригрозил отлучить от церкви любого, священника или мирянина, кто примет участие в этих позорных оргиях, которые повторялись каждый год под названием "*Свобода декабря*"; праздник дураков лишь с большей яростью и пышностью отмечался в его церкви. Наконец, гражданским властям пришлось прийти на помощь церковным, чтобы остановить или, скорее, ограничить эти эксцессы, которые не ограничивались избранием папы или епископа

Дураков теми, кто называл себя его *приспешниками* и подчинялся его радостным предписаниям в течение всего безумного срока его правления. Однако этот праздник дураков, столь разнообразный по своим названиям, обычаям и бурлескной литургии, был окончательно отменен во Франции лишь в середине XVII века.

Народ получал особое удовольствие от гротескных *зрелищ*, которые были обязательной принадлежностью всех этих карнавальных праздников; люди всегда любили необычное, и они бросали все дела и работу, чтобы увидеть, как по улице проезжает кавалькада странно одетых и замаскированных людей. Если бы полиция не вмешалась в защиту общественного порядка, маски и ваши маскировочные костюмы множились бы вместе с преступлениями и беспорядками, которые они слишком часто поощряли. Для их защиты короли и парламенты издавали многочисленные эдикты. Мы можем получить представление о непристойностях, которые совершались под предлогом маскарадов, прочитав этот отрывок из книги Сове: "Теперь, в конце года (декабрь 1502 г.), маски больше не бегают по улицам, переодетые в *foux*, держа в руках палки, набитые соломой или фаршем и сделанные как *priappes*, которыми они разбивают все на своем пути". (*Antiq. de Paris*, liv. XII, p. 651).

Один из самых развратных вариантов Праздника фуа был установлен в Нормандии в XIV веке, особенно в Эврё и Руане: *жители Конарди*, единоверцы Сен-Барнабе, избрали вождя по имени *аббат де Конард*, который посещал свои штаты, сидя на осле, в зеленом маке с кистями, с марочкой, похожей на скипетр, и в окружении своих *конардов*. Этот аббат де Конардс призывал к своему суду всех, кто имел серьезные основания, выносил решения по делам *конардов* и черпал свои аргументы из знаменитой "Эвангиле конардов", старого и наивного репертуара грязных двусмысленностей и вольных афоризмов. Непристойный аббат сохранял свою вульгарную юрисдикцию в городе Руане до конца XVI века, когда он снова *выставил напоказ* своих подданных, которых называли *конардами* и , а не *корнарами*, как мы пытались переименовать их ради этимологического приличия, и которые не обижались на то, что честные люди, боявшиеся опорочить свой рот нецензурным словом, называли их *невиновными*. *Conard* (*conardus*) был синонимом *sot* или *fou* (*stultus et fatuus*); но этот уродливый синоним, несущий на себе клеймо народного происхождения, естественно объясняется пословицей, которую автор *Moüen de parvenir* не забыл собрать из старого арсенала галльского веселья: так говорили тогда и, возможно, говорят до сих пор на нецензурном языке залов: *sot comme un c.....*

Этот экстравагантный праздник Невинных или Конардов, несомненно, породил весьма дерзкий обычай, который преобладал во Франции, как среди высшей знати, так и среди низших сословий, в течение пятнадцатого и шестнадцатого веков. Об этом обычае упоминают только поэты и сказители, но, судя по тому, как безудержно они о нем говорят, следует полагать, что никто не находил в нем недостатков и не жаловался на него. Вот как объясняет этот обычай Ленгле-Дюфренуа в своих "Заметках о произведениях Клемана Маро" (изд. в-12, т. III, с. 97): "Молодые люди, которых удавалось застать в постели в день Невинных (28 декабря), получали несколько пощечин сзади, а иногда и больше, если предмет был стоящим. Сегодня это уже не практикуется: мы гораздо мудрее и сдержаннее наших отцов". Ленгле-Дюфренуа написал это в 1730 или 1731 году, а за пятьдесят лет до этого слово, если не дело, все еще было в моде; в "Словаре французского языка" Ришеле мы читаем: "*Donner les innocents à quelqu'un (Aliquem virgis excipere)*, то есть дать ему по ягодицам, в день Невинных, и это только для смеха". Клеман Маро в эпиграмме, заслужившей довольно легкомысленное замечание его редактора, дает нам понять, что День невинных часто был не более чем невинным предлогом для достижения результата, который таковым не являлся.

Моя дорогая сестра, если бы я знал, где ты лежишь.
Твой человек спит в День невинных,
Рано утром я бы подошел к твоей постели.
Чтобы увидеть это нежное тело, которое я люблю из пятисот.
Поэтому моя рука, учитывая пыл, который я испытываю,
не может быть просто удовлетворена,
Не касаясь, не держа, не пробуя, не искушая тебя,
И если кто-то придет раньше,
чтобы очистить тебя:
Разве это не будет хорошим прикрытием?

Дорогая сестра, к которой Клеман Маро обращался с такой фамильярностью, была, если верить комментаторам и традиции, не кто иная, как Маргарита де Маргарит, сестра Франсуа Ier, прекрасная и соблазнительная королева Наваррская. Из этого можно сделать вывод, что игра в Невинных, в которую играли при дворе, преодолевала расстояния и не принимала во внимание этикет. Эта игра сохраняла видимость и скрывала многие тайны под *честным покровом*, если воспользоваться выражением Маротика. Брантом в своих *"Галантных дамах"* приводит в этой связи пример одной великой дамы, которая в течение сорока лет считалась "лучшей дамой страны и двора" и которая, "будучи вдовой, влюбилась в молодого джентльмена и, не будучи в состоянии поймать его, в день Невинных пришла в его комнату, чтобы отдать их ему; но джентльмен отдал их ей с большим апломбом, который использовал не прутья, а что-то другое".

Легко понять, до какого морального разложения дошел французский двор, приняв подобные обычаи, зародившиеся в низших слоях народа; но вскоре мы увидим, что этот разврат еще более усилился в правление Валуа, когда итальянские нравы проникли ко двору до Екатерины де Медичи. Более того, игра в "Невинных" была не самой скабрёзной из тех, в которые играли с фрейлинами королевы. С раннего возраста эти фрейлины проходили школу опасной галантности, которая естественным образом приводила их к проституции. Их не обходили стороной ни непристойные зрелища, ни непристойные слова. Воображению молодых постоянно предлагалось множество самых грубых и непристойных *развлечений* в мире; все, что валлийская или галльская свобода создала в виде легкомысленных *встреч*, распутной двусмысленности, бесстыдной игры слов и смехотворных историй, передавалось из уст в уста в придворных беседах. Мы не осмелимся, например, извлечь из Advineaux атоигеux смелые загадки, которые дамы бургундского двора должны были отгадать. Чтобы понять, насколько деморализованным мог быть французский двор в XV веке, нужно прочитать "Новые века" доброго короля Людовика XI; но один обычай, возможно, более дерзкий, чем игра невинных, обычай, принятый и разрешенный повсеместно, как среди королей, так и среди нищих, даст вам лучшее представление о том, насколько расшаталась общественная мораль. Любой брак, даже принца, становился поводом для скандальной комедии, которая вряд ли была бы простительна в стране дикарей или в Суде Чудес.

Как только жених и невеста входили в брачную палату, все, кто присутствовал на их свадьбе, молодые и старые, безумные и мудрые, отправлялись посмотреть и послушать, что между ними произойдет. Это не были, как в древности, дети, размахивающие грецкими орехами и поющие: "Гименей! Гименей! Это был всеобщий заговор с целью выдать тайны супружеского ложа. Одни прилипали к щелям в двери, другие цеплялись за окна; одни подрывали стену, чтобы проделать отверстие, другие пробивали потолок. Намерение было не только захватить тайны супружеского ложа, но и зачастую лишить их смелости быть самими собой. Все, что могло попасться на глаза и уши этих аргусов, становилось пищей для любопытства и

озорства *свадебной компании*. Понятно, что этот нескромный обычай должен был закрепиться в деревне среди менее деликатных крестьян, но удивительно, что при дворе он был распространен больше, чем где-либо еще. Это была своего рода дань, которую жених и невеста платили распутству своих друзей. Каждый крик, каждая жалоба невесты вызывали залп bravостей со стороны присутствующих в честь мужа.

Клеман Маро, присутствовавший на свадьбе мадам Рене де Франс, дочери короля Людовика XII, с герцогом Феррары Эрколе д'Эстом в июле 1528 года, упоминает об этом прекрасном обычае, от которого принцесса, без сомнения, не была освобождена. В своей "Брачной песне" он рассказывает, что дамы были не менее любопытны, чем мужчины, в отношении эпизодов брачной ночи.

Кто ужинает, оставьте эти жирные столы:
Ешьте понемногу, чтобы танцевать хорошо.
Sus, ausmosniers, dictes vistement Graces;
Муж говорит, что должен жить дальше.
День действует ему на нервы.
Танцуй, танцуй! И пойдем отсюда,
Если вы мне верите, послушайте у двери
, не устроит ли он штурм ми-нуитета.
Любой аппетит в таких местах улетучивается:
Опасна счастливая ночь.

Вероятно, это было так же опасно для дам и барышень, которые приходили туда за особыми указаниями, как и для невесты, роль которой усложнялась тем, что каждое ее слово повторялось злобным эхом. Поэтому не стоит удивляться множеству толстых историй, приятных эпиграмм и бон-шотов, которыми эта *счастливая ночь* снабдила наших отцов. Все эти истории, наивные или грубые, были взяты на месте; их собирали с особой тщательностью и использовали в качестве части обычного разговора на следующий день после свадьбы. Брантом не забыл эту главу в своих "Галантных дамах", где он говорит, что в вечер свадьбы "chascun estoit aux escoutes, à l'accoustumée".

Этого дня или ночи, когда все происходило, так сказать, при свидетелях, как и брачный контракт, было достаточно, чтобы напугать молодоженов. Главное - не ошибиться, как говорила одна умная женщина, испытавшая на себе все опасности и сложности ситуации. Мужу часто приходилось несладко, ведь он должен был доказать девственность своей жены. Ей могло быть очень неловко казаться тем, кем она не была: иногда приходилось приходить на с весьма болезненными признаниями; но, как говорит Брантом, "есть сотня других средств, которые лучше, так как врачи, мусорщики и знатоки-апотекари хорошо знают, как заказать, изобрести и применить". Вот одно из таких средств, которое Брантом получил от эмпирика: "Необходимо, говорит он, иметь пиявок и поставить их на природе, а также вытягивать и высасывать кровь, которую пиявки, высасывая, оставляют и образуют маленькие волдыри и свищи, полные крови, так что галантная Мэри, которая хочет напасть на них в вечер родов, лопают эти волдыри, из которых выходит кровь, и он и она истекают кровью, что доставляет им обоим великую радость, и этим *спасается честь города*." Брантом в главе о рогоносцах вдаётся в еще более технические подробности, которые не лишние в его *Dames galantes* и которые могли бы быть здесь, даже если бы они относились в основном к истории проституции.

Кроме того, мы уже достаточно сказали на эту щекотливую тему, чтобы составить представление о состоянии нравов в обществе, где институт, являющийся его самым святым

и прочным фундаментом, не соблюдался даже тогда, когда священник только что благословил брачное ложе. Остается только удивляться, что невинность девушек, посвященных в тайны еще до наступления половой зрелости, оставалось познать в браке, когда они оказывались связанными по рукам и ногам этим непристойным наказанием, от которого иногда страдали их мужья и дети. Скандал был еще смелее и шумнее, когда вдова снова выходила замуж; но там, по крайней мере, среди всей этой карнавальной *грязи*, не знающей границ и ограничений, не чистота молодой жены становилась жертвой морального растления от взглядов и языка распутников.

ГЛАВА XXX.

Краткое содержание -Сочинения короля Людовика XI -Личная жизнь женщин в Квинциевом веке -Маргерита д'Экосс и Жаме де Тилле -*Комплекты* Людовика XI -Гаражи *хороших женщин* -*Скандальная хроника* -Мула кардинала ла Балю -Слуга Оливье Ледена -Герцог Орлеанский и мадам де Божо -Карл VIII в Италии.-Непостоянство.-Суд над Людовиком XII и его женой Жанной Французской.-Цитаты из допроса сторон.-Анна де Бретань и *дамский двор*.-Людовик XII в Италии.-*Л'интендио* де Томассин Спинола.-Ле Миланез.-Ле Доктрина дамы, Жан Маро.-Сравнение между женщинами Ломбардии и женщинами Парижа.

Дофин Людовик, старший сын Карла VII, в молодости был таким же распутником, как и его дед Карл VI; у него было много любовниц, подаривших ему несколько бастардов, которых он без труда признал, одарил и выдал замуж, когда взошел на трон; по преданию, он также подкинул несколько детей в буржуазные семьи, где у него были *сплетники*, которых он продолжал часто посещать, когда стал королем; Его фавориты и слуги не утруждали себя более регулярным поведением рядом с ним, а его маленький двор в Дофине, как и в Женеве в Брабанте, где он укрывался от гнева отца, отличался от дворов Франции и Бургундии того времени распушенностью нравов и особенно развращенностью большинства его членов. Достаточно пролистать сборник "Сто новых историй доброго короля Людовика XI", чтобы осознать дух разврата, одушевлявший веселье этого двора, где каждый гордился своей галантной доблестью и вел, так сказать, летопись, разглашая ее под прозрачной завесой вымышленных имен. Дофин своим примером поощрял разнузданность рассказчиков, Антуана де ла Саля, сира де Дампмартина, Жана де ла Роша и других офицеров своего двора, которые во время вечерних бдений, сидя под мантией огромного камина, казалось, соревновались в смелости в своих дрянных историях.

Женщины, правда, не посещали эти вечера; они жили очень уединенно, в тайнстве домашней жизни; у них не было никаких отношений с мужчинами, кроме церемоний, когда они появлялись на публике. Они проводили время, занимаясь ручным трудом по дому, поэтому возможностей для дурных поступков у них было меньше, чем желаний: все они были подготовлены к любви чтением рыцарских романов, но их добродетель оберегалась этикетом, который не позволял им до них добираться. Так, Маргарита Шотландская, первая жена Людовика XI, была серьезно скомпрометирована только потому, что оказалась без света в своей квартире вместе с женами и двумя-тремя кавалерами. Один из них, по имени Жаме де Тилле, хвастался, что добился от дофины некой благосклонности, несомненно, ограничившейся *ласковым словом* или рукопожатием. Клевета усугубила неосторожность Жаме де Тилле, и два или три свидетеля приписали ему несколько весьма обидных слов в адрес принцессы, которая, приняв его, держалась от него на расстоянии из-за его неосмотрительности. По словам этих свидетелей, Жаме сказал, указывая на дофину, которая "никогда не опоясывалась слишком туго, никогда не была слишком распутной" и проводила

ночи за чтением или игрой в хороводы: "Разве вы не видели эту даму? Она больше похожа на развратную девку, чем на великую госпожу! Но сир де Тилле, оправдываясь за то, что плохо отзывался о Дофине, оставил за ней подозрение, более серьезное, чем те горькие слова, которые он отрицал; В ходе расследования, которое проводилось по этому поводу после смерти Маргариты Шотландской, он рассказал, что эта принцесса однажды вечером обнаружила себя "лежащей на кровати", вокруг которой находилось несколько ее жен, еще до того, как зажгли факелы; мессир Регно, дворецкий дофины, и еще один джентльмен опирались *на кровать* Маргариты: Они тихо переговаривались в комнате, и в промежутках наступала тишина. Вошедший в один из таких моментов Жаме де Тилле сказал мессире Регно, "что для него и для других служителей этой дамы было очень неприятно, что факелы все еще не зажжены". Факелы были быстро зажжены, но дофина была так огорчена злодеянием Жаме де Тилле, что впала в глубокую меланхолию и умерла от чахотки. Одна из ее фрейлин, Жанна де Трассе, встретившись с мессиром де Тилле лицом к лицу, когда бедная принцесса была готова испустить последний вздох, не удержалась от угрозы и сказала: "Ах, лживый и злобный Рибальд, она умирает из-за тебя! При дворе ходили слухи, что сир де Тилле был любовником Маргариты и что ревность к сопернику побудила его произнести резкие слова, которые смертельно ранили дофину.

История подтвердила честь этой принцессы, которая, несомненно, была романтической, но очень мало склонной к галантности. Именно она, проходя через фруктовый сад, где уснул поэт Ален Шартье, подошла к нему и поцеловала в губы. Я не целовала мужчину, - сказала она своей свите на сайте, которая была тем более удивлена, что Ален был самым некрасивым мужчиной во Франции, - я целовала только рот, из которого выходило столько прекрасного". Маргарита была необыкновенной красавицей, но муж упрекал ее в том, что у нее дурной запах изо рта; поэтому, как говорит Комин, он женился на ней "к своему неудовольствию, и пока она жила, о ней сожалели". Когда в 1444 году он потерял ее, то сначала не думал брать другую жену, хотя первая не родила ему детей. Только в 1451 году он снова женился на Шарлотте Савойской. В день свадьбы принцессе было всего шесть лет, и брак не мог быть заключен, пока Шарлотта не достигла половой зрелости: ей едва исполнилось двенадцать, когда она легла в постель своего мужа. Тем временем он не замедлил в своих любовных похождениях: он влюбился в двух знатных девушек, Фелису Ренар и Маргариту де Сассенаж, и имел от них трех или четырех детей; но он предпочитал простых мещанских женщин, дочерей и жен купцов, а не девушек высокого происхождения. Вот почему он выбрал Югетту Жаклен в Дижоне, Ла Гигонну в Лионе и Ла Пассефилон в Париже; он содержал их всех одновременно, брал с собой в путешествия и укладывал в постель после счастливых ужинов с толстыми историями в качестве приправы. Он не стеснялся появляться на публике с Гигонном и Пассефилоном, которые были хорошо известны в народе: их называли *королевскими сплетниками*, но их *честность* (именно это слово использовал летописец Жан де Труа) сделала их популярными среди всех, несмотря на менее чем почетную работу, которую они вместе выполняли в спальне короля. Мещане даже не возмущались тем, что дофин Людовик предпочел маленьких мещанок великим дамам, а две его *сплетницы*, Гигонна и Пассефилон, которые не гордились своей проституцией так, как Аньес Сорель, не жаловались, как Аньес Сорель, на плохой прием парижских жителей. Мы полагаем, что имена *Gigonne* и *Passefilon* были прозвищами, данными им в насмешку, но ничто не указывает нам на этимологию этих прозвищ. Обе они вышли замуж под покровительством своего королевского покровителя и создали честные семьи. Долгое время после их правления в качестве куртизанок все еще танцевали джигу под названием "*Жигонна*", а женщины носили волосы *в стиле пассафилон*, но происхождение этой прически и танца уже было забыто.

Несмотря на роль, которую эти две женщины играли одновременно с королем и которая, похоже, продолжалась до их брака в 1476 году, историк Людовика XI Филипп де Комин свидетельствует, что этот принц, потеряв в 1459 году сына по имени Иоахим, "дал обет Богу, в моем присутствии, - говорит он, - никогда не прикасаться ни к какой другой женщине, кроме королевы, своей жены". Мы знаем, что Людовик XI не слишком заботился о соблюдении клятвы, однако Коминс, похоже, считает, что он упорно придерживался этой безрассудной клятвы, "хотя королева, - добавляет он, - была не из тех, кто получает большое удовольствие, но, между прочим, очень хорошей дамой". Действительно, Шарлотта Савойская, которая с шести лет находилась во власти мужа, почти всегда жила отдельно, в замке Амбуаз, "в очень бедном состоянии, - говорит Брантом, - и была очень бедно одета, как простая девица, и там она оставалась с небольшим двором, чтобы совершать свои молитвы, а он (король) отправлялся на прогулку и хорошо проводил время". Неудивительно, что эта принцесса, которую Людовик XI не любил, вела целомудренную и добродетельную жизнь в уединении и заброшенности; маленький двор, окружавший ее, был не менее мудрым, чем она сама. Но Людовик XI, часто менявший место жительства и имевший в своем распоряжении столько женщин, как говорит Коминс (Liv. VI, chap. 13), не соблюдал обет супружеской верности, пока не стал старым, немощным и болезненным.

Таким образом, можно сказать, что французский двор в это царствование не являл собой пример порядочности и сдержанности в нравах. Метафизическая и романтическая любовь, которая была кодексом рыцарства, уступила место материальной и позитивной любви, которая часто приводила к разврату и к скандалам. Речь шла о мужьях-изменниках, вдовах-интриганках, распутных женах и соблазненных дочерях. Повесть Боккаччо обрела во французском обществе некое подобие души и тела. После стольких общественных бедствий, после войны, моровой язвы, голода и несчастий, единственное, о чем думали все, - это наверстать упущенное и развлечься. Проституция достигла многих успехов, поскольку людям было трудно жить за счет продуктов честного труда; так, этот отрывок из "Журнала парижского буржуа" (1435 год), каким бы туманным он ни был, не оставляет сомнений в том, что наемные женщины страдали и испытывали неудобства: "В те времена, когда все учились гайгерить, гайги были столь велики, что добрые женщины, научившиеся гайгерить пять или шесть белых в день, охотно отдавали себя за два белых и жили на них." Возможно, эти хорошие женщины не были проститутками, как предполагалось ранее, но в любом случае несчастная женщина, зарабатывавшая на жизнь всего два белых, была очень близка к тому, чтобы отдать свое тело в обмен на несколько пенни. Правление Людовика XI, судя по различным фактам, зафиксированным в "Скандальной хронике" Жана де Труа, было даже более благоприятным для проституции как таковой, чем предыдущие царствования.

Безусловно, общественная мораль не пользовалась большим уважением в то время, когда во время торжеств по случаю въезда короля в Париж (1461) "три очень красивые девушки были выставлены перед прохожими в образе обнаженных серан, и их прекрасные тины были видны прямыми, отдельными, круглыми и твердыми, что было очень приятным зрелищем"; "В те времена, когда жаргонные птицы, сороки, сойки и совы, могли повторять только непристойные слова, такие как *paillard*, *fils de putain* и "plusieurs autres beaux mots", - рассказывал Жан де Труа в 1468 году; в то время, когда у толстого норманна, содержавшего собственную дочь, было несколько собственных детей, которых он убивал вместе с этой дочерью, как только они рождались (1466); в то время, когда монах, "имевший обоих полов, мужского и женского, от каждого из них так наелся, что растолстел от ребенка" и родил (1478); в то время, когда камердинер короля, Регно ла Пи, публично развлекался со старой женой мэтра Николя Батая, самого ученого правоведа Франции, который умер от горя и гнева в 1482 году, увидев, что все его состояние было посвящено *вылизыванию* этого *кариона* и его

особых рибалов. (Указанные даты см. в скандальной хронике, написанной клерком Парижской ратуши).

Людовик XI только смеялся над этими приключениями; он смеялся еще сильнее, когда узнал, что его министр, кардинал Ла Балю, имевший прелюбодейную связь с женой парижского нотариуса Жанной Дюбуа, "известной своими любовными похождениями", по словам Совалья, попал в засаду, устроенную для него его соперником, лордом Вилье-ле-Бокаж, когда он возвращался с одного из своих галантных визитов. Когда прелат, верхом на муле и в сопровождении факельщиков, проезжал по улице Барре-дю-Бек, на него неожиданно напал отряд вооруженных людей, и он вполне мог бы остаться на мостовой, если бы мул не взял над ним верх и не отнес его в монастырь Нотр-Дам, где он жил. Это дело не имело печальных последствий для виновников ночной засады, потому что прелат, опасавшийся, что его и его любовницу скомпрометируют в ходе судебного процесса, поспешил прекратить судебное расследование. Судебное разбирательство другого, более скандального рода, состоявшееся в 1477 году, едва не скомпрометировало фаворита короля, его цирюльника и камердинера Оливье ле Дейна. Этот человек не был замешан, но его *слуге* и другу, Даниэлю де Бару, пришлось защищаться от обвинения, которое, если бы его признали виновным, несомненно, позорно отразилось бы на Оливье ле Дейне. Две женщины с дурной репутацией, одна из которых была замужем за человеком по имени Колен Панье, а другая жила в гражданском браке с человеком по имени Жанвье, обвинили Даниэля де Бара в том, что он "соблазнил их и совершил с ними святотатственный грех содомии". В результате Даниэль де Бар был арестован и предстал перед уголовным судом по приговору прокурора Парижа; но после расследования было признано, что Даниэль невиновен приписываемых ему деяниях, а две распутные женщины, которые его оговорили, признались, что ложно и злонамеренно обвинили слугу Оливье ле Дена. В результате они были приговорены прокурором Парижа к "избиению догола и изгнанию из королевства" с конфискацией их имущества в пользу короля, что и было исполнено "на перекрестке Парижа" в среду 11 марта 1477 года. Благодаря этому постановлению Оливье ле Дэйн и его слуга избежали позорных подозрений, которые могли бы привести к сожжению на костре; ведь в те времена грех против природы, когда он предстал перед судом, карался не менее сурово, чем скотоложство.

Этот отвратительный грех был очень редким во Франции до итальянских экспедиций, которые привлекли к нему внимание армий Карла VIII и Людовика XII. Однако двор этих двух королей был более или менее защищен от него хорошим примером обоих, которые не ценили любовь в итальянском стиле, по выражению Брантома. Карл VIII и Людовик XII были в высшей степени увлечены женщинами. Герцог Орлеанский, ставший мудрым королем Людовиком XII, в молодости был настолько развратен, что не обращал внимания ни на возраст, ни на фигуру, ни на состояние, чтобы *заняться любовью* с первой встречной женщиной; поэтому к нему была применена пословица, бытовавшая во времена его деда, Людовика Орлеанского, брата Карла VI: "Каждая женщина должна стремиться к тому, чтобы ее привели в Орлеан". Тем не менее, этот принц, столь свободных нравов, всегда отказывался быть снисходительным или даже вежливым с регентшей Франции, мадам де Божо, которая влюбилась в него, и которая не скрывала от него сильного чувства, на которое он всегда избегал отвечать: "Если бы этот принц, - говорит Брантом, - захотел немного склониться к любви мадам Анны Французской, он бы получил хорошую долю в правительстве". Но далеко не так, он был постоянно холоден и пренебрежителен по отношению к этой принцессе, которая ему очень не нравилась. Во время игры в партию, которую он вел в присутствии короля Карла VIII и его сестры, которая была замужем за сиром де Божо, последний громко осудил сомнительный ход и принял решение против герцога

д'Орлеана. Последний сделал вид, что не слышал, что она ошиблась, и заявил в этой связи, "что кто бы его ни осудил, если это был мужчина, то он солгал, а если женщина, то она шлюха". Это оскорбление, адресованное регентше, превратило ее любовь в ненависть, и герцог д'Орлеан вскоре был вынужден покинуть двор и открыто восстать против своего непримиримого врага, который взял его в плен и запер в большой башне замка Лош.

Король Карл VIII, который умер молодым и внезапно, по словам Брантома, "за то, что любил женщин больше, чем позволял его маленький цвет лица", был пылкой и страстной натурой. Тем не менее, женившись на прекрасной и добродетельной Анне Бретанской, которая считалась *самой женщиной* своего времени, он лишь втайне предавался галантности, а французский двор, который пример молодой королевы вернул на путь добрых нравов, стал школой мудрости и строгой добродетели. Однако вокруг королевы Анны было больше дам и фрейлин, чем когда-либо было при дворе при предыдущих правлениях; именно она "начала, - говорит Брантом, - создавать большой двор дам, ибо у нее их было очень много, как фрейлин, так и дочерей, и она никогда не отказывала ни одной из них..... Она кормила и поила их с умом, и все они, следуя ее примеру, становились мудрыми и добродетельными". Тем не менее, среди этих дочерей Карл VIII нашел любовницу, которая имела на него достаточное влияние, чтобы помешать ему совершить вторую экспедицию в Италию. В своей первой экспедиции, которая была столь успешной, король Франции не имел недостатка в возможностях быть неверным своей любовнице и жене одновременно; все города, через которые он проходил со своей победоносной армией, предлагали ему амурные развлечения, которые не оставляли ему ничего, кроме смущения от выбора и сожаления о своей неполноценности; Когда он въехал в Милан, "прекрасные и великие дамы страны и города, - сообщает Брантом, который переводит здесь хронику Гагина, - появились на улицах и на главных площадях, и так хорошо украсили голову и тело, что не было ничего столь прекрасного, что могли бы увидеть наши новые францисканцы, которые никогда не видели своих из Франции столь любезными и в столь красивом убранстве." Эти слишком соблазнительные сирены подходили к королю по своему желанию, под предлогом подарить ему своих детей, и королю было тем более "приятно и забавно созерцать их красоту, их благоволение, а также превосходство и доброту их нарядов".

Визиты Карла VIII в Италию были отмечены несколькими естественными детьми, которые впоследствии почтили его своим рождением, и он, похоже, избежал катастрофической встречи с болезнью Неаполя, которая погубила большое количество его офицеров и солдат. Неаполитанская болезнь, правда, еще не распространилась по всей Италии, но короля, дававшего волю своим чувственным прихотям, не удержал бы такой страх: только более высокое и менее эгоистичное чувство могло повелеть ему хранить целомудрие. Обольщения Венеры и порывы сладострастия, - пишет Симон Нанкье в латинской элгии на смерть этого принца, - никогда не сбивали его с пути справедливости. Когда он проезжал через город Аст, то, удалившись вечером в предназначенную ему комнату, обнаружил там девушку самой дивной красоты. Двое из его слуг, "заботившихся о его удовольствиях", говорит Вариллас, выбрали эту девушку для царского ложа. Она стояла на коленях перед образом Богородицы и молилась, когда вошел Карл VIII. Король нежно пригласил ее подойти к нему: она повиновалась, дрожа. Она плакала и стонала; король хотел знать причину ее страданий: "Я прошу вас спасти мою честь! сказала она ему; это милость, которую я прошу у вас, во имя этой непорочной Девы! Затем она рассказала, как родители продали ее королевским камердинерам для использования Его Величеством. Карл VIII восхитился великой красотой этой девушки, но не поддался искушению и успокоил невинную жертву, оказавшуюся в его власти, спросив, что он может для нее сделать. Он узнал, что она влюблена в молодого человека, который также любит ее и должен жениться на ней; он немедленно вызвал этого

молодого человека вместе с отцом и матерью девушки; он потребовал, чтобы влюбленные были обручены в его присутствии, и позаботился о приданом, заставив их передать пятьсот золотых экю.

По возвращении из завоевания Неаполя Карл VIII, наслаждавшийся там жизнью, вскоре отказался от женщин; он больше не чувствовал в себе сил жить так, как жил раньше; он даже не держал любовницу, которую имел среди почетных дам, и стал настолько регламентированным в своих нравах, насколько это возможно для монаха, живущего в заточении. Врачи советовали ему умерить себя в той области, где его средства уже не соответствовали его желаниям. Эта запоздалая умеренность не сильно продлила его жизнь. Его кузен, герцог д'Орлеан, сменивший его в качестве ближайшего наследника короны, уже изменил свою жизнь и укротил свои блуждающие страсти, когда взошел на трон. Он был влюблен в королеву Анну Бретанскую и, чтобы иметь возможность жениться на ней во второй раз, предпринял попытку аннулировать свой брак с Жанной Французской, хотя этот брак был освящен двадцатью пятью или двадцатью шестью годами совместной жизни. Однако в этом печальном и скандальном процессе он заявил, что брак никогда не был заключен, поскольку жена была *неполноценна телом*. Благочестивая Жанна ответила, что, признавая, что она "не так красива и не так хороша собой, как другие женщины", она исполняла все дела и обязанности брака. Самого короля допрашивали в суде Тура, и он, краснея, заявил, что, по его мнению, он не полностью воспользовался своими правами мужа: *Neque realiter licet intus fuerit*, писал секретарь, который на своей процессуальной латыни как можно лучше замаскировал несоответствия вопросов и ответов. Так, когда судья возразил мадам Жанне де Франс, что, согласно заявлениям ее мужа, она не соответствует требованиям, чтобы иметь возможность рожать детей, секретарь записал в протоколе: "Quod non potuisset aut posset parere, sed nec semen virile secundum naturæ congruentiam recipere, imo neque a viro intra claustra pudoris naturaliter cognosci." (См. Hist. du seizième siècle, par le bibl. Jacob, t. Ier, p. 113 et seq.) Суд потребовал, чтобы Жанну посетили матроны, которые бы удостоверились в ее физическом состоянии, но эта бедная принцесса, которая с тех пор была канонизирована как святая, отказалась подвергнуться столь болезненному унижению для своей скромности и предпочла добровольно согласиться на развод. Она ушла в монастырь, а Людовик XII не успел освободиться, как снова женился на своей возлюбленной Анне Бретанской.

При этом правлении французский двор стал более добродетельным, чем когда-либо: моральное влияние королевы Анны было ощутимо, как и влияние королевы Бланш при дворе Людовика Святого. Проституция, которая, по свидетельству поэтов и проповедников, не щадила ни один класс французского общества, замирала у порога двора или проникала туда лишь исподтишка, вдали от бдительных глаз королевы. Людовик XII не вмешивался в строгий надзор, который его *добрая супруга* осуществляла за нравами своего окружения, и сам смеялся над этим, ибо помнил, что был *хорошим забиякой и веселым товарищем*, когда дьяки из Басоша и из "Детей без родителей" осмеливались в своих театральных фарсах высмеивать лицемерие, царившее при дворе королевы: "Я хочу, чтобы они играли свободно, - сказал Людовик XII, - я хочу, чтобы молодые люди рассказывали о злоупотреблениях, которые творятся при моем дворе, поскольку исповедники и другие, которые делают мудрецов, не хотят ничего говорить о них; при условии, однако, что они не будут говорить о моей жене, потому что я намерен охранять честь дам." Потребовалась не меньшая жесткость, чем у Анны Бретанской, чтобы не допустить переполнения нравов, ведь походы в Италию и пребывание французской армии в завоеванной стране привели к импорту во Францию итальянских привычек, неумеренного вкуса к чувственным удовольствиям и всех утонченностей сладострастия. Что касается неаполитанской болезни, то она была непосредственным следствием первого завоевания неаполитанского королевства; но в ходе

череды войн, занявших все царствование Людовика XII, эта новая болезнь, источник которой постоянно искали, настолько натурализовалась среди воинов, завоевавших ее, от Генуи до Неаполя, от Милана до Венеции, что ее прозвище *французской болезни* никем не оспаривалось.

Людовику XII было нелегко уберечься от соблазнов этих очаровательных итальянок, которые, казалось, поклялись заставить его изменить своей отсутствующей жене; Он не раз чуть не поддавался, и от опасностей, угрожавших его целомудрию, его спасло лишь то, что он бросился в мистику платонического романа с прекрасной генуэзкой Томассиной Спинолой, чьим *интендио* или другом сердца он был, в то время как его дворянство вокруг него погрузилось в наслаждения и опьянело от любви со слепым безумием. Трудно представить себе престиж итальянских женщин над завоевателями Италии, которые, в свою очередь, были побеждены и покорены. Современные историки не преминули написать портрет этих чаровниц, которым предстояло оказать столь пагубное влияние на нравственность и здоровье своих неосмотрительных поклонников. Вот как Жан Маро, поэт и камеристка Анны Бретанской, изображает восхитительное зрелище, ожидавшее победителей при въезде в Милан в 1507 году:

Тогда жалели рабочих и кавалеров
Из самой изысканной красоты дамы.
Фойре можно было увидеть в Лионе и Антверпене,
Лендите, Гибрае и других местах;
Но никогда я не видел столь прекрасного товара:
Некоторые были в сидячем положении,
высоко подняв голову, чтобы лучше показать свое тело.
Но некоторые, завидуя их славе,
говорили, что их делает такими красивыми косметика;
Но что бы они ни говорили, я верю, если боги мне помогут,
что нельзя лучше наполнить свои глаза,
Кто не видел небесных вещей.

То же самое зрелище, поразившее поэта, привыкшего к благопристойным и наивным грациям французских дам, произвело на него такой же эффект, как и в первый раз, когда два года спустя Людовик XII снова въехал в Милан, куда он прибыл, чтобы наказать его после кровавого восстания. Представительницы слабого пола Милана, несомненно, сыграли немалую роль в помиловании, которое король Франции даровал жителям мятежного города. Жан Маро был там, и он, как и старейшие капитаны, был очарован видом этого женского *триумфа*, затмившего триумф короля:

De dames moult friskses,
Божественно прекрасные работы,
ангельские лица,
Овруарии и бутики
Dyaprez are:
Mainctz fantastiques,
Лунатики-любовники,
Вояны-телец-релики,
Под косыми взглядами
Их глаза репаизированы;

В подлинных одеждах
Великолепные каркасы,
Древние камни,
Всевозможные приемы,
Их тела фаллоимитаторы;
Затем, в их движении,
Ослепленные, как пикты,
Венерическими взглядами,
От которых похотливые любовники
Они смертельно ранили.

Удивительно, что королева Анна Бретанская обладала достаточной властью и силой воли, чтобы контакт с Италией, который должен был развратить Францию, не ощущался при ее жизни *при дворе дам*, который она основала в замке Блуа, где она обычно проживала. Для нее не имело значения, что общественная мораль не улучшилась, и она приложила немало усилий, чтобы восстановить добродетели своего пола. Жан Маро, написавший по ее заказу "Доктрину для дам", лишь перефразировал прекрасные наставления, которые она преподавала, особенно на своем примере. Вот одна из таких заповедей: *d'estre chaste en estant belle*. Рондо, которое поэт вывел из него, начинается следующим образом:

Кто обладает этими двумя, целомудрием и красотой,
Vanter se peutult qu'en toute loyaulté
Любую другую даму она одолеет и пройдет,
Beaulté oncques jour ne fust lasse
вести войну с леди Целомудрие.
Но когда они вместе, то создают единство,
Это божественный дар, соединенный с человечностью,
Что делает даму полной благодати,
которая обладает и тем, и другим.

В этом *доктрине*, которую Жан Маро *изложил* в двадцати четырех рондо, Анна де Бретань также рекомендует *честность*,

.... Ибо это жемчужина и драгоценный камень.
Что боги в благородство вложили;

благоразумие, которое *противостоит* *лютой плоти*; *хорошую осанку*, которая

.... Это почта и верный проводник
Чтобы проводить даму в храм Добродетели.

Она призывает дам *быть хорошим примером для других, избегать праздности, помнить о чести* и, наконец, *любить только одного Бога и одного мужчину*. Эти назидательные рифмы свидетельствуют о целомудренном вдохновении, которым Анна Бретанская наделяла своего обычного поэта, и мы видим, что она хотела использовать поэзию, которая не имела иной цели, кроме как развращать сердца и смягчать души, для нравственного воспитания своего двора. Анна Бретанская не обращала внимания на все эти банальности, связанные со светской любовью, которые поэты не уставали включать в свои зачастую развратные произведения. Она также упрекала их за слишком вольные выражения, оскорбляющие честное ухо, ибо не терпела в книге того, что ей было бы стыдно услышать из уст автора: она считала, что целомудрие слов должно идти рука об руку с целомудрием поступков. Поэтому ей было очень трудно простить сира де Гриньо, своего рыцаря чести, который вместо

комплимента, который она должна была сделать испанскому послу, научил ее какой-то ерунде на испанском языке, которую она не понимала и которую она готовилась произнести на официальной аудиенции, когда король предупредил ее об этой шутке, которую он разрешил для смеха и чтобы скоротать время, по словам Брантома.

Только смерть этой мудрой королевы развязала язык придворным поэтам. Жан Маро, закончивший сочинять "*Vray disant Avocate des dames*", повинувшись своей *доброй госпоже и хозяйке*, тут же вернулся к своим дурным поэтическим манерам и возобновил рифмоплетство на галантные и даже вульгарные темы. В один миг французский двор претерпел полную метаморфозу, и проституция сняла свою маску. Жан Маро отметил, что нравы стали более расслабленными, чем прежде:

Au faict d'amours beau parler n'a plus lieu,
Car, sans argent, vous parlez en hebrieu,
И даже если бы ты был самым красивым сыном в мире,
Ты должен пойти на это, или я хочу быть остриженным,
Если ты когда-нибудь ступишь в Эстрию.

Таков был результат итальянских войн. Привычки распутства, приобретенные воинами в горах, перешли к ним во Францию, а француженки невольно и вопреки себе подражали итальянкам, которые оставили победителям столько восхитительных и горьких воспоминаний. По возвращении кавалеры, участвовавшие в экспедициях Карла VIII и Людовика XII, не переставали восхвалять несравненные прелести итальянок, как бы ни были они *неудачливы* в своих любовных делах. Француженки, чьи мужья и любовники, казалось, обесценивали их в пользу этих опасных сирен, питали к ним непримиримую ревность и ненависть: им доставляло удовольствие указывать на недостатки иностранцев и подчеркивать собственное превосходство. Вот рондо, которое Жан Маро написал под диктовку некой прекрасной дамы, огорченной тем, что ей предпочли *ломбардца*:

Pour le deduict d'amoureuse pasture,
A quelqu'un fiz l'autre jour ouverture:
Кто лучше, француженка или ломбардец?
Он ответил: "La Lombarde est braguarde",
Но холоден, мягок и глух под горой.
Они хорошо говорят и хорошо едят:
Но все остальное - сплошная боль,
Как видите, каждый наряжается
для дедушки.

Француженка цельная и несокрушимая,
Блезненна в подъеме, но горда в конце.
Удовольствие - главное; прибыль - не забота.
Вывод: кто бы что ни говорил о ней и как бы ни насмехался над ней,
француженки - шедевры природы.
Pour le deduict.

Что бы ни говорили и ни делали французы, итальянцы продолжали преследовать их, став постоянной достопримечательностью итальянских кампаний. Придворные кавалеры настолько преуспели за горами, что не спешили возвращаться во Францию и оседали в Милане и главных миланских городах со своими любовницами, словно им уже не было дела до жен и детей, оставшихся во Франции. На протяжении всего правления Людовика XII и первых лет правления Франциска Ier шла гонка за тем, кто сможет уехать жить в Италию.

Бедные француженки уже не знали, как победить столь соблазнительных соперниц, которые таким образом уводили у них друзей и мужей, возвращавшихся к ним лишь разоренными в плане денег и здоровья. К воцарению Франциска I ^{ар}лучший цветок французской знати перешел Альпы и распространился по Ломбардии; при французском дворе можно было увидеть лишь седые бороды и белые волосы; замужние дамы могли считать себя вдовами, а юные девицы должны были бояться остаться девушками. Они составили своеобразный заговор против миланских представительниц слабого пола и поручили поэту Жану Маро написать сатирическое послание к *французским придворным, находившимся тогда в Италии*, в котором ломбардские женщины сравнивались с француженками, чтобы подчеркнуть достоинства и добродетели первых и пороки и недостатки вторых. Недаром Жану Маро была доверена деликатная роль секретаря *парижских дам*; он сам достаточно долго жил в Италии, чтобы хорошо разбираться в итальянских нравах: он знал сильные и слабые стороны этих *странных валлийских женщин*, которые оказывали такую большую услугу любви его родины. Поэтому он не преминул отчитать их от имени парижских дам. Он начал с того, что обвинил их в том, что они отдают себя только из корыстных побуждений, потому что

.... Они должны быть обременены золотом и серебром,
Ains que gesir et coucher soubz leur aïse.

Ломбардка красит лицо и ухаживает, чтобы *выманить деньги*; только жадность возбуждает ее и побуждает совершать этот *милый поступок*, к которому все боги испытывают жалость, когда он оправдан любовью, но который становится пятном, когда условиями управляет алчность;

Но кюре Франсуа, от своей Эми, охраняет ее,

и любовь делает то, что не могут сделать деньги. В Италии старые и молодые одинаково жадны и торгуют своими услугами с одинаковой ловкостью; часто *старый работник* играет в *куклы* лучше, чем самый молодой *сплетник*.

Когда во Франции дама отказывается,
она подписывает свой поступок перед другими:
Se retirer est bon, quant il est nuyst.

Ломбардцы надевают платья из золотой ткани, чтобы появиться на публике, и выглядят как феи, так *милы их прически и так соответствуют их положению*; но под своими нарядами они более изношены и более *растрепаны*, чем старые башмаки почтальона (postillon). Это потому, что они не едят каждый день и не щадят свои бедные тела, в то время как французы, как они с гордостью говорят, толсты и сыты:

Fermes sommes et le serons;
Tetons avons; elles, tetasses
Висят, как старые клювы
Над их цаплиными ногами.

Эти торжествующие лангобарды одеты в прекрасные одежды; *остальное не стоит ни гроша*, и влюбленные не нашли *под весами* того, на что рассчитывали. И это еще не все: они холоднее бараньей плоти на Рождество, мягче требухи, грязнее лохмотьев, несмотря на всю свою нарядность и изысканность. По сравнению с этими мерзкими развратницами парижские дамы не торгуются, они лишь хотят показать себя неблагодарным мужчинам, которые их забывают:

S'aulcun avoit esprit spirituel

Пока он был таков, что мог подсказать им их злоупотребления,
Он знал бы, что под нашей мантией
Нет ничего, кроме истинной природы,
Et que tout bel avons tant sus que jus:
Острые сиськи, белые и мясистые конечности;
А потом, эти большие задницы, для любовных утех,
В которых столько дырок, что их не переделать.

Если бы лангобарды захотели согласиться с этим, то это было бы новое решение Париса, спровоцированное французами, которые ясно заявили, что для того, чтобы

Судить дело

В соответствии с законом,
Считать недействительным
Les robes bases;
Puis, sans debatz,
Для этих празднеств,
Видите, как природа нерадива.

Но лангобарды, как и следовало ожидать, не спешили принимать вызов, и парижские дамы предложили *французским придворным* вернуться, не дожидаясь решения вопроса. Они обратились с мольбой к королю Франциску Ier, который не больше своей знати жаждал снова пересечь горы:

Вы держите нас

Слишком сурово;
Amour nous presse,
Desir oppresse
Nos cueurs, de grand crainte estonnez.
Париж плачет, а Турне огорчен,
Bloys languist, Amboise ne cesse
De crier: "Sire, retournez!"

Франциск Ier и его кавалеры с сожалением покидали Италию, где, несмотря на парижских дам и Жана Маро, любовь казалась лучше, чем во Франции, и они привезли с собой итальянские манеры, которые смешивались с французскими на протяжении всего XVI века.

- Кастелли дель.
- Drouart, imp. r. du Fouarre, 11, Paris
- Roxe sc.

ДЮБУА В ДОМЕ ФИЛЛОНА.

ГЛАВА XXXI.

Sommaire.-Les Dames galantes de Brantôme.-Dédicace à la reine Marguerite.-La Prostitution sous les Valois.-François Ier, dit *le roi grand nez*.-Causes de sa première expédition en Italie.-Sa première maladie.-Éloge de la *cour des dames*.-Son origine et son usage.-L'exemple de la cour.-Le roi proxénète.-Le rut des cerfs.-Les dames en carême.-Непристойность языка и поэзии.-Ла демуазель де Таллар и папы.-Ла красавица Хелли.-Ла графиня де Шатобриан.-Лавр герцогини д'Этамп.-Ла маленький дом короля, улица Ирондель.-Проституция в эпоху клемении.-Диана де Пуатье и ее отец.-Жан де Броссе, супруг герцогини д'Этамп.-Ла красавица Ферроньер и др.

История проституции при дворе Франции в XVI веке заняла бы целую книгу, если бы захотел собрать все анекдоты, которые могли бы нарисовать нравы аристократии при Валуа; нужно только, чтобы нарисовать точную картину этого невероятного разврата, извлечь из сочинений Брантома все, что этот придворный аббат собрал из скандальных фактов, которые он пересказывает как можно свободнее, не подозревая, что может оскорбить чью-то скромность. Уже одно это обстоятельство лучше всяких слов доказывает, до какой степени испорченности дошло французское общество ко времени Карла IX и Генриха III: в те времена уже не было даже чувства честности, и не было никакого смущения в том, чтобы без утайки, даже перед дамами, объяснять самые грязные, самые неблагородные тайны распутства. Так, Брантом, посвящая свое "Собрание галантных дам" герцогу д'Аленсону, *сыну и брату наших королей*, просит его *воспользоваться своим именем и авторитетом, чтобы укрепить свои "Рассуждения", наполненные бранными словами и байками*, которым этот принц соизволил научить его в их *приватных* беседах; а первую рукопись этого дрянного сборника, который, тем не менее, так ценен для истории двора, автор посвящает королеве Маргарите, разведенной жене Анри IV. Однако он не решился на то, чтобы *сказки, истории, речи и изящная словесность*, собранные им с *большим трудом*, были напечатаны при его жизни; в своем завещании он поручил напечатать их своей племяннице, графине Дюрталь: "Je veux aussy, - сказал он в этом завещании, - que le premier livre qui sortira de la presse soit donné pour présent, bien relié et couvert, à la reyne Marguerite, ma très-illustre maistresse, qui m'a fait cest honneur d'en avoir vu aucuns et trouvé beaux et faict estime."

Мы вынуждены ограничить себя в этой неисчерпаемой теме и попытаемся лишь охарактеризовать тот вид проституции, который царил при дворе Франции при каждом короле из ветви Валуа; Ибо каждый из этих королей своим примером и своими вкусами придавал особую физиономию нравам своего времени, и можно сказать, что, если весь XVI век посвящен чудовищному разврату, который кажется целью и мотивом всех человеческих поступков, ничто не напоминает меньше разнузданности двора Генриха III, чем разнузданности двора Франциска Ier: один все еще остается французским, по крайней мере временами; другой стал полностью итальянским. При Франциске I, посреди самых постыдных излишеств, мы находим то тут, то там несколько благородных и чистых реминисценций рыцарства Средних веков; при Генрихе III, напротив, все деградирует, развращается и загрязняется, попирая религиозные и общественные законы. Брантом скажет больше, чем мы, об этой печальной главе в расстройстве его современников, и часто, цитируя его дословно, мы вынуждены будем оставлять в его произведениях множество непристойных пассажей, которые наше перо не захочет переписывать.

Франциск I, как сказал один из его панегиристов, которого Брантому едва удалось опровергнуть в этом вопросе, был "поистине великим, ибо у него были великие добродетели и великие пороки". Один из его придворных глупцов, Трибуле или Кайлетт, как говорят, добавил, что он был еще более великим из-за своего носа, поскольку народ прозвал его

королем с большим носом. Такой нос вполне мог иметь отношение к порокам, если не к добродетелям, короля-рыцаря. Этот король, несомненно, обладал великими и прекрасными качествами, которые проистекали из его рыцарского характера, но над ним всю жизнь довлела страсть к женщинам, так что большинство его поступков как короля не имели иного принципа. Так, по словам Брантома (см. жизнь адмирала Бонниве в книге "*Hommes illustres et grands capitaines françois*"), первая экспедиция в Милан, которая привела к катастрофическим Итальянским войнам, была обусловлена желанием короля увидеть *Сеньору Клериче*, миланскую даму, "в то время считавшуюся одной из самых красивых дам Италии", и мыслью "переспать с ней". Бонниве, который был любовником этой дамы и желал увидеть ее снова, знал слабость короля и посоветовал ему перейти горы, чтобы открыть это чудо: "И это, - восклицает Брантом, - главная причина перехода короля, которая не всем известна! Уже одна эта черта доказывает, что Франциск Ier пожертвовал бы своим королевством и короной ради удовлетворения галантного каприза. Эта любовная страсть началась рано; дневник его матери, Луизы Савойской, сообщает нам, что он сбился с пути уже в восемнадцать лет: 4 сентября 1512 года "у него было зло в тайной части природы", и с тех пор это зло появлялось несколько раз с новыми симптомами и новыми болями, которые иногда побуждали его говорить, по словам историографа Матье: "Бог наказывает меня там, где я согрешил!"

Брантом с приятной наивностью рассказывает, что именно так возникло обычное место жительства дам при французском дворе. Королева Анна Бретанская и раньше имела "свой дамский двор больше, чем в других предыдущих обзорах", но это было ничто по сравнению с двором Франциска Ier, который, "считая, что все украшение двора - это дамы, хотел населить его больше, чем по древнему обычаю". Он говорил по этому поводу: "Двор без дам - это сад без прекрасных цветов, а двор сатрапа или турка (где нет ни одной дамы и ни одной половины) больше похож на двор великого и очень христианского короля". Призвав таким образом элиту дам и девиц к своему двору, Франциск Ier намеревался покончить, если верить Брантому, с этой непристойной и опасной группой беспутных женщин, которую прежние короли Франции тащили за собой и которую король рибальдов был обязан содержать, контролировать и управлять. Мы уже видели (гл. 8, т. IV), что последний король рибальдов исполнял свои обязанности в начале правления Франциска Ier. Но мы доказали с помощью подлинных документов, что примерно в это время он был заменен "дамой из числа придворных девушек", деликатная должность которой сохранялась вплоть до правления Карла IX. Тем не менее, Брантом утверждает, что придворные дамы были специально предназначены, по крайней мере, в его понимании, для замены этих *filles de joie suivant la cour*, которые становились все более грозными после нашествия венерических болезней. Мне кажется, - со всей серьезностью говорит Брантом, - что такой десбордический и публичный путанизм, да еще и с большим количеством венерических заболеваний, не может быть лучше, чем тайное, скрытое и тайное местопребывание наших дам, которые были очень чистыми и святыми, как минимум, и которые не вызывали у господ импотенции, как бордосские".

Таким образом, по мнению Брантома, эта придворная проституция была предусмотрена и одобрена Франциском I не только с гигиенической, но и с моральной точки зрения, поскольку король говорил, "что дамы делают кавалеров его двора такими же доблестными, как их шпаги". Это было уже не аскетичное и сентиментальное рыцарство XIV века, а рыцарство, не менее страстное, без сомнения, к славе оружия, но нетерпеливое к материальным удовольствиям и грубым наслаждениям. В прошлом, во времена рыцарства, не было ничего, кроме целомудренной и честной любви; при дворе Франсуа Ier вся любовь была плотской, фактически или по намерениям, что Брантом не преминул по-своему

оправдать: "Что если дамы, говорит он, иногда благоволили (я говорю - некоторые) к своим любовникам и слугам, то какая вина в этом могла быть королю, поскольку, не применяя силы и насилия, он позволял каждому держать свой гарнизон, в который, если кто и входил, не мог не войти. Действительно, в пограничном гарнизоне, где идет война, любому доблестному человеку разрешается войти, если он может. Но ослепительная проституция королевского двора, к сожалению, не остановилась на этом; сначала она бросила свой печальный взгляд на французское общество, а затем, как лесной пожар, пожрала все, что осталось от доброй морали в буржуа и рабочих классах. Вот что сказал один великий князь Брантому, который не был настолько развращен, чтобы отрицать катастрофические последствия этой деморализации дворянства: "Но они подали такой пример остальным жителям Франции, что, создавая моду на свои одежды, свои грации, свои манеры, свою жизнь, они, казалось, также создавали моду, любили и бранились, подразумевая под этим самих себя: При дворе одеваются так, танцуют так, кривляются так; мы можем делать так!" - Значит ли это, отвечал Брантом, что до правления короля Франциска во всей Франции не было шлюх, больших, средних, маленьких или простых, в их собственных странах и домах или в других местах! Я прихожу к выводу, несмотря на все эти романы, что ничто и никогда не было представлено лучше, чем дамский двор. И дай Бог, чтобы я побывал при дворе этого великого короля ради своего развлечения!"

Франциск Ier, превративший свой двор в подобие сераля, где он не считал дурным то, что его кавалеры разделяли с ним благосклонность дам, давал им и пример, и урок распутства; он не стыдился, если нужно, потворствовать незаконным любовным связям, потому что хотел, чтобы все имели те же слабости, что и он сам. При нем, - говорит Соваль, - быть без любовницы значило оказывать услугу ухаживаниям; не было ни одного человека, имени которого он не хотел бы знать, и он даже обязывался говорить за них, делать их желанными по своей рекомендации и служить им во всех встречах. Наконец, когда он встречал таких людей вместе, он должен был знать, о чем они говорят, и, поскольку он не считал их достаточно галантными, он должен был учить их, как они должны разговаривать друг с другом". Кроме того, король не довольствовался ролью наставника в галантности и мог похвастаться знанием ремесла: в интересах своих друзей он принял роль сводника, которую все придворные всегда были готовы исполнить ради его удовольствий. Как будто он терпеть не мог, когда женщина держит себя мудрой при дворе. Однако он гордился тем, что является самым твердым защитником женской чести, и считал преступлением малейшую шутку, которая, казалось, подрывала эту честь, которая была несколько ущемлена.

Однажды ему взбрело в голову посмотреть на гон оленей, и он повел самых *кокетливых* из придворных в лес Сен-Жермен, где в брачный сезон собирались олени и зайцы. Новизна зрелища была достаточна, чтобы испугать скромность этих дам, если она у них еще оставалась; но они не потеряли самообладания, и он, смеясь, смог указать им на "временное препровождение и все ласки этих животных". Один придворный, наблюдавший за пиршеством, имел неосторожность сказать, что при виде этого сборища оленей "у них вода набралась в рот". Король был так разгневан на хитроумного автора этой эпиграммы, что изгнал его со двора и больше не соглашался позвать. В другой раз он был еще более возмущен молодым Бризамбургом, которого он обвинил во время Великого поста в замке Мёдон в том, что тот перенес несколько мясных блюд со своего стола на стол герцогини д'Этамп и дам ее общества, известных как "*маленькая группа*"; Бризамбург позволил себе сказать: "Эти дамы не довольствуются сырой плотью во время поста; они едят также и вареную плоть и не могут насытиться!" Это замечание, донесенное до дам *маленькой группы*, вызвало их негодование, причем до такой степени, что они пожаловались королю, и Франциск I, возмущенный, приказал схватить и повесить без суда и следствия злого

шутника. Бедняге Бризамбургу посчастливилось спастись, и с тех пор он снова стал пользоваться благосклонностью короля, возместив ущерб *маленькой группе* герцогини Этампской. Для этой любовницы короля это было время великой благосклонности, и все должности в судебной системе, финансах и армии были распределены по ее усмотрению между ее родственниками, друзьями и льстецами. Герцогиня даже хвасталась тем, что в ее распоряжении были Папа и Священная коллегия, которым не в чем было ей отказать: таким образом шесть или восемь ее приближенных получили кардинальскую шапку, и она говорила по этому поводу, что женщине сделать кардинала едва ли сложнее, чем роконосца.

Франциск I, который так ревностно относился к чести дам, когда мужчина осмеливался нападать на него словами, ничуть не скупился на вольные и непристойные выражения, которые бесстыдно употребляли дамы. Образец придворного языка можно найти в грязных стихах *королевских* поэтов, которые не могли найти ни одного слова или образа в техническом языке проституции, которые они боялись использовать в поэтическом языке. Существует множество анекдотов, пересказанных Брантомом, которые свидетельствуют об этом ужасном разврате языке и литературе. Не стоило ожидать большей сдержанности от развращенного двора, который находил развлечение в чтении *книги* Рабле и искал в ней не столько восхитительный гений *мастера*, сколько грубые двусмысленности и грязные шутки. Мы также не понимаем, почему Клеман Маро, камердинер и секретарь прекрасной Маргариты, королевы Наваррской, развлекал *милейших* членов двора своими *ритмами* об отвратительных любовных похождениях Аликс и Мартена. Одна *встреча*, которую Брантом описывает как весьма занимательную, как нам кажется, несет на себе печать того времени, лучше других характеризует разврат придворных дам и девиц. Луиза де Клермон-Таллар, которую Франсуа I называл своей *Гренуй* (Маро не говорит, почему), считалась обладательницей лучшего и самого занимательного ума при дворе;

Ибо ничего, кроме остроумия, эта маленькая блондинка не умеет,

сказал о ней Клеман Маро, который посвятил ей очень благородную эпиграмму, заявив, что эта девушка *не похожа ни на кого другого*. Брантом также говорит, что с юности она "всегда делала приятные реплики и говорила хорошие слова". Когда в 1528 году папа Павел III встречался с королем Франции в Ницце, мадам де Клермон-Таллар, простершись перед святым отцом, попросила у него отпущения грехов "в виде игры", рассказав ему, что "когда папа Клеман VII приехал в Марсель, когда она была еще дочерью Таллара, она взяла одну из его подушек со своей кровати, вытерла ее спереди и сзади, после чего его святейшество положил на нее свою достойную голову, лицо и рот и поцеловал ее." (См. *Dames galantes*, disc, VI.)

У короля постоянно была титулованная любовница, которую он предпочитал всем остальным, но которая не заменяла всех остальных; ведь он никогда не отказывался полностью удовлетворить свои прихоти, в то время как его любовь была самой нежной и долговечной. В течение всего царствования его фавориткой была герцогиня Этампская, но не раз он заводил рядом с ней и под ее взглядом других любовниц, которых называли *лейтенантами мадам Анны* и которых мадам Анна не стремилась свергнуть с их эфемерного трона, будучи уверена, что сохранит свой, несмотря на все непоследовательные поступки короля. Анна де Писселе, известная как мадемуазель де Эйли до того, как король выдал ее замуж и пожаловал герцогство Этамп, начала свои отношения с Франциском I^о только в 1526 году, в тот самый момент, когда пленник Павии покинул Испанию, чтобы вернуться во

Францию. Королева-регентша, Луиза Савойская, отправилась встречать сына и любезно привезла в Фонтараби фрейлину, которая должна была заменить прежнюю любовницу короля, рассорившуюся с ней. Этой любовницей, которую демуазель де Хейли без труда заменила с первой же встречи, оказалась графиня де Шатобриан, знаменитая Франсуаза де Фуа, которой предстояло заплатить жизнью за свою нежность и преданность королю. Франсуаза де Фуа, как бы красива и совершенна она ни была, не смогла надолго задержаться в изменчивом сердце своего королевского *содержателя*: она любила его слишком нежно, что и доказала, когда неверный снова попросил у нее драгоценности, украшенные девизами и любовными эмблемами, которые он ей подарил: она переплавляла драгоценности и отправляла слитки обратно, сказав, что хранит девизы в своей памяти. Герцогиня д'Этамп была далека от желания подражать этому изысканному поиску чувств; сомнительно, чтобы она вообще испытывала настоящую любовь к королю, которого всегда влек к ней живой вкус, который она умела поддерживать и постоянно оживлять с искусством, которому позавидовали бы самые искусные куртизанки.

Таким образом, со стороны *прекрасной Хелли*, как долгое время называл ее Франциск Ier, это была утонченная и изобретательная проституция, которая служила не только богатству этой искусной хозяйки, но и всей ее семьи и целого ряда протекже, которых она постоянно рекомендовала королю. Герцогиня Этампская ничуть не мешала фантазиям Франциска Ier, который уезжал в приключения и всегда возвращался к ней, не замечая этих измен, хотя несколько раз тяжело болел. Она лечилась и выздоравливала; король же так и не смог полностью оправиться. Ничто не было так широко известно при дворе, как роман герцогини д'Этамп с королем, и все же она принимала меры предосторожности и препятствия, чтобы скрыть его, что делало его еще более пикантным. Так, когда он был с ней на людях, он избегал всего, что могло напоминать знакомство, и не отступал от самой церемонной галантности; когда же ему приходилось видаться с ней наедине, он не жалел ничего, чтобы эти визиты оставались неизвестными для всех. В дом герцогини он попадал только по подземным ходам и скрытым лестницам, либо приходил ночью, переодетый, один или в сопровождении капитана стражи. Горе тому, кто узнает короля и выдаст его тайну! Герцогиня Этампская обычно останавливалась не в королевской гостинице, а напротив или поблизости, чтобы свободнее общаться со своим любовником. Франциск Ier подарил ей гостиницу, получившую его имя и расположенную напротив отеля Турнель, где он обычно останавливался: таким образом, они могли часто встречаться в отеле д'Этамп, и никто в отеле Турнель ничего не заподозрил. Чтобы дать себе еще большую свободу в своих таинственных встречах с любовницей, король приказал построить в конце набережной Огюстен, рядом с Пон-Сен-Мишель, небольшую гостиницу, которая впоследствии стала Hôtel de Luynes. Герцогиня д'Этамп, в свою очередь, купила дом, примыкающий к этой гостинице сзади и расположенный на улице Ирондель, так что эти два жилища, которые казались независимыми друг от друга, на самом деле были одним целым, что облегчало совместную жизнь влюбленных. Именно сюда король приезжал на несколько дней под предлогом отдыха от государственных дел, сюда же тайно отправлялась и герцогиня, когда считалось, что она отсутствует в Париже и путешествует. Дом на улице Ирондель можно рассматривать как начало *маленьких домов*, которые стали столь распространены в Париже два столетия спустя: "Похоже, - говорит Соваль, - что это был маленький дворец любви или дом мелких удовольствий Франсуа Ier". Во времена Совалья (около 1660 года) этот дом еще сохранял некоторые элементы внутреннего и внешнего убранства, которые напоминали об использовании этого места; стены были покрыты скульптурными украшениями, включая саламандру Франсуа Ier: эта сказочная эмблема его неугасимой любви была воспроизведена во всех уголках с самыми разнообразными монограммами и девизами. Между альфой и омегой повсюду виднелось пылающее сердце, означавшее, что любовь - начало и конец

всех поступков короля. Не прошло и сорока лет, как в этом доме, который местные жители традиционно называли *Домом короля*, все еще можно было увидеть остатки скульптур и картин.

Благодаря этим деликатным мерам предосторожности Франциск Ier так хорошо сохранял видимость по отношению к герцогине Этампской, которая была замужем за Жаном де Броссе, но не жила с ним, что она всегда могла отрицать, подняв бровь, что является любовницей короля. Ее муж, однако, знал, что к чему, поскольку, согласно отрывку из "*Галантных дам*", в котором о нем говорится, не называя его имени, он пришел однажды ночью в спальню жены с намерением удивить короля и убить его; Но Франциск Ier успел выхватить меч и пригрозить этому злоумышленнику, которого он выгнал, приказав ему под страхом жизни не причинять вреда и боли его жене; после чего "он занял свое место и оправил даму, насколько мог, от испуга, который она испытала". Королю приходилось часто прибегать к тем же *мерам предосторожности* в интересах принимавших его дам, когда он неожиданно входил в их дома посреди ночи: мужья не знали об этом, но философски переносили несчастье, которое, казалось, было связано со статусом придворного; ведь в отеле Турнель, Лувре и во всех королевских дворцах король обеспечивал себе возможность в любое время входить в апартаменты дам и фрейлин, которые ему нравились. Скандала не было, потому что стены не ни глаз, ни ушей; жертвы этих ночных засад старались не быть отголосками собственного позора, а кроме того, слуги короля привыкли ничего не видеть, ничего не слышать и ничего не говорить. Дамы жили при дворе; король, говорит Соваль, "имел ключи от их комнат и входил в них ночью, в любое время, когда ему вздумается, без стука и шума". Понятно, что мужья, отцы, братья и любовники этих дам не размещались так близко, чтобы их могли предупредить крики, раздававшиеся в толще стен и гобеленов. Когда дамы, - добавляет Соваль, - чтобы быть добродетельными, отказывались от таких квартир, которые король предлагал им в Лувре, Турнелле, Мёдоне или где-либо еще, их мужьям приходилось идти напролом; если у них были должности или правительства, и их могли обвинить в малейшей растрате средств или в чем-то подобном, их головы были готовы к смерти: Надеяться на пощаду не приходилось, если только их жены не выкупали их жизни ценой своей чести."

Такова была, несомненно, самая позорная проституция в правление Франциска I, если верить свидетельству Совалья, перед глазами которого, несомненно, было много драгоценных документов, которых мы больше не имеем. Он прямо заявляет, что при дворе не было ничего более распространенного, чем эта проституция. Если дамы, у которых были мужья, родственники или друзья спасения, не были красивы, а их дочери были красивы, последние добивались, на свой страх и риск, помилования осужденного. Франциск Ier не принимал во внимание денежные предложения, сделанные ему для подписания писем о помиловании, но если жены и дочери этих несчастных "приходили предложить себя, он не отказывался верить им на слово, если они были молоды, красивы или добродетельны". Осужденные, сохранившие голову такой ценой, не все были благодарны своим женам и дочерям: иногда они не прощали им жертву, которой те воспользовались. Много разговоров было о помиловании, дарованном Франциском I лорду Сен-Валье, когда дочь этого господина, прекрасная Диана де Пуатье, пришла броситься к ногам короля, умоляя его вернуть ей отца, осужденного как сообщника коннетабля Бурбона. Король не мог отказать Диане ни в чем, и она тоже ни в чем ему не отказала. Сен-Валье уже находился на эшафоте на площади Грев, когда Франциск Ier приказал отменить казнь и заменил смертный приговор пожизненным заключением. У больного хватило ума сказать, сходя с эшафота: "Боже, храни добрый случай моей дочери (Соваль говорит "*петух*", а Брантом - что-то другое), которая так хорошо меня спасла! Эта Диана де Пуатье, которая пользовалась своей красотой с таким

сыновним почтением, в была *королевской кобылой*, как прозвал ее народ, согласно комментаторам Рабле; но, чтобы продолжить метафору, она вскоре попала в конюшню молодого дофина, который должен был стать Анри II, и у которого не было ничего более неотложного, когда он взошел на трон, чем сделать ее герцогиней Валентинуа. Правление герцогини Этампской как раз закончилось вместе с правлением Франциска Ier.

Хотя при нем проституция приобрела при дворе такую дерзость, какой не было никогда прежде, следует признать, что Франциск I своим примером и уроками ввел в моду вежливость и галантность, как вуаль, призванную прикрыть скандал, связанный с незаконными любовными связями. Мезьерэ в своей "Истории Франции" рисует энергичную картину этой коррупции, которая, по его словам, "началась в правление Франциска I, стала почти всеобщей в правление Генриха II и, наконец, выплеснулась до самого конца в правление Карла IX и Генриха III". Но Мезьерэ, отмечая различные степени испорченности нравов от Франциска Ier до Генриха III, не замечает, что первый из Валуа был непримиримым врагом скандала и упорным защитником того, что он называл *честью дам*. Франциск I не признался и не скомпрометировал ни одну из своих бесчисленных любовниц, а сама герцогиня д'Этамп, которая более двадцати лет была его официальной фавориткой, смогла отстоять свою добродетель и утверждать, что она очень почетно была *подругой* или *невесткой* короля. Дювердые, сеньор де Вопривас, пишет в своей "Просопографии": "Хотя эти тайны подозревались менее благородно, чем следовало бы, король очистился от них и заявил, что любил эту даму только за ее грацию и веселье. Что бы это ни было, мы полагаем, что он использовал это на ликте". Сьер де Вопривас, написавший и опубликовавший свою "Просопографию" во времена Генриха III, похоже, не слишком убежден в безобидности отношений герцогини Этампской с королем. Ему, несомненно, было известно, что после смерти Франциска I муж герцогини, которого Варильяс изображает как человека "с бесчувственным характером и малой склонностью к любовным утехам", сам себя опозорил, отсудив у жены деньги и спровоцировав судебное расследование, в результате которого было установлено, что он женился на *королевской шлюхе*.

Франциск Ier не удовлетворился тем, что превратил свой двор в *сераль*, где ни муж, ни опекун, ни отец, ни мать не посмели бы помешать его удовольствиям; Он также приближался к дочерям и женам буржуазии; но из Гептамерона королевы Наваррской мы видим, что эти ночные развлечения не были лишены опасности, и что не раз с королем обращались как с обычным галантом, застигнутым на месте преступления. К счастью, на помощь ему приходила его шпага, чтобы вывести его из затруднительного положения, в которое он по собственной воле попал. Не всегда он выходил невредимым из опасностей, связанных с этими низкими любовными утехами. Согласно неизменной традиции, именно от такой любви он заболел, от которой умер после десяти или двенадцати лет страданий, которые, вероятно, разделял со своими любовницами. Историки, собирая эту традицию, которая не может быть подкреплена подлинными документами, просто упомянули о событии, не гарантируя обстоятельств. По его словам, злокачественная язва, ставшая причиной смерти Франсуа Ier, уже в 1539 году "начала грызть его с невыносимой силой, настолько, что эта боль и инфекция, распространившаяся по всему телу, вызвала у него медленный жар и вялую слабость, лишившую его способности к каким-либо действиям. Мне иногда говорили, - добавляет Мезьерэ, - что он заразился этой болезнью от прекрасной Ферроньер, одной из своих любовниц, чей портрет и сегодня можно увидеть в некоторых любопытных шкафах, и что муж этой женщины, по странной и глупой мести, подцепил эту заразу в неподходящем месте, чтобы заразить их обоих". Мезьерэ в своем "Абрисе хронологии истории Франции" более подробно рассказывает о том же событии, о котором он сообщил согласно слухам, ходившим во времена Франсуа Ier, как говорит Соваль, , хотя Брантом не упоминает об этой

прекрасной Ферронньер и ее муже, который был торговцем железом, по словам одних, адвокатом, по словам других, безжалостным ревнивцем, по словам всех.

Об этом приключении, которое должно занять важное место в истории проституции, впервые очень подробно рассказывается в "Разных рассказах" Луи Гюйона (т. II, т. I, с. 109), сеньора де ла Нанша. Он, несомненно, слышал ее от какого-то старика, жившего во время правления Франсуа Ier, поскольку писал свой сборник в конце XVI века; кроме того, будучи врачом, он смог найти у одного из своих коллег особое предание, касающееся венерической болезни, жертвой которой стал король. "Этот король, - говорит он, - искал жену парижского адвоката, очень красивую женщину хорошего поведения, которую я не хочу называть, поскольку у него остались дети с большими состояниями и люди с хорошей репутацией: которому эта дама никогда не желала угодить, а, напротив, отсылала его прочь со многими грубыми словами, которыми король был раздосадован. Как поняли некоторые из королевских придворных и сводников, они сказали королю, что он может взять ее властью и силой своей королевской власти. И в самом деле, один из них пошел рассказать об этом даме, которая рассказала своему мужу. Адвокат понял, что ему и его жене нужно бежать из королевства, но даже в этом случае им придется многое сделать, чтобы спастись, если они не послушаются его. В конце концов муж отговорил жену от исполнения желания короля и, чтобы ничего не мешало в этом деле, сделал вид, что у него есть дела в поле на восемь или десять дней. Однако он скрывался в Париже, часто посещал бурдо, собирал вероль, чтобы отдать жене, чтобы король взял его у нее, и тут же обнаружил, что он собирает вероль, и заразил свою жену, ее, а затем и короля, который отдал его нескольким другим женщинам, которых содержал, и так и не знал, как поправиться, потому что до конца жизни был нездоров, несчастен, неприступен". Таким образом, ничто не кажется нам более доказанным, чем приключение прекрасной Ферронньер, с точки зрения его пагубного влияния на здоровье короля; но мы считаем излишним приписывать мести мужа позорные последствия его распутства, которое учит нас, что *большая или великая оспа* (говорили, что та или другая существует) имела с тех пор неиссякаемый источник в притонах общественного разврата.

Можно только сомневаться в том, когда Франсуа Ier так серьезно пострадал от наказания за свое недержание; ведь если Мезьерэ установил точную дату, говоря о "злокачественной язве, которая настигла его в 1539 году", то Брантом, похоже, не колеблясь, откладывает до первых лет правления Франсуа Ier вторжение болезни, которая сократила его жизнь и заслужила эту знаменитую эпитафию:

В тысяча пятьсот сорок седьмом году
Франсуа умер в Рамбуйе.
От оспы, которой он болел.

Король Франсуа, - говорит Брантом в своем панегирике Анри II, - имел много и слишком много, ибо, будучи молодым и свободным, без различия, он принимал и то и другое, и одно и другое, так как в то время не было галантного человека, который не был бы везде безразличен: поэтому он взял большой вероль, который продлил его дни. И умер он не очень старым, ибо ему было всего пятьдесят три года, а это ничто: и он, увидев себя разгоряченным и плохо ведомым этим злом, посоветовал, что, если он продолжит эту блуждающую любовь, ему будет еще хуже; и, как мудрый человек прошлого, посоветовал заниматься любовью очень мудро. По этой причине он учредил свой прекрасный двор, который посещало столько прекрасных и честных принцесс, великих дам и девиц, чья единственная вина заключалась в

том, что он защищал себя от уродливых пороков и больше не пачкал свое тело грязью прошлого, вмещал и присваивал любовь, которая не была грязной, но доброй, чистой и непорочной. И в качестве главной своей дамы и любовницы он взял, выйдя из тюрьмы, мадемуазель д'Элли..." Этот отрывок, в котором Брантом упорно придает весьма неэтичное происхождение *великому дамскому двору*, учрежденному Франциском Ier, позволяет утверждать, что прекрасная Ферроньер оставила горькие воспоминания у короля, прежде чем этот принц попал в плен в битве при Павии в 1525 году. В другом месте своих "Мемуаров" Брантом соглашается с собой и подтверждает это утверждение, когда жалеет о судьбе королевы Клод, говоря, что "король, ее муж, дал ей червя, который продлил ее дни". Королева Клод умерла в июле 1524 года в результате *плохого обращения* с ней со стороны короля. Чтобы дать полное представление о проституции при дворе Франциска Ier, необходимо дословно процитировать половину сборника "Галантные дамы" и поименно назвать тех персонажей, которых Брантом не решился назвать, рассказывая об их скандальных похождениях в своей книге. Но сегодня было бы очень трудно приподнять завесу анонимности, покрывающую большинство галантных поступков, которые сдержанный составитель приписывает то *великому принцу*, то *великой принцессе*, то *прекрасной вдове*, то *влиятельной даме*, которых он не называет иначе, несомненно, потому, что добрые языки двора были готовы восполнить его молчание. Поэтому мы не считаем полезным собирать здесь анекдоты, относящиеся к правлению Франсуа Ier и характеризующие развращенность нравов дворянства. Однако следует отметить, что, несмотря на широкое распространение разврата, на то, что замужние женщины играли в супружескую честь, а дочери перед замужеством забывали всякую скромность, среди мужчин, даже самых развратных, все же существовало возвышенное, строгое, свирепое чувство, о том, какой должна быть добродетель жены и матери. Мужья, не боясь больше осквернять чужие постели, следили за своей собственной с мечом или кинжалом в руках. Отсюда так много трагических историй, в которых незаконная или прелюбодейная любовь заканчивается ядом или ударом кинжала. Эти кровавые расправы, угрожавшие проступкам замужних женщин, возможно, не служили для того, чтобы удержать их в рамках своего долга, так как, по мнению Брантома, служили дополнительным стимулом для того, чтобы они храбрились перед опасностью и превосходили себя в искусстве обманывать своих мужей. Однако, - говорит он, проклиная этих *опасных, странных, жестоких, кровавых и мнительных* рогоносцев, которые бьют, мучают и убивают своих неверных жен, - я знал дам и их слуг, которым было все равно, потому что они (мужья) были такими же плохими, как и другие, а дамы были мужественны, и если их слугам не хватало мужества, они давали его им, тем более что чем опаснее и страшнее любое дело, тем щедрее за него следует браться и выполнять. Я встречал и других таких дам, у которых не было ни сердца, ни честолюбия, чтобы совершать что-то возвышенное, и которые занимались только низменными делами; так что, как говорится, *Lasche de coeur comme une putain*.

Читая "Галантных дам" Брантома, трудно поверить, что этот бесстыдный историограф бесстыдства придворных дам хотел всерьез доказать, что это бесстыдство ничуть не предосудительно среди *великих и честных* дам. Этот своеобразный парадокс воспроизводится в нескольких его сочинениях, где он перекладывает его на совесть различных не менее уважаемых им людей. Невозможно представить себе более странного оправдания дурным манерам двора. Так, одна шотландская дама из хорошей семьи, говорит Брантом, по имени Фламин, имевшая от Генриха II родного сына, сказала *по-французски*: "J'ai fait tant que j'ai pu que à la bonne heure je suis enceinte du roy, dont je m'en sens très-honorée et très-heureuse: И если я хочу сказать, что в королевской крови есть не знаю что более сладкое и вкусное, чем в другой, так что я нахожу себя в полном порядке, не считая хороших веточек подарков, которые из нее черпают." К этому *франкированному эскомену*

Брантом добавляет в виде комментария: "Ceste dame, avecques d'autres que j'ay ouy dire, estoient en ceste opinion, que, pour coucher avecques son roy, ce n'est pas diffame, et que putains sont celles qui s'adonnent aux petits, mais pas aux grand roys et gentilshommes." То же самое сказал один *великий человек* в Брантоме, когда обсуждал "тот же предмет" в защиту великой принцессы, которая, как известно, очень хотела *понравиться миру*, подобно солнцу, "которое дышит своим сиянием и лучами на чашку"; он заявляет, что эти неумеренности прекрасны и позволительны великим дамам, "но не другим простым дамам, будь то придворные, городские или деревенские..... И такие обычные дамы, уверенно добавляет он, должны быть постоянны и тверды, как неподвижные звезды, и ни в коем случае не изменчивы; что, когда они начинают меняться, ошибаться и варьировать в любви, они справедливо наказуемы и должны быть названы шлюхами из Бурдо, тем более что их красота, даже если она и проходима, не может распространяться на многих." После этой гениальной теории мы не должны удивляться, если одна из придворных дам, которая, несомненно, была прекрасной дамой, позавидовала свободе куртизанок Венеции: "Ах, Боже мой! сказала она одной из своих спутниц, - дай Бог, чтобы все наши доблести были доставлены туда банковским письмом и чтобы мы там жили этой куртизанкой, приятной и счастливой жизнью, к которой никто другой не может приблизиться! Брантом, который сообщает об этом факте, не может не воскликнуть: "Вот приятное и хорошее желание!" Но мы видим, что он одобряет такую великую даму.

Конечно, знаменитая римская куртизанка по имени Грека, которая, по словам Брантома, приехала во Францию, чтобы *обучать* мужей и давать уроки их женам, могла сказать им, не скандаля, этот бесчестный язык: "Наше ремесло так горячо, когда оно хорошо изучено, что один получает в сто раз больше удовольствия, демонстрируя и практикуя с несколькими, чем с одним". При дворе Франциска I^{го} не только элитные куртизанки предавались разврату, но и знатные дамы, великие принцессы, принцы церкви занимались им на зависть: кардинал Лотарингский, которого король имел *своим добрым секундантом* в вопросах галантности, взял на себя обязанность *обучать своей рукой* новых девушек и дам, прибывавших ко двору. Вот это дрессировщик!" - воскликнул Брантом, - "Не думаю, что хлопот было столько же, сколько с обучением какого-нибудь дикого жеребенка". Затем, восхваляя мудрость кардинала *в отношении дам*, он признает, что "немногие или ни один из них не вышел из этого двора женщиной и хорошей девушкой!"

- А. Racinet Fils, по мотивам Криспина де Пас.
- Друар, имп.
- Бунтарь, скульпт.

Плохое место в Голландии в XVII веке

ГЛАВА XXXII.

Sommaire.- Проституция при дворе Анри II.- Логотип *прекрасных француженок*.- Диана де Пуатье, фрейлина короля.- Шифры и уловки Дианы.- Бриссак под литаврами.- Бонниве в кабинете.- Ужасные развраты при дворе.- Развратные искусства.- Описание столов и статуй в королевском дворце.-Купе обцен.-Фигуры л'Аретена.-Библиографическое исследование этого сборника, выполненное Марком Антуаном.-Уничтожение рисунков и экземпляров книги.-Ла Сомма де Ж. Бенедикти.-Миниатюры в духе л'Аретена.-Галерея графа де Шатовиллена.

"Если сераль Анри II, говорит Соваль, была не такой большой, как у Франсуа Ier, то его двор был не менее коррумпированным". Мемуары Брантома показывают нам эту развращенность, которая не могла даже увеличиться; ведь французский двор в то время перенял и натурализовал все виды проституции и разврата, все утонченности похоти и галантности, все уроки моральной развращенности, которым он прежде завидовал у итальянских дворов. Брантом аплодировал тому, что он считал завоеванием и улучшением в интересах чувственных удовольствий: "Что касается наших прекрасных француженок, - говорит он в первой части своих "Галантных дам", - то в прошлом их видели очень грубыми и довольствующимися тем, что они делают по большой моде; Но за последние пятьдесят лет они позаимствовали и научились у других народов стольким тонкостям, любезностям, привлекательности и добродетели, одежде, красивым грациям, распущенности, или же у самих себя они так хорошо научились моде, что теперь надо сказать, что они превосходят

всех остальных во всех отношениях, и, как я слышал даже от иностранцев, они стоят гораздо больше, чем другие, помимо того, что французские слова похабства в устах французов звучат более похабно, лучше и живее, чем у других." Из этого Брантом делает вывод, что во Франции лучше заниматься любовью, чем в других странах, и в этом он опирается *на докторов любви* и придворных, которые, безусловно, отдают пальму первенства французским дамам, хотя в конечном итоге мы вынуждены признать, что "шлюхи везде и рогоносцы везде, целомудрие не обитает в одном регионе больше, чем в другом".

Однако Анри II в меньшей степени, чем Франсуа Ier, был причастен к разврату своего времени, поскольку, если он, по словам Брантома, "любил, как его отец-король и другие короли, и потворствовал дамам", то он явил своим придворным редкий пример постоянства и совершенной любви в своем романе с Дианой де Пуатье, которая была его единственной титулованной любовницей на протяжении всего его царствования. Диана была уже немолода, но все еще прекрасна; Брантом, увидевший ее в возрасте семидесяти лет, за полгода до смерти, был поражен, найдя ее "такой же прекрасной лицом, такой же свежей и такой же прекрасной, как в тридцать лет". Он добавил, что "кроме всего прочего, у нее была очень большая белизна, и она не пользовалась никакой косметикой", что наводит на мысль о том, что она использовала определенные *отвары, состоящие из питьевого золота*. Как бы то ни было, Генрих II любил ее так страстно, что не мог без нее обойтись и грустил, как только переставал ее видеть: она жила с ним так же *уединенно*, как если бы была его законной женой, и королева была вынуждена молча сносить верховенство этой соперницы, которая, тем не менее, не позволяла ей чувствовать себя униженной. Генрих II не переставал сожительствовать с королевой Екатериной, у которой, казалось, не было другой роли, кроме как родить великую череду принцев и принцесс. Диана, в свою очередь, не ревновала к этой плодовитости, которая часто отдаляла короля от супружеского ложа и обрекала беременную королеву на длительные отлучки: поэтому Диана была действительно единственной королевой при дворе, пока Екатерина Медичи не освободилась от родов. Она принимала активное участие в государственных делах, и можно сказать, что ее влияние не имело ничего плохого в политическом плане для царствования Генриха II. "Благословен тот король, - восклицал Брантом, - который находит себе хорошую, безупречную и опытную любовницу, поскольку в его власти выбрать ее удачно, ибо, будучи таковым, он и его королевство ничуть не хуже!

Однако, не обвиняя Диану де Пуатье в пагубном влиянии на придворные нравы, очевидно, что она никогда не делала ничего для их улучшения ни своим примером, ни своим влиянием на Генриха II. Ее, несомненно, вполне устраивало, что разнузданная разнузданность, царившая при дворе и имевшая тенденцию к дальнейшему развитию, оправдывала в глазах всех ее прелюбодейные связи с королем: она даже могла в какой-то степени реабилитировать свое поведение, сравнивая его с теми непомерными излишествами, которым предавались вокруг нее величайшие дамы, вопреки своему рождению и званию. Генрих II, чья любовь к фаворитке не была лишена деликатности, не жалел ничего, чтобы усилить блеск этой любви и сделать ее, так сказать, респектабельной, окружив уважением и почтением. Вот почему он повсюду поместил в украшениях своих дворцов, в Лувре, в Фонтенбло, в Мадриде и т. д. шифр Дианы, переплетенный с его собственным, а также говорящее оружие и девизы этой богини, которую он обожал. Эти знаки восторженной нежности и восхищения можно было увидеть не только во внутреннем убранстве квартир, включая апартаменты королевы, но и на фронтонах зданий, среди скульптур окон и карнизов, в завитках замков, на панелях дверей и в мозаиках мощения дворов. Это было сознательное решение - выставить анаграммы имен Дианы и Генриха на всеобщее обозрение. Никогда прежде прелюбодеяние и проституция не получали такого апофеоза.

Не только двор привык путать любовницу с королевой, но и народ был недалек от того, чтобы считать *мадам Диану* своего рода волшебницей, которая обязана своим искусством оставаться вечно молодой и красивой и чей символический полумесяц вершит судьбы Франции. Анри настолько освоился с наложничеством, которым он, казалось, гордился, что не боялся появляться на публике верхом на герцогине Валентинуа, которая обнимала его. Надо сказать, однако, что мода позволяла двум людям ездить на одной лошади. Мы не знаем, кто именно - Диана или Генрих II - заказал эмаль, на которой двое влюбленных были изображены верхом на лошади. Мы также не знаем, от кого исходил приказ умножить фигуры и эмблемы Дианы на королевских зданиях - от фаворитки или от ее возлюбленного. С некоторой долей вероятности считается, что художники, архитекторы, скульпторы, живописцы и другие, видя безумную страсть Генриха II к этой даме, решили польстить ему, используя аллегорию для увековечивания этой любви. Итальянские художники, несомненно, проявили инициативу в этой лести, которая понравилась Диане и не вызвала недовольства короля; затем французские художники подражали тому, что так хорошо получалось у их подражателей, и с тех пор во всех произведениях искусства, созданных в это царствование, стало принято воспроизводить инициалы Генриха и Дианы с полумесяцем и девизом: *Dones totum impleat orbem*. Было ли это, как уже говорилось, намеком на желание и надежду короля увидеть живот своей любовницы более округлым?

Генрих II, следуя примеру своего отца, всегда был очень осмотрителен в отношении чести дам: "Он не хотел, чтобы дамы были оскандалены или разглашены, - говорит Брантом, - поэтому он, обладавший довольно амурным характером, , когда отправлялся к дамам, шел как можно более скрытым и прикрытым, чтобы они были свободны от подозрений и клеветы". Но возможно, что король принимал столько мер предосторожности только для того, чтобы отголоски его неверности не дошли до Дианы де Пуатье, которая, со своей стороны, старалась не обнаружить его собственных. Брантом утверждает, что эта прекрасная дама в момент своего благоволения "была обязана стольким людям и стольким удовольствиям", что можно сказать, что она была *великолепна во всем*. Генрих II только посмеивался, поскольку не испытывал ревности, ведь он знал, что у Дианы есть любовники, и не давал ей соперников. Однажды, если верить Брантому и Совалю, герцогиня Валентинуа и маршал Бриссак были вместе, когда король постучал в дверь спальни. Дверь открыли только после того, как Бриссак спрятался под кроватью. Король лег в постель и предложил Диане сделать то же самое; но тот пожаловался на голод и встал. Диана, дрожа, принесла ему варенье; он съел его и вдруг бросил банку под кровать со словами: "Вот, Бриссак! Все должны жить". Затем он ушел и никогда не рассказывал об этом приключении ни Диане, ни маршалу де Бриссаку, который думал, что приближается его последний час. В аналогичных обстоятельствах Франциск Ier был менее учтив по отношению к адмиралу Бонниве. Бонниве не дождался короля, когда Франциск Ier прибыл в дом своей любовницы, которая была заперта с Бонниве. Галантный гость успел лишь спрятаться под листвой, которой был засыпан камин. Франциск Ier уложил его в постель и сделал вид, что не подозревает о присутствии третьего лица; затем он встал, под предлогом удовлетворения потребности, и направился прямо к камину, где облил мочой своего несчастного соперника, не осмелившегося воскликнуть спасибо. Но как только король ушел, дама подарила любовнику белую рубашку, надушила его волосы и бороду и сделала все возможное, чтобы он забыл о своем злключении.

Необходимо процитировать часть "Галантных дам" Брантома, чтобы охарактеризовать с помощью анекдотов проституцию, позорившую двор Генриха II. Эта проституция представляется нам столь ужасной и чудовищной, что мы охотно обвинили бы развратного рассказчика в гиперболизации, если бы он казался более возмущенным теми мерзостями, о

которых повествует; но в его рассказах столько наивности и добродушия, что мы вынуждены признать, что самые отвратительные развратные действия не имели даже привилегии поразить его и заставить покраснеть. "В то время как вдовы и женщины занимались экстравагантной любовью, - говорит Соваль, который повторяет рассказы Брантома с той степенью приличия, которой требует тема, - девушки делали то же самое; остальные поднимали лоб и теряли всякий стыд; что касается щепетильных, то многие выходили замуж за первых попавшихся людей, чтобы потом без страха развлекаться с кем им вздумается". Брантом предполагает, что в большинстве придворных браков невесты не приходили на брачное ложе девственницами и что почти все мужья знали, что их жены "были вписаны в чудовище некоторых королей, принцев, лордов, джентльменов и некоторых других". Но это лишь мелкие пакости по сравнению с кровосмешением, которое, по его словам, было весьма распространено в знатных семьях, где отец не женился на своей дочери, пока не обесчестил ее: "Я слышал, - говорит он самым спокойным тоном, - о многих других отцах, и особенно об одном очень великом, которые, покончив со своей дочерью, делали ее не более совестливой, чем петух в басне Эзопа". После таких бесчинств, о которых Брантом может писать без ужаса и отвращения, тянет увидеть лишь невинность в этой "очень красивой и благородной девице", которая сказала своему слуге: "Подождите немного, пока я выйду замуж, и вы увидите, как под этой куртиной брака, которая все скрывает, и под раздутым и непокрытым животом, мы окажемся там с пользой!"

"Что касается бесстыдниц, - говорит Соваль, - то некоторые из них упивались сладострастием до замужества, другие умели незаметно для себя развлекаться в присутствии гувернанток и даже матерей; затем, чтобы скрыть тайну, прибегали к отвратительным средствам; третьи (а это было очень распространено среди девушек и вдов) пускали в ход небольшие драгоценности, например четыре, которые Екатерина де Медичи нашла в сундуке одной из своих почетных дочерей". Именно Италия Борджиа и Медичи научила Францию всем этим обычаям, всем этим инструментам, всем этим стимуляторам проституции; именно двор всегда прикладывал руку к этим непристойным играм; именно двор, стремясь ухватиться за эти нечистые новшества, аккредитовал и популяризировал их в народе, где вскоре не осталось ничего от прежней галльской честности.

Приходится с сожалением констатировать, что искусства, чья цель должна заключаться в том, чтобы очаровывать души всем благородным и чистым, стали первыми развратителями или, по крайней мере, помощниками этого всеобщего разврата. Франциск I^и и Генрих II призвали множество итальянских художников, обладавших большим талантом, но распущенной моралью: скульпторы делали "статуи из бронзы и мрамора, как мужчин, так и женщин, богов и богинь, в которых торжествовал разврат"; художники заполняли "квартиры наших королей фресками и картинами, которые следовали за придворными, на которых были представлены вещи не только развратные, но и кровосмесительные и отвратительные". Леонардо да Винчи, Бенвенуто Челлини, Приматиччо, Николо дель Аббате, Россо и их ученики были не более сдержанны в Франции, чем в своей собственной стране, где кисть и этюдник казались соучастниками всех отклонений чувств. Величайшие художники эпохи Возрождения подчинились развращенному вкусу своих современников, и среди них наблюдалось прискорбное подражание нескромному гению. Греческие и римские приапоэ распространились повсюду в любой форме, так смело, как будто Франция стала языческой, и как будто сами женщины больше не умели краснеть.

Замки и дворцы королей, увеселительные дома принцев и принцесс, особняки лордов, дома частных лиц были заселены фресками и непристойными картинами: Набросаем некоторые из этих картин, - говорит Соваль, который все еще мог их видеть, - здесь мужчины и боги,

полностью обнаженные, танцуют и делают нечто худшее с женщинами и богинями, полностью обнаженными; там некоторые выставляют на обозрение своих любовников то, что природа взяла на себя столько труда, чтобы скрыть; В нескольких местах мы видим Ганимеда, Сафоса и ласок (*sic*); богов и мужчин, женщин и богинь, которые возмущают природу и погружаются в самые чудовищные распутства". После этого нас не должны удивлять кровосмешения и мерзости, которые происходили во времена правления Карла IX и Анри III". Соваль добавляет, что в Фонтенбло комнаты, залы и галереи были полны этих эротических картин, и что королева Анна Австрийская сожгла их за более ста тысяч экю, когда стала регентом в 1643 году.

Те же сюжеты были изображены на барельефах в квартирах и в садах королевских домов; они также встречались на гобеленах и на всех предметах обстановки. Брантом в своей книге "Галантные дамы" посвящает несколько страниц, несомненно, очень занимательных, рассказу о "речах, мечтах, минах и прихотях" придворных дам и девиц, которых заставляли пить из серебряного позолоченного кубка, украшенного непристойными фигурами. Этот кубок, очень известный в то время, принадлежал одному принцу, который развлекался тем, что давал его в руки тем, кого развлекал за своим столом. По словам Брантома, это был шедевр искусства и *великое произведение*, "лучшее из выгравированных и подписанных, что можно было увидеть; на нем были вырезаны очень красиво и тонко буравом несколько фигур Арэтина, мужчины и женщины, и это на дне кубка, а выше и на вершине несколько ауссий различных манер сожительства зверей". Комментарии пьющих женщин, о которых подробно рассказывает Брантом, не бесполезны, чтобы показать нам наглость придворных дам: "Некоторые, когда их спросили, над чем им смеяться и что у них есть, сказали, что они не видели ничего, кроме картин, и что за это они не позволяют пить в другой раз; другие сказали: "Что касается меня, я не думаю об этом в плохом смысле; вью и картины не пятнают душу". Другие говорили: "Хорошее вино здесь так же хорошо, как и везде". Иные утверждали, что пить здесь так же хорошо, как и в любом другом кубке, и что жажда здесь так же хороша; некоторых мы спрашивали, почему они открывают глаза, когда пьют: они отвечали, что хотят посмотреть, что пьют, боясь, что это не вино, а какое-нибудь лекарство или яд. Когда других спрашивали, что им больше всего нравится - видеть или пить, они отвечали: "Все". Одни говорили: "Это прекрасные гротески! Другие: "Voilà de plaisantes tomeries!". Одни говорили: "Вот прекрасные картины!" Другие: "Voilà de beaux miroirs!". Очевидно, Брантом хотел подражать *разговорам пирующих*, которые наполняют одну из самых счастливых глав "Гаргантюа" Рабле.

По этому анекдоту можно судить, что фигурки Арэтена были не менее известны во Франции, чем в Италии. Вполне вероятно даже, что оригиналы этих печально известных фигур были тайно привезены в Париж после правления Франциска I^{эри} и оставались там до XVII века, когда их уничтожил один из торговцев печатной продукцией. Мы знаем, что коллекция из шестнадцати непристойных фигур, выгравированная в Болонье знаменитым Марком-Антуаном Раймонди, по рисункам Жюль Ромена, должна была вскоре появиться, сопровождаемая шестнадцатью позорными итальянскими сонетами Пьера Аретино, под названием: *De omnibus Veneris schematibus*, когда папа Климент VII арестовал гравера, посадил его в тюрьму и подверг опасности быть повешенным или сожженным заживо; но Петр Медичи спас ему жизнь по просьбе Аретино, который не был привлечен к ответственности и, более того, находился в безопасности в Венеции. Что касается художника, то он был бы привлечен к суду, если бы не укрылся в Мантуе, где ждал прощения от папы. Было сделано лишь небольшое количество гравюр, которые оспаривали крупные лорды Рима и даже несколько кардиналов; но медные пластины исчезли, и папское правосудие не смогло их изъять. По всей видимости, они были вывезены во Францию и

использованы для нескольких последовательных изданий, которых едва хватало для разнузданного либертинизма XVI века, но которые, к счастью, не оставили следов, ведь судьба этих отвратительных книг - не пережить того, кто ими владеет. Именно поэтому существование оригинальных гравюр часто оспаривалось и ставилось под сомнение; но свидетельство Брантома, похоже, подтверждает его: "Я знаю, - говорит он, - одного хорошего парижского либрайра, которого зовут Бернардо, родителя великого Альдуса Мануция, венецианца, имеющего свой бутик на улице Сен-Жак, который говорил мне и говорил, что за два года он продал более девяти десятков экземпляров гравюр Арретина людям, как марийским, так и не марийским", и женщинам, из которых он назвал трех со всего мира, великих женщин, которых я не назову, и предоставил их самим себе и очень хорошо связанным, под клятвой, что он не скажет ни слова."

По крайней мере, весьма вероятно, что этот *мессер Бернардо* (Бернардин Торресано или Туризан) обладал настоящими табличками Марка Антония около 1580 года и что он получил их из поместья Мануциев, поскольку эти медные таблички, которые папская полиция не смогла обнаружить во время уголовного процесса над гравером, несомненно, были отправлены в Венецию, где публикация самых позорных книг и гравюр не встречала в то время судебного противодействия, настолько свободными, или скорее разнузданными, были нравы в этом городе. Сыновья великого Альдуса Мануция печатали и издавали без отвращения мерзкие сочинения своего друга Пьетро Арэтино: несомненно, именно они выпустили итальянское издание сборника *De variis Veneris schematibus*; но все экземпляры этого издания давно исчезли, сожженные в интересах семей после смерти владельцев книги или уничтоженные по приказу властей. Что касается французского издания Бернардена Туризана, то, хотя оно и более многочисленно, чем другие, большинство из них также погибло в руках тех, кто ими пользовался. Строгие правила, регулирующие деятельность книжных магазинов во Франции в семнадцатого века, несомненно, не позволили переиздать оригинальные гравюры, и они остались погребенными в какой-нибудь старой коллекции образов. Хотя в те времена непристойные произведения часто продавались под покровом ночи, "Фигуры" Арэтена были слишком хорошо известны магистратам, чтобы книготорговец осмелился распространять их копии.

Однако, похоже, что анонимная рука добавила четыре листа к шестнадцати, которые Марк Антоний гравировал после Юлия Римского. Мы можем предположить, что эти четыре новые пластины были сделаны по рисункам того же художника и, возможно, того же гравера, поскольку в письме от 29 ноября 1527 года Пьер Аретэн отправил господину Сезару Фрегосо: *Il libro de i sonetti e de le figure lussuose*. Теперь сонетов стало больше, чем шестнадцать, а значит, больше, чем шестнадцать фигур. Первоначальное число сонетов было шестнадцать, но это число последовательно увеличивалось, и всегда, как мы полагаем, под вдохновением Аретина, который имел бесстыдную гордость, желая превзойти древнее распутство, поскольку книга Элефантиды содержала только девять фигур, как говорит нам Марциал (*Sunt illic Veneris novem figuræ*. Epigr. 43 из книги XII). На этом Аретин не остановился, и число фигур было увеличено до тридцати пяти; об этом он сам рассказывает в своем знаменитом диалоге *Putana errante*, где он докторски разбирает *i diversi congiungimenti*. Со времени "Арэтена" его работа была дополнена тридцатью шестой и последней фигурой, и коллекция, увеличенная таким образом, стала известна в народе под названием "Трент-шесть маньеристов Арэтена". Тем не менее ученый Грос де Бозе, который, будучи академиком, включил "*Корону и кацци*" в большой Каталог своей прекрасной библиотеки, то ли потому, что обладал этой подделкой оригинальной книги, то ли просто надеясь получить ее, насчитал в этой книге всего двадцать три сонета и, соответственно, двадцать три фигуры.

Их было всего двадцать, когда их видел Фелибьен и когда вскоре после этого гравер Жоллен сломал медные пластины. Вазари в своей "Жизни художников" упоминает только двадцать фигур. Шевилье рассказывает (Origine de l'imprimerie de Paris, p. 224), что честный Жоллен, узнав, где находятся эти позорные пластины, купил их за сто экю, "с намерением уничтожить их", и действительно уничтожил, не сделав ни одного доказательства. Он всегда считал, - добавляет Шевилье, - что уничтожил оригинальные пластины, выгравированные Марком Антуаном". Удивительно, что этот сборник, который во времена Брантома не был редкостью, поскольку один парижский книготорговец не боялся продать пятьдесят экземпляров менее чем за год, стал абсолютно недоступным. На наш взгляд, именно в этом кроется причина полного исчезновения экземпляров, которые циркулировали во Франции и Италии в XVI веке. Как только человеку грозила смерть, извещали священника, который приходил, чтобы помочь умирающему, принять исповедь и совершить последний обряд. Священник, в силу своих церковных полномочий, заставлял умирающего передать ему все нечестивые, еретические или непристойные книги, которые могли у него быть. В противном случае духовник забирал их домой и уничтожал. Понятно, что эти книги, даже если священник их сохранил, не должны были его пережить. Эта война с запрещенными книгами была задумана католическим духовенством с самого начала Реформации, которое нападало на Мессу и Папу прежде всего через книги. Она стала тайной заповедью всего католицизма, которой исповедники в крайних случаях следуют до сих пор. В результате гетеродоксальные труды Кальвина, в том числе его "Институция христианской религии", стали почти такой же редкостью, как скандальные "Фигуры Аретины".

Брантом делает богословское отступление на тему этих фигур, которые он хорошо знал, и доказывает, что бретонский кордельер Жан Бенедикти, написавший около того времени свою догматическую и исповедальную книгу, также знал их. Мы знаем, что эта книга, переведенная и напечатанная на французском языке в Лионе в 1581 году под названием *La Somme des réchés et le remède d'iceux*, не менее полна мусора, чем знаменитый сборник, который он, похоже, рецензирует в главе о похоти. Брантом, говоря, что кордельер Бенедикти "очень хорошо написал обо всех грехах и показал, что он много видел и читал", кажется, не более скандален этой "Суммой", чем аретинскими фигурами. "Все эти формы и позы, - говорит он, - омерзительны для Бога, настолько, что святой Иеросмей сказал: "Тот, кто показывает себя более любящим свою жену, чем мужа, является прелюбодеем и грешит"". И поскольку некоторые церковные врачи говорили об этом, я скажу это слово кратко латинскими словами, так как они сами не хотели говорить его по-французски: *Excessus*, говорят они, *conjugum fit, quando uxor cognoscitur ante retro, stando, sedendo a latere, et mulier super virum*". Трактат Бенедикти в то время, когда он появился, был призван просветить молодых исповедников относительно некоторых грехов, которые были новыми в старом каталоге случаев совести, и которые затем ежедневно возвращались в суд покаяния.

Гражданские власти закрывали глаза на пластиковые непристойности, которые можно было безнаказанно исполнять, продавать, обладать и даже выставлять на всеобщее обозрение. Во Франции XVI века ни один художник или гравер эротических сюжетов не был наказан, в то время как, по словам Брантома, Сикст V повесил секретаря кардинала д'Эсте по имени Капелла за то, что тот изобразил любовные похождения великой и прекрасной дамы Рима. Непристойные художники подвергались меньшему риску при французском дворе. Брантом упоминает одного из них, хотя и не называет его имени, который во времена Генриха III творил гораздо хуже Капеллы: "Один господин, которого я слышал по имени и знал, однажды подарил своей госпоже книгу картин, в которой было тридцать две придворные дамы высокого и среднего ранга, нарисованные *au naturel*, лежащими и играющими со своими слугами, нарисованными одинаково и в наивной манере. У некоторых было по два-три слуги,

у кого-то больше, у кого-то меньше. И эти тридцать две дамы представляли собой более семидесяти фигур Арэтена, все разные. Фигуры были изображены так хорошо и естественно, что казалось, будто они говорят и делают это: одни раздеты и обнажены, другие одеты, в тех же платьях, плащах, накидках и одеждах, которые они носили и в которых их иногда видели. Мужчины - все одинаковые. Короче говоря, эта книга была так любопытно раскрашена и сделана, что и говорить нечего: кроме того, она стояла от восьми до девятисот эскуза и была вся освещена". Брантом сообщает, что вид этой книги с картинками оказывал опасное воздействие на женщин, которые развлекались ее разглядыванием: он цитирует одну из них, которая "была так восхищена и вошла в такой экстаз любви и пылкого желания", что не могла видеть дальше четвертой страницы, а на пятой потеряла сознание. К чести дам, нам хочется верить, что причиной ее обморока был стыд.

В другом месте "Dames galantes" Брантом говорит об этих развратных картинах, которые стали входить в моду во времена правления Франциска I: "Telles peintures et tableaux", - говорит он с большим основанием и приличием, чем обычно, - "portent plus de nuisance à une ame fragile, qu'on ne pense". Граф Шатовиллен имел в своей галерее, среди редких и прекрасных картин, составлявших ее, одну из этих либидинозных картин, "где изображены прекрасные дамы, которые стоят в ванне, которые трогают друг друга, ощупывают себя, обрабатывают и натирают себя, перемешиваются, дегустируют себя, и которые, кроме того, делают друг другу прически так мило и так аккуратно, показывая все, что холодный затворник или отшельник был бы согрет и тронут этим." Также одна придворная дама, посетившая эту галерею и остановившаяся перед этой картиной, сказала своему возлюбленному: "Слишком долго здесь оставаться! Давайте скорее сядем в карету и поедем ко мне домой, ибо я больше не могу сдерживать этот пыл: его нужно погасить. Слишком жарко!" Именно мужья были виноваты в проституции своих жен, поскольку не жалели ничего, чтобы развратить их. "Aucuns, - говорит Брантом, - bourdellent plus avecques leurs femmes, que non pas les ruffiens avec les putains des bourdeaux". Они не стеснялись вводить в свои дома эти книги, эти гравюры, эти непристойные картины, которые превращали самую чистую жену в бесстыдную куртизанку и предлагали энергичные стимулы к прелюбодеянию. Сегодня, - писал Брантом в конце правления Анри III, - нет нужды ни в этих книгах, ни в этих картинах, потому что мужья так многому их учат, и теперь используются такие школы мужей! Несомненно, что слишком часто мужья сами давали своим женам книгу *фигур* Арэтена в качестве часовых книг. Брантом приводит слова одной *красивой и честной* дамы, у которой она хранилась в кабинете: влюбленный в нее кавалер не успел узнать об этом обстоятельстве, как предрек успех своей любви, и действительно, "он забрал ее, увидев в ней хорошие уроки и практику".

Что еще можно сказать об ужасающем распутстве того времени, когда на брачном ложе не было даже скромных завес? Однако именно в это время многие щепетильные люди, принадлежавшие, правда, к средним слоям общества, стирали или удаляли из книг грязные или бесчестные места, вырывали непристойные гравюры или замазывали чернилами наготу: отсюда так много неполных или изуродованных томов, свидетельствующих о целомудренной и добродетельной цензуре их бывших читателей или владельцев.

ГЛАВА XXXIII.

Краткое содержание.- Проституция в политике Екатерины Медичи.- *Летучий эскадрон королевы*.- Портреты почетных дам работы Брантома.- *Пасквиль* прекрасной Лимей.- Разврат дам и ласки.- Рассуждения о поясах целомудрия.- Их происхождение.- Их появление на Сен-

Жерменской ярмарке.-Коррупция при дворе, которой благоволила Екатерина Медичи.-Карл IX и Мария Туше.-Инцест с королевой *Марго*.-Сен-Бартелеми.-Великий кардинал Лотарингский и королева-мать.-Банкет в Шенонсо.-Свадьба ювелира Марселя.-Развратный язык.-Поэзия капитана Ласфриза.

Правление Екатерины Медичи, то есть трех ее сыновей - Франсуа II, Карла IX и Анри III, которые, в свою очередь, были королями под ее опекой и регентством. Это долгое правление, наполненное гражданскими войнами, религиозными беспорядками и кровавыми расправами, представляет нам новый этап в истории проституции. Екатерина де Медичи придумала применить проституцию в политике: она использовала ее как оружие, чтобы победить своих врагов; она использовала ее как наркотик, чтобы усыпить их, как цепь, чтобы сковать их, как яд, чтобы уничтожить их. Пожалуй, никогда еще безнравственность не прибегала к таким изыскам; никогда еще искусство управления людьми не прибегало к таким позорным средствам. Сам Макиавелли постыдился бы устанавливать в качестве постоянной системы то, что до сих пор было не более чем исключительной случайностью в политике. Но именно Екатерина Медичи впервые, по крайней мере, при французском дворе, получила в свое распоряжение дочерей, обученных и хорошо подготовленных, чтобы в случае необходимости стать нечистыми орудиями ее политических замыслов.

Всеобщая коррупция при дворе в это время - факт, который бессмысленно доказывать примерами: эта коррупция, которой Екатерина де Медичи не способствовала лично, не была, как говорит Бейль (*Œuvres*, t. II, p. 17), следствием политики этой королевы, поскольку ее муж, Анри II, не оставил ей ничего в этом отношении, но она использовала ее в интересах своего макиавеллистского правительства. "До этого царствования, - пишет Мезьерэ в своем "Абрисе хронологии истории Франции", - именно мужчины своим примером и уговорами привлекали женщин к галантности; но с тех пор, как любовные похождения стали главной частью государственных интриг и тайн, именно женщины пошли впереди мужчин". Возможно, именно это изменение в галантной стратегии Екатерина де Медичи очень умело преподавала дамам и демуазелям, составлявшим ее двор и входившим в *группу*, которая тогда называлась "*Летучий эскадрон королевы*". Екатерина еще при жизни мужа научилась этой новой тактике, когда, не имея еще детей и опасаясь отречения, *завоевала*, по словам Анри Этьенна, прекрасную Диану де Пуатье, "чтобы та сохранила милость к месье Дофину, своему мужу, и не стыдилась быть маккарелью для достижения своего намерения". (*Voy. Disc. merveilleux de la vie, actions et déportements de Cath. de Médicis*).

Нам не хватает точных сведений об этой знаменитой *летучей эскадрилье*, о которой мы знаем лишь по некоторым ее подвигам. Но все историки согласны с его существованием, если не с его эротической организацией, и Брантом, , который более сдержан, чем обычно, в этом деликатном вопросе, говорит достаточно, чтобы мы могли оценить все услуги, которые дочери королевы-матери могли оказать ее политике. "Один известный прелат нашего двора уверяет нас, - говорит Соваль, - что у Екатерины де Медичи был целый сераль кокеток, которых она таскала за собой, как множество пичужек, чтобы выведать из сердец принцев и лордов королевства их самые тайные мысли; что эти афетки так успешно развращали лидеров партий в 1579 году, и особенно Анри IV, что затем вовлекали своей хитростью религиозных деятелей в новую гражданскую войну, которую называли *войной влюбленных*". *Знаменитый прелат*, на которого ссылается Соваль, был не кто иной, как Брантом, который, несомненно, поведал о подвигах *Летучей эскадры* в мемуарах, которыми мы больше не располагаем. В тех, которыми мы располагаем, несомненно, содержится множество анекдотов, связанных с *дамами и девушками*, которых Екатерина зачислила в это амурное ополчение; но он извиняется за то, что не назвал героинь добрых историй, собранных им в

его "Dames galantes": "Я говорю о некоторых, - говорит он, - о которых я надеюсь, что до моего отъезда в этой книге появится несколько хороших историй, но все это так скромно и без остановки, что ничего не будет замечено, ибо все будет скрыто под занавесом молчания их имен, по возможности никто из тех, кто будет читать рассказы о себе, не будет жалеть, ибо поскольку удовольствие от любви не всегда может длиться долго, за многими неудобствами, препятствиями и переменами, по крайней мере, память о старом прошлом еще довольна."

Брантом, однако, не преминул перечислить в своих "Именитых дамах" дам и девиц, придававших, по его мнению, столько блеска двору королевы-матери; затем он обращается к ним всем вместе с похвалой, способной заставить покраснеть тех, кто сохранил бы остатки скромности. "Всю эту компанию, которую я только что назвал, - говорит он, - ничто не могло отнять у них в их время, ибо вся красота изобиловала, все величие, вся доброта, все благоволение, и счастлив был тот, кто мог быть тронут любовью таких дам, и счастлив был также тот, кто мог от нее *спастись*. И клянусь вам, что я не назвал ни одной из этих дам и девиц, которая не была бы очень красивой, приятной и благовоспитанной, и все они были бы достаточно хороши, чтобы поджечь всех. Кроме того, пока они находились в прекрасном возрасте, ими хорошо пользовались, как мы, господа придворные, так и другие, кто приближался к их кострам; также со многими они были нежны, приветливы, благосклонны и обходительны". Ранее Брантом тщательно разъяснял, что он подразумевает под любезностью этих прекрасных женщин: "Aussy, crois-je que le meilleur temps qu'elles ont eu jamais, and qu'on leur demande, c'est quand elles estoient filles, car elles avoient leur libéral arbitre pour estre religieuses, aussy bien de Vénus que de Diane, mais qu'elles avoient de la sagesse et de l'habileté et scavoir pour engarder l'enflurement du ventre".

Именно этого требовала от них королева, и, несомненно, эта искусная и ученая королева научила их всем *правильным приемам*, чтобы избежать несчастья войны. Но факт остается фактом: она была безжалостна, когда случилось это несчастье. Так, она изгнала со двора мадемуазель де Лимей, самую красивую из фрейлин, которая "не жалела ничего, чтобы служить своей госпоже", говорит Мезьерэ, но которая, соблазнив и заковав в цепи принца де Конде, лидера протестантской партии, имела глупость оказаться "неудобной в течение девяти месяцев", говорит серьезный Мезьерэ, и в один прекрасный день ушла рожать в гардероб королевы-матери. Об этом приключении был написан латинский пасквиль, который начинается следующим образом:

Puella ista nobilis,
Quæ erat amabilis
Совершила прелюбодеяние
Et nuper fecit filium;
Sed dicunt matrem reginam
Illi fuisse Lucinam.
Et quod hoc patiebatur
Ut principem lucraretur:
At multi dicunt quod pater
Non est princeps, sed est alter...

В книге Discours merveilleux de la vie de Catherine de Médicis сообщается, что когда принц де Конде был пленником при французском дворе в 1561 году, демауазель де Лимей была одной из дочерей, которых королева "отдала ему на растерзание, поскольку честолюбие находит все дозволенным, если оно достигает своих целей". Кроме того, когда королева хотела

упрекнуть его за несчастный случай в 1564 году, "Лимей был достаточно смел, чтобы сказать ей, что в этом она последовала примеру своей госпожи и выполнила ее приказ".

Мадемуазель дю Руэ, спутница и подруга мадемуазель де Лимей, сыграла свою *роль* лучше, когда королева попросила ее взять с собой короля Наваррского и, по выражению Анри Эстьенна, "тщательно развлекать его придворными удовольствиями". По словам д'Обинье в "Исповеди де Санси", это была своего рода рыбалка сетями, которую Екатерина де Медичи направила в море политики: "Когда вода перестала быть мутной, они ловили спящую рыбу: для этого не жалели корпуса из Леванта, которые поставляют фармацевты Италии. Были взяты некоторые из самых тяжелых людей, такие как маршалы Монморанси и Коссе. После этого крупные рыбы шли на нерест: Антуан де Бурбон, король Наварры, был пойман Руэ, Луи де Бурбон - Лимеуи, но последний, будучи энергичным, почувствовав, что его поймали, порвал сети и сбежал. Некоторые рыбы теряются вслед за дельфинами, как и собаки, щука, макрель и все меню придворных".

Можно догадаться, что в этой *компании* дам и девушек, насчитывавшей две или три сотни человек, живших вместе и не отходивших друг от друга ни днем, ни ночью, разврат нравов не замедлил уступить место самым скандальным распутствам, которые не были настолько тайными, что Брантом старался не раскрывать и даже оправдывать их в своих *Dames galantes*. Соваль лишь упоминает, насколько это возможно приличия ради, о тех мерзостях, которые историограф "*Dames galantes*" с удовольствием описывает в подробностях со свойственным ему цинизмом: "Подобно тому, как мужчины нашли способ обходиться без женщин, - говорит Соваль, - женщины нашли способ обходиться без мужчин. Великая принцесса любила одну из своих фрейлин, потому что та была гермафродитом. Париж, как и двор, изобиловал лесбиянками, которых мужья любили тем больше, что жили с ними без ревности. Одни, не скрывая этого, питались ласками, которые древние использовали как иероглифы для обозначения трибад; другие согревались со своими поклонниками, не желая, однако, им угодить, а затем приходили освежиться или скорее одурманиться со своими спутницами. В конце концов, эта прекрасная жизнь доставляла некоторым из них такое удовольствие, что они не хотели жениться и не позволяли своим партнерам жениться. (*Amours des rois de France*, ed. in-12, 1739, p. 115.) Однако Брантом не говорит, что лесбиянки французского двора *кормили* ласок; мы не знаем, с какой целью; он говорит лишь, что эти маленькие животные были в древности символом *женской любви*, с которой, добавляет он, "обращаются двумя способами: одни - фрикарелями, другие, как говорит поэт, *geminos committere cunnos*. Этот способ не приносит вреда, говорят некоторые, как, например, когда используют инструменты, сделанные из ..., но которые хотели назвать *godemichys*", слово, образованное из двух латинских слов: *Gaude mihi*.

Брантом, продемонстрировав свою классическую эрудицию в вопросе, который тогда был не менее распространен, чем в греческой и римской античности, серьезно задается вопросом, могут ли две дамы, "влюбленные друг в друга, как это было видно и часто наблюдается сегодня, лежащие вместе и занимающиеся тем, что называется *donna con donna*, в подражание ученой лесбиянке Сафо, совершить прелюбодеяние и сделать своих мужей рогоносцами". Затем он приводит несколько примеров в поддержку своего мнения, которое, похоже, не совпадает с мнением Марциала: "Вот прекрасный случай, - говорит он, - что там, где нет мужчины, есть прелюбодеяние!" Нам не хватает латыни, чтобы воспроизвести виновные оргии французских лесбиянок, к которым Брантом относится снисходительно, особенно в некоторых случаях: "Encore excuse-t-on, - говорит он, - les filles et femmes veuves, pour aimer ces plaisirs frivoles et vains, ayants bien mieux s'y adonner et en passer leurs chaleurs, que d'aller aux hommes et se faire engrosser et se déshonorer, ou de faire perdre leur fruit, comme plusieurs ont fait et font; et ont opinion qu'elles n'en offensent pas tant

Dieu et n'en sont pas tant putains comme avecques les hommes." Брантом в этой запутанной главе, которую он мог бы *сделать в тысячу раз длиннее*, чем сделал, не называет ни одной из дам, которые предавались этим позорным *фрикареллам*, но предполагает, что дочери королев-матери и принцессы крови были склонны развращать друг друга. Он рассказывает, что этот господин, "будучи маленьким мальчиком" и разделяя в то время занятия молодого герцога Анжуйского, который впоследствии стал Анри III, однажды увидел сквозь щели в перегородке двух *очень высоких дам*, которые "проводили время таким образом". К развратным обстоятельствам своего рассказа он добавляет: "Я слышал о нескольких других людях, которые занимались такими же любовными делами, и среди них я слышал об одной из всех, которая была очень превосходна в этом и которая имела несколько дам, почитала их и служила им больше, чем мужчинам, и занималась с ними любовью, как мужчина со своей любовницей; а если она брала их с собой, то кормила их огнем и серой и давала им все, что они хотели. Ее муж был очень счастлив и доволен этим, как и многие другие мужья, которых я видел, и которые были очень рады, что их жены занимаются такой любовью, а не мужской, поскольку не считали своих жен такими сумасшедшими или шлюхами. Но я думаю, что они сильно ошибаются; ведь это небольшое упражнение, как я слышал, является лишь ученичеством, чтобы прийти к такому великому из мужчин".

Удивительно, что посреди этих отвратительных вспышек, для которых уже не существовало никаких моральных или религиозных барьеров, мужья все еще беспокоились о своей супружеской чести. Однако факт остается фактом: эти мужья, те самые, которые вели самую беспутную молодость и наносили наибольший урон добродетели своих жен, как правило, были очень нелюбезны сами и брали на себя обязанность защищать и оберегать дома то, что так часто отнимали у других. Это приводило к яростной ревности и страшным расправам, которые только усиливали женскую смелость и хитрость. Брантом в первом рассуждении своей книги "Dames galantes", озаглавленном "*De l'amour de plusieurs dames mariées et qu'elles n'en sont si blasmables*", как *говорится*, хотел написать летопись великих *рогоносцев* XVI века, и мы вынуждены признать, что, несмотря на эту всеобщую развращенность, честь брака была более священной, если не более охраняемой, чем в менее распутные времена. Мужья были тем более ревнивы, что у них было больше оснований для этого, а поскольку их никогда не жалели за их несчастья, они проявляли себя более мстительными и жестокими по отношению к своим неверным женам; Это объясняет, почему введение поясов целомудрия или висячих замков во Франции произошло публично во время правления Генриха III, несомненно, по совету некоторых итальянцев при дворе, которые знали, что в их стране используется метод запирания женской добродетели, как сокровища.

Нет ничего более достоверного, чем факт введения итальянской моды, существовавшей в основном в Венеции на протяжении нескольких столетий и пришедшей туда с Востока. Вероятно, крестовые походы также завезли во Францию одиозный обычай, который не мог сочетаться с тем уважением, которое наши предки питали к дамам. Тем не менее, этот обычай восходит к глубокой древности и, возможно, сохранился у народов, чья религия поддерживала рабство женщин. Но "столь духовная нация, как наша", по остроумному выражению графа де Лабурда (Notice des émaux, bijoux et objets divers du Musée du Louvre, t. II, p. 197), несомненно, с презрением отвергала это позорное орудие тирании и рабства. Однако, судя по всему, пояс целомудрия сохранялся, в виде исключения, в обычаях самого утонченного рыцарства, и если муж не навязывал его жене, мать - дочери, брат - сестре, то *любовница* сама принимала его как символ верности, поскольку предлагала ключ своему *другу*, своему любовнику. Это был один из тех *трюмо*, которые дамы и их слуги дарили друг другу, чтобы проверить постоянство и *надежность* своей любви. *Предохранительный* пояс, вместо того чтобы быть возмутительным и позорным, стал нежным доказательством нежной

преданности. На наш взгляд, это самое естественное объяснение, которое можно дать нескольким местам в стихах и письмах Гийома де Машо, связанным с *сокровищами*, ключ от которых дала ему его любовница, Аньес де Наваррская.

Месье граф де Лаборд, который цитирует эти любопытные отрывки, не верит, что речь идет о *сокровищах* в виде пояса целомудрия. Однако вот как поэт XV века рассказывает о том, что у него был ключ от *сокровищ* мадам Аньес:

Adonc, la belle m'accola...
Si attingny une clavette
Из золота, и сделана рукой мастера,
И сказал: "Ceste clef porteez",
Амис, и охраняй его хорошо,
Ибо это ключ к моим сокровищам.
Я делаю тебя властелином его из золота;
И, прежде всего, ты будешь его хозяином,
И если ты любишь его больше, чем мой глаз,
Ведь в ней мое счастье, в ней мое богатство,
Вот на что я могу быть щедра!"

Аньес де Наваррская в письме к Гийому де Машо дает ему рекомендации, которые не имели бы смысла, если бы эти *сокровища* не были тем, чем мы их считаем: "Пожалуйста, не теряйте ключ от сейфа, который у меня есть, ибо если бы он был потерян, я не верю, что когда-нибудь смогу обрести совершенную радость; ибо, Боже! ни один ключ не может быть отперт, кроме того, который есть у вас, и это произойдет, когда вам будет угодно, потому что в этом мире у меня нет такого большого желания к чему-либо". Эта цитата и другие, столь же явные, не мешают мсье де Лаборду отрицать подлинность поясов целомудрия, которые можно найти в шкафах некоторых энтузиастов: "В такого рода необычных, - говорит он с рассеянностью, которая слишком очевидна, чтобы кто-нибудь подумал упрекнуть его в недостатке эрудиции, - человек вполне силен, когда у него есть перо Брантома".

"Во времена короля Генриха, - рассказывает Брантом в своих "Галантных дамах", - жил некий квинквельер, который привез на ярмарку в Сен-Жермен дюжину приспособлений для умирения женщин, которые были сделаны из железа и подпоясаны, как ремнем, Они были сделаны из железа и подпоясаны, как ремень, их нужно было взять за низ и запереть, причем сделаны они были так тонко, что женщина, будучи однажды уздана, не могла никогда воспользоваться этим болезненным удовольствием, имея лишь несколько маленьких отверстий, служащих для мочеиспускания." Описание этих ремней слишком точно, чтобы их не делали *визуально*, и Брантом, сообщая об этом факте, не кажется изумленным, как будто эта вещь была для него в новинку. Он добавляет, что "многие галланцы, честные господа при дворе", угрожали этому проклятому торговцу скобяными изделиями смертью, если он будет продолжать делать и продавать эти столь вредные для них *приспособления*, и заставили его выбросить все оставшиеся в уборные. Что касается анекдота о жене, которая продалась слесарю, чтобы получить двойной ключ для замка, который, как думал ее муж, он мог открыть самостоятельно, то это, вероятно, одна из тех приятных историй, которые стали распространяться при дворе благодаря появлению ремней. Как бы то ни было, хотя торговец скобяными изделиями на Сен-Жерменской ярмарке пожертвовал некоторыми из своих *приспособлений*, модель не пропала, и их продолжали тайно изготавливать для использования некоторыми ревнивыми мужьями, которые не стеснялись вести себя со своими женами, как работоторговцы в Турции. Насмешки, впрочем, вполне оправдывали это бесчестное изобретение, и лишь очень небольшое число ревнивых мужей осмеливалось

призывать на помощь ремни и висячие замки, что по французским законам считалось серьезным злоупотреблением со стороны мужа по отношению к жене. Однако примеры этих странных лишений свободы можно найти еще в середине XVIII века, когда адвокат Фрейдые выступил в парламенте от имени замужней женщины, обвинявшей мужа в том, что он подвергает ее этому позорному обращению. (См. его *Plaidoyer contre l'introduction des cadenas ou ceintures de chasteté*, Montpellier, 1750, in-8, с рисунком, изображающим висячий замок).

Конечно, итальянские привычки должны были хорошо укорениться во Франции к тому времени, чтобы кто-то осмелился выставить такие предметы на публичную продажу, а тем более, чтобы кто-то осмелился их купить и использовать. В отдельной главе мы увидим, до какой степени влияние Италии извратило нравы людей при дворе Валуа, но мы также отметим, к чести нашей страны, что эти пороки почти никогда не покидали пределов двора и обычно отвергались, осуждались и проклипались французской галантностью. В те времена только двор был театром и вмещалищем всех самых отвратительных пороков. Екатерина де Медичи рассудила, что эта нерегулируемая и безудержная коррупция служит интересам ее политики, смягчая самые твердые характеры и унижая самые благородные сердца; но тем самым она дала врагам своего правительства, *тем, кого называли религиозниками*, огромную силу и страшное оружие; ведь Реформация, подняв знамя восстания против королевской власти и *папизма*, могла с полным основанием сказать народу, что целью этой священной войны является уничтожение Содома и Гоморры. Таким образом, народ научился презирать и ненавидеть великих; он верил всем слухам, правдивым или ложным, которые, как эхо, разносились от двора; он больше не был равнодушен к личной жизни принцев и придворных; он считал, что имеет право привлекать их к суду, и объявил Генриха III низложенным, когда Лига заставила его взяться за оружие под предлогом защиты морали и религии его предков. Поэтому можно утверждать, что если Екатерина де Медичи прибегала к проституции, чтобы управлять страной, то именно проституция, опозорив короля и двор Франции, привела к великому народному восстанию Лиги.

Мы, однако, не хотим верить во все те мерзости, которые реформатские писатели приписывают своему непримиримому врагу Екатерине де Медичи; так, нам кажется невозможным, чтобы эта королева сама, с политическими намерениями, развращала нравы своих четырех сыновей и трех дочерей. Екатерина, как бы ни была она честолюбива, была нежной и преданной матерью. Ее переписка показывает, что она не имела ничего более важного, чем укрепление королевской власти в доме Валуа; если она всегда царствовала под именем своих сыновей, то только потому, что чувствовала себя более способной, чем они, управлять делами и поддерживать трон, на который они садились один за другим. Она была глубоко опечалена тем, что ни один из четырех сыновей, которые, казалось бы, должны были обещать ей многочисленное потомство, не стал королем и не продолжил род Генриха II. Поэтому нельзя считать вероятным фактом, что она, так сказать, собственными руками иссушила источники наследственности в своей семье. В некоторых злобных пасквилях утверждалось, что она не дожидалась, пока ее дети достигнут половой зрелости, прежде чем их к самой отвратительной форме проституции: согласно этим анонимным памфлетистам, своими ужасными расстройками она сильно подорвала здоровье несчастных королей Франсуа II, Карла IX и Анри III, которые в результате преждевременного злоупотребления своей физической силой больше не могли иметь наследника. Карл IX взял на себя труд опровергнуть эту клевету, поскольку у него была законная дочь, умершая в младенчестве, и двое естественных детей. Тем не менее можно предположить, что эти три короля не допустили бы угасания рода Валуа, если бы распутство пощадило их молодость. Что же касается утверждения, что Екатерина имела кровосмесительные отношения со своим сыном

Генрихом, которого она любила больше остальных, то это одна из тех пошлостей, которые история не должна подхватывать в трясине гражданских войн, где каждая партия стремится опорочить другую в лице своих лидеров. Екатерина, несомненно, была слишком снисходительна к нравственности своих детей, вот и все.

Франсуа II, умерший столь молодым и имевший столь хрупкое телосложение, "не был подвержен любви, как его предшественники", сообщает Брантом; "aussy, eust-il eu grand tort, car il avoit pour espouse la plus belle femme du monde et la plus aymable (Marie Stuart)....". Однако, - добавляет Брантом, - я видел, как он несколько раз терпел неудачу. Сменивший его Карл IX в ранней юности не слишком заботился о дамах: он предпочитал им охоту и гимнастические упражнения. Однако он ответил одной из великих дам, которая спорила с ним о его холодности: "Doncques, avez ceste opinion de moy, que j'ayme plus l'exercice de la chasse que le vôtre? Ей-богу! Если я когда-нибудь выйду из ряда вон, я так близко подойду ко всем вам в моем дворе, что размажу вас по земле одного за другим". Брантом, который цитирует этот ответ короля, добавляет только: "Однако он не сделал этого со всеми, но предпринял несколько, больше по репутации, чем по распутству, и очень трезво, и занялся выбором девушки из очень хорошего дома, которую я не буду называть, в качестве своей любовницы, которая была очень красивой, мудрой и почтенной дамуазель, которой он служил со всеми почестями и уважением, какие только были возможны". Этой любовницей была Мари Туше, дочь парфюмера или нотариуса из Орлеана, и он любил ее до тех пор, пока жил, но всегда тайно, потому что королева-мать, которая была очень благосклонна к мимолетным влюбленностям, с большой злобой и неудовольствием видела, что король серьезно влюблен в девушку, которая родила ему бастардов. Екатерина де Медичи настолько противилась этому наложничеству, что Карл IX, умирая, не решился рекомендовать ей Мари Туше.

Однако именно любовь стала причиной смерти Карла IX, если верить скандальной придворной хронике, которую популяризировала эта эпитафия короля:

Pour aimer trop Diane et Cythérée aussy,
L'une et l'autre m'ont mis en ce tombeau icy.

Брантом выражает сомнение в правдивости слухов, циркулировавших в то время: "Некоторые хотели сказать, что во время своей болезни он сбежал за *королевой, своей женой*, и там ему стало так жарко, что он сократил свои дни; это дало повод утверждать, что Венера заставила его умереть вместе с Дианой". Мы напечатали курсивом слова, которые первый редактор "Брантома" позволил себе вставить в оригинальный текст, чтобы заменить три начальные буквы, которые там были. Брантом, - говорит Соваль, у которого перед глазами была хорошая рукопись этого клеветнического историка, - сообщает, что некоторые говорили, будто во время его болезни он сбежал с королевой Маргаритой, хотя он признает, что при дворе вообще не говорили об их любовных похождениях; но в конце концов распространился слух, что это было с Л. Р. М..., и, несомненно, именно так следует понимать отрывок Брантома, ибо в конце концов, как ни шептались об их любовных похождениях, они любили друг друга более чем по-братски, и даже не слишком это скрывали". Кровосмешение Маргариты де Валуа с ее братом Карлом IX слишком хорошо доказано, хотя Брантом упоминает о нем только в этом отрывке, где имя Маргариты скрыто под инициалами, которые можно интерпретировать по-разному; но мы не должны забывать, что Брантом был фаворитом и даже секретарем королевы Маргариты: мы можем понять, какое внимание и снисхождение он должен был проявлять к этой принцессе. Автору "Сатирического развода", написанного под вдохновением мужа и разгневанного короля, который хотел развода, не пришлось проявлять такого же внимания; однако он избегает обрушить на нескольких

королей Франции тот позор, который он безжалостно изливает на их сестру; он окутывает неизвестностью эти кровосмесительные акты, в которых он признается с сожалением: "Впоследствии, - говорит он, - она добавила к своим грязным завоеваниям своих младших братьев, один из которых, Франсуа (герцог Аленсонский), продолжал кровосмешение всю свою жизнь; и Анри (Генрих III) так презирал ее за это, что с тех пор не мог ее уважать, даже со временем поняв, что годы, вместо того чтобы остановить ее желания, усиливают их ярость."

Любовные похождения Карла IX и его сестры, которую он называл *Марго*, вызвали бы большой скандал при менее деморализованном дворе; но в то время на них почти никто не обращал внимания, и эта постыдная тема стала предметом лишь нескольких пасквилей и нескольких песен. Более того, можно предположить, что инцест был для брата и сестры не более чем временным отвлечением, и оба они вернулись к своим любимым занятиям - Карл к охоте, а Маргарита к галантности. Карл IX слишком хорошо знал Марго, чтобы не судить о ней так, как это делает сатирик-разведенка: "Все безразлично к ее сладострастию, ей безразличен возраст, величие или происхождение, лишь бы она напивалась и удовлетворяла свои аппетиты, и до сих пор, с одного года, никому в этом не отказывала". Это объясняет, что он имел в виду под этими словами, которые были повторены в связи с женитьбой короля Наваррского на Маргарите де Валуа: "Я отдаю свою сестру Марго не только моему кузену из Наварры, я отдаю ее также всем гугенотам Франции". За этим браком скрывалась отвратительная ловушка и предательство: протестантские лидеры, прибывшие в Париж для участия в подписании мира, в большинстве своем оказались вовлечены в резню в День святого Варфоломея. На следующий день после этой кровавой ночи Карл IX смеялся над своими кавалерами: "Teh! que c'est un gentil c.... que celui de ma grosse Margot! Клянусь кровью Божьей! Я не думаю, что в мире найдется еще одна такая; она взяла штурмом всех моих мятежных гугенотов! (Journal de Henri III, автор Pierre de l'Estoile, изд. по оригиналу А. Шампольона).

Странно, что королева-мать, которая поощряла эту ужасающую разнузданность скорее из духа политики, чем из любви к разврату, сама не принимала участия в придворных вакханалиях. Агриппа д'Обинье и другие реформаторские авторы говорят, как повторяет Соваль, что "ceste princesse любила величайшего прелата своего времени и лордов так много и еще больше". Но мы вынуждены согласиться с этими туманными утверждениями, поскольку не находим в Брантоме ни одного слова, указывающего на какую-либо галантность королевы-матери. Анри Этьенн говорит лишь, в *Discours merveilleux*, что Екатерина с ранней юности проявляла "явные признаки честолюбивого ума и всецело отдавалась своим удовольствиям". Мы склонны полагать, что здесь следует читать *volontés*, а не *voluptés*. Что касается кардинала Лотарингского, который, по словам л'Эстуаля, всегда держал на устах *отвратительное слово f.....* и который, по словам Брантома, был "самым большим дровосеком в королевстве", то он был соучастником политических деяний королевы-матери; но если ему посчастливилось сделать ее неверной памяти мужа, он хорошо хранил эту государственную тайну. Брантом рассказывает, что этот превосходный кардинал, проезжая через двор Пьемонта, два или три раза насильно поцеловал герцогиню Савойскую (Беатрикс Португальскую), которая отказалась оказать ему честь поцелуем по этикету: "Как! сказал он ей, разве я должен использовать этот взгляд и манеру? Я целую королеву, мою госпожу, которая является величайшей королевой в мире, но я не поцелую вас, которая всего лишь маленькая, неряшливая герцогиня? И если я хочу, чтобы вы знали, что я спал с дамами столь же красивыми и из того же или большего дома, чем вы". Брантом сдержанно добавляет: "Possible pouvoit-il dire vrai"; и можно предположить, что кардинал, от

которого вот-вот должна была сбежать его тайна, гордился добротой, которую проявила к нему королева-мать, исключая все остальные.

Как бы то ни было, Екатерина де Медичи, которая не платила за пример, не была слишком строга к нравам и даже к скромности; об этом можно судить по банкету, который она дала королю в 1577 году в саду замка Шенонсо: "Самые красивые и честные дамы двора, - пишет журнал de l'Estoile, - полуобнаженные и с волосами, разделенными так, словно они были защиты, были наняты для обслуживания". К сожалению, летописца там не было, и он не может рассказать, что происходило после банкета. Более того, подобные торжества обычно заканчивались излишествами, которые слишком хорошо обслуживались сидящими за столом. Во время свадьбы ювелира Клода Марселя с дочерью лорда Викура свадьба проходила в отеле де Гиз, и на нее был приглашен весь двор. После ужина король Анри III и его приспешники, принцессы и придворные дамы надели маски, чтобы поднести *мумию* жениху и невесте, - непристойная церемония, пережившая культ Приапа и Венеры. "Самые мудрые дамы и девицы удалились, и поступили мудро, говорит л'Эстуаль, потому что смятение привело к такому беспорядку и позору, что, если бы гобелены и стены могли говорить, они бы сказали много прекрасных вещей". (См. "Журнал Анри III" от 10 декабря 1578 года).

Маска в правление Валуа способствовала любви не меньше, чем во времена Карла VI; ведь, по словам Брантома, "маска скрывает все". Но дамы при дворе Карла IX и Генриха III обычно пренебрегали этими предосторожностями и тайнами: "Voulans communiquer avecques leurs serviteurs, - говорит Брантом, - et non comme avecques rochers et marbres; mais, après les avoir bien choisis, se scavent bravement et gentiment faire servir et aymer d'eux. А затем, признав их верность и преданную стойкость, они с пылкой любовью распутничают с ними и доставляют себе удовольствие, не в масках, не в молчании, не в немоте, не в темноте и мраке, а при свете дня, чтобы их видели, пробовали, трогали и целовали; они развлекают их красивыми и развратными речами, глупыми словами и развратными разговорами.

Такая разнузданность языка считалась в то время неотъемлемым атрибутом чувственных удовольствий: "Речь в любовных делах, - говорит Брантом, посвятивший этому вопросу целую главу в своих "Галантных дамах", - очень действенна, и там, где ее нет, удовольствие несовершенно. Грязные стихи, читаемые при дворе, которые никого не скандалили, дают нам представление о непристойности и аффронтизме разговоров во время tête-à-tête". Брантом также утверждает, что "наедине с возлюбленным каждая галантная дама хочет быть свободной в своих речах и говорить все, что ей заблагорассудится, для того, чтобы еще больше расшевелить Венеру. Поэтому неудивительно, что величайшие дамы в своей частной жизни были "в сто раз более распутны и необузданны в своих речах, чем простые женщины и другие". Утвердившаяся в то время поговорка "*Шлюха как принцесса*", несомненно, была вызвана этим чудовищным распутством, которым восхищался Брантом и которое ежедневно добавляло в эротический язык столько слов, столько образов, столько готовых фраз: "В другие времена, - говорил он с причудливой наивностью филолога, - наш французский язык не был так прекрасен и так обогащен, как сегодня; но итальянский, испанский и греческий были такими уже давно, и я не видел ни одной дамы, владеющей этими языками, если она вообще занималась ремеслом любви, которая не умела бы хорошо говорить." Таким образом, ни один вид проституции, даже проституция на хорошем французском языке, не обходился без этого развратного двора, который спорил о морали и языке с дурными местами (см. особенно "Первые поэтические произведения капитана Ласфриза", Париж, Ж. Гесселен, 1599, ин-12).

ГЛАВА XXXIV.

Краткое содержание.- Эдикт 1560 года против проституции.- Отмена публичных домов.- Прекращение аренды по причине дурной нравственности.- Заккрытие мест разврата в Париже.- Процесс, возбужденный матушкой Кардин, гувернанткой Гюэля.- Возникновение домов терпимости.- Приказ парламента против притонов Шамп-Гайяр и Шамп-д'Альбиак.- Ужасные бедствия сифилиса, вызванные проституцией.- Устранение *признаков* разврата.- Ле Грос-Кайю.- Лес руа де ла Корн.- Л'Энфер де ла мер Кардин, и другие факты об упразднении Улеу.- Лес рибо де л'арме.- Причина проституции в седьмом веке.- Ла куртизанка, рассказание, Жоаким Дю Беллей.

Примечательно, что ордонанс Людовика IX, отменивший легальную проституцию и , который не мог быть исполнен в правление этого святого короля, был вновь обнародован и введен в действие в правление Карла IX. До тех пор философы и магистраты считали, что стремление абсолютно подавить, как в принципе, так и на деле, общественный разврат, эту неизбежную проказу социального тела, таит в себе реальную опасность, но гражданская власть соглашалась с церковной, чтобы не допустить распространения этого зла за пределы, очерченные для него законодательством. И вдруг, в середине XVI века, посреди всего разврата и излишеств нравов, при самом развращенном и бесстыдном дворе, легальная проституция была запрещена и отменена эдиктом короля, который преемники Карла IX не осмелились отменить или даже изменить в менее строгом смысле. Этот эдикт был издан, правда, от имени молодого короля, находящегося под опекой, Орлеанским сословием, которое озабочилось реформой нравов с рвением, достойным более добродетельной эпохи. Статья 101 великого ордонанса 1560 года, который не был прочитан и зарегистрирован в парламенте до 13 сентября 1561 года, гласила: "Мы запрещаем всем лицам селить и принимать в своих домах более чем на одну ночь людей без *adveu* и инкогнито. И мы предписываем им доносить на них в правосудие под страхом тюремного заключения и произвольного штрафа. Мы также запрещаем все бордо, берланы, боулинг и дез, которые мы желаем наказывать сверх меры, без утайки или попустительства судей, под страхом лишения их должностей".

Весьма вероятно, что эта статья осталась незамеченной среди ста сорока восьми статей, составлявших указ; ведь слово *бордо* не без умысла было вставлено рядом со словом *берлан*, как бы для того, чтобы спутать и уподобить их. Одно это слово, возможно, не содержало в себе, по мысли законодателя, абсолютного подавления дурных мест и полного искоренения проституции. Карлу IX было всего десять лет, когда он подписал эдикт, который он не смог понять и который, вероятно, не одобрил бы впоследствии. "Однако, - пишет Этьен Паскье в одном из своих писем (т. II, с. 520), ни один король до него не издал столько прекрасных эдиктов, как он: засвидетельствуйте один из них, принятый в 1560 году на эстафете в городе Орлеане, другой - в Руссильоне в 1563 году, а последний - в Мулене в 1566 году, содержащий в этих трех эдиктах бесконечное число статей по полицейским делам и тонких правил, которые намного превосходят наши первые ордонансы. Кому мы обязаны этим благом? Не кому иному, как мессиру Мишелю де л'Госпиталю, его великому и мудрому канцлеру, который под руководством молодого короля, своего господина, был главным автором первого, подстрекателем, побудителем и автором двух других. И я желал, - добавляет мудрый и ученый Паскье, - чтобы все они соблюдались с той же преданностью, с какой были введены! Поэтому мы должны приписать великому канцлеру Мишелю де л'Госпиталю всю честь этих эдиктов, которые, как говорит Паскье, вскоре вышли из употребления, но оставили в наших кодексах нетленное свидетельство высокой нравственности.

Указ о запрете проституции, мы можем быть уверены, вызвал всеобщее удивление и поначалу был признан неприменимым, по крайней мере, в Париже. Однако ему предшествовали различные королевские ордонансы, которые, казалось, прокладывали путь и которые, несмотря на многочисленные препятствия и сопротивление, исполнялись довольно добросовестно. Подпольная проституция расследовалась и преследовалась таким образом, что беспутную женщину всегда можно было выселить из дома, где она остановилась, а соседи имели право заставить хозяина разорвать договор аренды, который он с ней заключил. Более того, жильцу с хорошим характером, проживавшему в доме, принадлежащем женщине с дурной репутацией, достаточно было просто объявить ее таковой, чтобы заставить ее съехать самостоятельно, после простого судебного расследования. Парижский парламент подтвердил подобный приговор в постановлении от 11 сентября 1542 года. Постановление от 10 февраля 1544 года было еще более четким: "Было постановлено, - пишет Папон в своем "Recueil d'arrêts notables des Cours souveraines de France", - что женщине с дурным характером не разрешается судебную аренду захваченного дома, даже если она предложит больше, чем другая, и что, когда она получит его и поселится в нем, ее дурного характера будет достаточно, чтобы заставить ее покинуть его и аннулировать аренду". Однако Генрих II не смог включить в это частичное исключение привилегированных *filles de joie*, которые выполняли свои обязанности под руководством гувернантки. (Что касается рибо в армии, то ни один король или генерал не позволил бы себе изгнать их всех; но военная полиция стремилась сократить их число, которое постоянно росло и вредило дисциплине. Мы не знаем, сколько *filles de joie* регулярно прикреплялось к каждому корпусу войск; известно лишь, что маршалы ложи разрешали одну *кади* на каждые три солдата: теперь в армии *кади* и шлюхи были на одной ступени и разделяли одну судьбу.

Как только Эдикт 1560 года стал законом, парижский бургомистр завладел статьей, касающейся проституции, и приступил к ее исполнению в городе. В то время в буржуазных кругах наблюдалась некая показная моральная строгость, которая одновременно протестовала против придворных беспорядков и соперничала со строгими нравами реформатов. Протестантизм, так сказать, бросил вызов католикам, предложив им в качестве образца целомудрия и добродетели этих еретиков, которых вешали и сжигали как преступников. В Париже, как и в других крупных городах, повсеместно была объявлена война проституции - крестовый поход, предпринятый муниципальными властями с целью уничтожить притоны разврата и их позорное население. Женщин с дурной репутацией, которые до сих пор мирно занимались своим скандальным ремеслом под защитой закона и магистратов, изгоняли из городов, арестовывали и заключали в тюрьмы, приговаривали, в случае повторного преступления, к порке, тюремному заключению и клеймению, выставляли на столб, выслеживали в полях, как злых зверей, и заставляли скрываться, чтобы избежать этого всеобщего преследования. Однако, судя по всему, *публичные места* Парижа, в которых легальная проституция существовала со времен Людовика Святого, и которые, согласно условиям старых ордонансов, были "упорядочены и привычны к этому", не были затронуты эдиктом 1560 года; ведь этот эдикт не мог отменить старое законодательство, регулировавшее положение проституток на протяжении более чем трех столетий. Более того, проститутки, по крайней мере те из них, кого не пугали расходы и опасности судебного процесса, подали протест прокурору и утверждали, что новый эдикт не может изгнать их из *общественных мест и площадей*, отведенных для их торговли: "C'est à scavoïr", - гласил последний приказ, который обновил приказ Людовика IX от 1367 года: "à l'Abreuvoir de Mascon, en la Bouclerie, rue Froidmentel, près du clos Brunel, en Glatigny, en la Court Robert de Paris, en Baille Hoë, en Tyron, en la rue Chapon et en Champ-Flory." Мы не знаем обстоятельств этого судебного процесса, который длился несколько лет. Но мы вправе полагать, что проституция продолжала оставаться под контролем некоторых из старейших приютов.

"Улицы Глатиньи или Валь-д'Амур, Арраса или Шам-Гайяра, Фромантеля или Фроменто и т. д. продолжали служить прибежищем для разврата". (Hist. de Paris, par Dulaure, édit. de 1825, t. IV, p. 561.) Нам не удалось обнаружить постановления, вынесенные по этому поводу; но мы можем почти утверждать, что, хотя число публичных мест, названных в ордонансе 1367 года, было сокращено решением парламента, некоторые из них сохранили свои непристойные привилегии, поскольку подлинными актами было доказано, что они были в некотором роде учреждены Людовиком Святым. Например, бордель на улице Шапон, который так долго не давал покоя епископам Шалона, оставаясь открытым у дверей их гостиницы, был закрыт только тогда, поскольку не удалось доказать, как долго он существовал. (Antiquit. de Paris, by Sauval, t. II, p. 78.)

Другой "mauvais lieu", более известный благодаря своей экономке, которую называли *матушкой Кардин*, сопротивлялся королевскому указу об их отмене даже больше, чем все клареты в Париже. Матушка Кардин, которую мы знаем по различным сатирическим пьесам, опубликованным в это время, была, должно быть, *королевой* парижских *мадам*; она, несомненно, была очень богата, поскольку отстояла долгий судебный процесс, и когда в суде Шатле было вынесено решение против нее, у нее еще оставался кредит, чтобы предотвратить отмену и исполнение приговора. Заведение матушки Кардин было значительным и занимало несколько больших домов на улицах Гранд и Пти Эрлер, в центре района Бур-л'Аббе. На этих печально известных улицах, чье название "*Хеулеу*" или "*Хуе-леу*", возможно, указывает на то, что развратников, заходивших на них, *освистывали*, не было других обитателей, кроме девушек и их гнусных любовников; все, кто там *обосновался*, делали все возможное, чтобы сохранить своих жильцов, и с этой целью обращались к гражданскому лейтенанту Шатле, к прокурору Парижа и, наконец, к королю. Но все было напрасно: после долгих судебных тяжб король своей грамотой от 12 февраля 1565 года (это 1566 год по новому стилю) приказал гражданскому лейтенанту отправить решение суда и привести его в исполнение без дальнейших проволочек. В результате приговор был выкрикнут при звуках трубы присяжными глашатаями у входа на две улицы Rue du Heuleu; женщины с дурной репутацией, жившие на этих улицах, покинули их в течение двадцати четырех часов, а все клареты, которые участвовали и поддерживали борьбу против Шатле и парламента, были безвозвратно закрыты. Соваль мог сказать, ссылаясь на этот исход, что в тот год "приюты для публичных женщин были разрушены сверху донизу". Королевская грамота, зарегистрированная в Шатле 24 марта 1565 (или, скорее, 1566) года, послужила поводом для нового приказа парижского бургомистра, который окончательно отменял легальную проституцию в соответствии с условиями эдикта 1560 года (см. "Эдикты и ордонансы королей Франции", собранные Фонтаноном, т. I, с. 574).

За очищение нравов таким образом всегда отвечал канцлер Мишель де л'Госпиталь; именно он не хотел страдать больше, чем беспутные женщины, которые, казалось, выступали против короля и магистратуры. К грамоте от 12 февраля, которая касалась только бордо Юэлеу, парижский прокурор добавил подтверждающий парафраз запретительной статьи эдикта: "Кроме того, по праву, по устной просьбе вышеупомянутых королевских особ, всем гражданам и жителям этого города и пригородов Парижа и других запрещается допускать в своих домах тайное или публичное бордо, под страхом штрафа в 60 ливров парижских на первый раз, и штрафа в шесть ливров парижских на второй, а на третий - лишения собственности на дома". И указанные письма вместе с настоящим постановлением будут зачитаны и опубликованы с трубным звуком и всеобщим криком как на перекрестках этого города, так и в пригородах Парижа и других местах, где расположены указанные бордо, дабы никто не мог утверждать, что не знает о них". Таким образом, закрытие публичных домов Grand и Petit *Hueleu* повлекло за собой закрытие большинства дурных мест, которые еще

существовали в Париже; Те из них, которые не были затронуты общим запретом, и которым прокурор Парижа позволил продолжать существовать за закрытыми дверями, под защитой молчаливого разрешения, потеряли все права, которыми они обладали в соответствии с ордонансом Сен-Луи, и поскольку они существовали лишь временно, мы полагаем, что с этого времени они получили прозвище, которое до сих пор используется и которое определяет характер их привилегий: *дома терпимости*. Более того, с этого времени, как прямо указывает Соваль (т. II, с. 650), публичные девушки "перестали иметь статуи, судей, особые платья и улицы, отведенные для их распуска". Таким образом, можно сказать, что легальная проституция была юридически упразднена во Франции.

Мы указали причины, которые, как нам кажется, вызвали эту великую полицейскую меру; мы сказали, что протестантизм заставил правительство взять на себя инициативу реформы нравов; мы дали понять, что добродетельный канцлер de l'Hospital был особенно заинтересован в этой реформе, которая удовлетворяла желания честных людей, независимо от религии или политической партии. Однако различные историки утверждают, что отмена "грязных лож" была продиктована настоятельной необходимостью охраны здоровья населения, поскольку венерические заболевания, страшно распространившиеся в результате народного разврата, превратили каждый публичный дом в страшный очаг инфекции. И действительно, мы знаем, что эта ужасная болезнь, симптомы которой уже не были столь ужасающими, как раньше, тем не менее, умножила свои бедствия до такой степени, что проституция стала постоянным врагом общественного здоровья. 4 декабря 1555 года адвокат короля Дени Риант подал жалобу в Парижский парламентский суд на дурные места Шамп-Гайяр и Шамп-д'Альбиак, где "бесконечные кражи, насилие, воровство и другие злодеяния совершались ежедневно жильцами домов, которые, по крайней мере, в большинстве своем, держат в своих комнатах кларет, принимая и пристраивая у себя неизвестных людей, грубиянов, бродяг, бедных девушек и женщин." После жалобы королевский адвокат добавил, что "только за последний год восемнадцать или двадцать молодых людей, школьников из честных семей, заразились оспой за то, что останавливались в вышеупомянутых местах, что очень жалко и требует, чтобы это было предусмотрено". Суд уже вынес два постановления, обязав владельцев домов в Шамп-Гайяр и Шамп-д'Альбиак сдавать эти дома "только известным и знаменитым людям хорошей жизни и нравственности". В нем лейтенанту уголовной полиции предлагалось привести в исполнение предыдущие постановления и положить конец беспорядкам. (См. *Preuves de l'Hist. de Paris*, by Lobineau and Félibien, t. II, p. 767).

Более или менее доказано, что зло Неаполя проникло во все притоны разврата к тому времени, когда эдикт Карла IX полностью подавил проституцию. Поэт Байф в своем произведении "*Passetemps*" изображает *Миссир Маке*, которую постигло большое несчастье

следуя общей любви.

Вот речь, обращенная другом к этому неисправимому человеку, который не мог *устоять перед свиданиями с девушками*:

Как вы несчастливы,
Мадемуазель Маке, что у вас было так много
И так много неудач
В преследовании общих любовей?
Вы перенесли такую простуду,

что у вас нет ни одного зуба, кроме стонов?
Чтобы так хорошо перенести оспу,
что от носа ничего не осталось?
Чтобы все нёбо было съедено.
И чтобы грызли раковые опухоли.
Чтобы конечность отнялась более чем наполовину?

Другая эпиграмма Байфа, в которой по имени Галин является героем столь же печального приключения, изображает его в не менее отвратительных красках:

Часто преследует бурдо,
Раковая опухоль так хорошо тебя приняла,
Что нос в твоём лице
но ноздри!

Писатель того же времени Антуан Дювердьё, считавший, что "Бог послал эту чуму на землю, как бич и месть за грязное, незаконное и частое распутство нечестивцев", признает в своих "Разных письмах", что "вначале эта болезнь была гораздо более заразной, чем сейчас, благодаря найденным суверенным средствам";, но, тем не менее, он удивлен, что развратники осмеливаются рисковать повторением болезни, которая, хотя обычно и не приводит к смерти, всегда оставляет у своих жертв неприятные воспоминания: "Есть несколько человек, - восклицает он с удивлением, - которые потели от оспы шесть или семь раз!" Луи Гюйон, написавший свои "Разные лекции" в продолжение работ Дювердьё, отмечает в качестве врача, что венерическая болезнь все еще насмехается над всеми усилиями науки. "Венерическая болезнь, - говорит он (т. I, с. 612), - поскольку она чаще всего передается через разврат и бесчестные поступки, является, следовательно, позорной". Луи Гюйон, подразумевая под этим, что *яд развратной женщины* был более опасен в Бордо, чем где-либо еще, приводит случай с двумя молодыми подростками из большой семьи, которых он лечил в Париже в 1563 году, и которых ему не удалось вылечить. Правда, эти два неосторожных человека пытались скрыть свое состояние, пока оно не стало известно "по пеладе, красным гнойникам на лбу, болям в середине костей, в руках, ногах, бедрах, плечах и на передней части головы, по ночам до рассвета, и другим признакам, таким как боль в пищеводе, неспособность правильно проглотить мясо". Все врачи и хирурги, в руки которых попадали несчастные пациенты, не могли их вылечить, пока посол короля Испании, слышавший их ночные стоны и жалобы, не посоветовал им отправиться в Америку и лечиться там у туземцев по местной моде. Лечение увенчалось полным успехом, и несчастные молодые люди, которые покинули страну, чувствуя себя трупами, вернулись во Францию в добром здравии. Такой результат, несомненно, подтвердил мнение ученых о том, что неаполитанская болезнь была открыта Христофором Колумбом одновременно с Америкой. Однако это мнение еще не было настолько устоявшимся, чтобы некоторые доктора медицинского факультета в Париже не стали упорно утверждать, что эта болезнь не была новой, хотя и изменила свой характер. "Сильно ошибаются те, - говорил Антуан Дювердьё, - кто считает, что болезнь, которую греки называют *λεῖχη*, Плиний - *ментагрой*, а мы - *непостоянным огнем* или *мужским дартром*, есть то зло, которое мы вульгарно называем *оспой*".

Поэтому вполне возможно, что государственные деятели, пытавшиеся отменить проституцию эдиктом короля, хотели применить героическое средство против позорной болезни, которую они надеялись изгнать из Франции вместе с несчастными женщинами, которые почти все были ею заражены. Однако следовало предвидеть, что, заставив жителей дурных мест вернуться в лоно общества и маскироваться там под честное слово,

венерическая зараза будет загнана обратно в поток домашней жизни. Нет абсолютно никаких документов, позволяющих оценить физиологический и гигиенический эффект от закрытия публичных домов. Это не было, как можно было бы предположить, концом беспорядка, который, конечно, больше не имел привилегированных и разрешенных убежищ, но лишь более смело выставлял себя напоказ среди бела дня. Таким образом, подпольная проституция получила публичные рынки на всех улицах и площадях: *обычная женщина*, потеряв право заниматься своим ремеслом легально и на определенных условиях, получила свободу проявлять себя повсюду и самостоятельно регулировать условия преступной индустрии, которой она занималась тайно. Несомненно, в Париже вскоре появилось столько же тайных борделей, сколько до этого было публичных; число агентов проституции не уменьшилось; напротив, сутенеры обоих полов, став более необходимыми, также стали более многочисленными; обычай вскоре установил в городе и в пригородах места встреч и свиданий, где разврат набирал свое ополчение и устанавливал свои батареи. Что касается бордо, которые больше не находились под надзором муниципальных властей, то они были отданы на милость всех деградировавших существ, которые не боялись подвергать себя наказанию закона и делали эти непристойные пещеры вместительнее всех преступлений.

Нет сомнений, что эдикт 1560 года против бордо имел скандальные последствия, когда мы видим бродячих проституток, собирающихся по ночам вокруг каменных крестов, которые стояли почти на каждой площади Парижа. В 1572 году епископ Парижа приказал убрать крест Гастина с небольшой площади на улице Сен-Дени, потому что этот крест, по словам одного летописца, "служил указателем для развратников", которые собирались там каждый вечер и совершали тысячу осквернений. В "Дневнике Генриха III" в таких выражениях рассказывается о похищении другого креста, не менее оскверненного распутством: "В ночь на четверг 10 марта 1580 года по приказу епископа Парижского и с тайного согласия двора распятие, известное *под названием Maquerneau*, было снято со своего места и отнесено сторожами в епископский дворец из-за скандального прозвища, которое дал ему народ, потому что это распятие из крашеного и позолоченного дерева, размером с те, что обычно встречаются в приходах, было прислонено к стене дома в конце старой улицы дю Тампль, возле карниза, в котором и вокруг которого находилось бордо; Так что этот почтенный инструмент нашего Искупления служил знаком для владельцев публичных домов." Пьер де л'Эстуаль не сообщает нам, был ли бордель закрыт по приказу прокурора, после того как епископ Пьер де Гонди положил конец скандалу, более прискорбному, чем безнаказанность развратного цеха.

В те времена большинство домов имели вывески, которые делали их узнаваемыми, при отсутствии номеров и других указателей. Поэтому дома проституции также должны были иметь свой *знак* или *вывеску*, которая не всегда указывала на назначение заведения, так как вывеска могла быть старше своего назначения, но часто вывеска с помощью непристойной эмблемы или двусмысленного девиза сообщала о виде торговли, которой посвящено помещение. Например, Пиганьоль де ла Форс утверждает, что район Грос-Кайю обязан своим названием *большому камню*, служившему вывеской для борделя. Как бы то ни было, это название вошло в обиход лишь в конце XVI века, и его можно проследить до установки этого места разврата и его метафорически непристойной вывески. Мы не будем углубляться в этимологию, чтобы объяснить, чем мог быть этот *камешек*, но мы можем без труда догадаться о его происхождении, поискав его в этих строках старого поэта:

Играть в игру, что *перепела* зовут,
Для девушек приятна и прекрасна.

Парижские историографы упоминают несколько подобных знаков, которые дали название улице *де ла Корне* двум улицам во фобур Сен-Жермен-де-Пре, которые теперь называются улица Берриер и улица Нев-Гильмен, а также улице во фобур Сен-Марсо, которая была закрыта в XVII веке и превратилась в тупик Кордери. Соваль сообщает, что на углу улицы *де ла Корн* в стену была вделана голова оленя, "которую жители называют *корн*", и что из-за этой головы оленя прилегающая улица также получила название улицы Петит-Корн; но он добавляет, что это название произошло скорее от "отряда проституток, которые первыми бросились туда, чтобы поселиться". Именно в конце XVI века эти проститутки, которые больше не могли жить в городских стенах, нашли убежище в предместье, где аббат Сен-Жермен разрешил им поселиться за определенную плату. Но впоследствии это место разврата привело к таким беспорядкам и так возмутило добрых прихожан Сен-Сюльпис, что приходской священник добился от аббата Сен-Жермена изгнания этих буйных соседей. Вместе со знаком их логова были удалены и названия двух улиц, которые этот знак обозначал: Но люди, помнившие, что видели этот *рог* и что он возвещал прохожим о плохом месте, долгое время продолжали называть эти две улицы старыми именами, хотя новые были выгравированы золотыми буквами на мраморных досках на углах этих двух улиц по приказу судебного исполнителя Сен-Жермена. Пришлось привыкать заменять эти новые названия старыми. Но идея публичного дома все еще оставалась привязанной к нему, "и, - говорит Соваль, - поскольку имя *Гильмен* является несколько пословичным, люди, которые любят превращать все в насмешку, не удовлетворились тем, что добавили к имени *Гильмена*, владельца сада, имя *Крокесоль*, они дали его улице, так что ее называют улицей *Гильмен-Крокесоль*, чаще, чем улицей *Гильмен*". Не вдаваясь в пространные археологические рассуждения, скажем, что *Гильмен* в метафорическом языке низших классов иногда означал таракана, иногда природу человека, а также *гильотину*; а на перекрестках в то время пели знаменитый припев, который был в моде и во времена регентства, поскольку герцог д'Орлеан всегда держал его на устах (см. "Мемуары кардинала Дюбуа"):

Du temps du roi Guillemot,
De la reine Guillemote,
Мужчинам верили на слово
Et les femmes à la m....

Этимологи должны исследовать и выяснить происхождение слов *guillemin* и *guillemot*! Что касается *crocquesolle*, то это, очевидно, уточняющий эпитет, и мы считаем, что, поскольку *solle* или *soulle* была игрой в мяч, очень популярной в прошлом, существовала естественная связь между этой игрой и той, в которую играют в местах проституции, где *простая женщина* переходит из рук в руки, как *solle* или мяч, который игроки передают от одного к другому: Отсюда слово *solle* как синоним проститутки и, как следствие, природы развратной женщины.

Очевидно, что люди того времени не испытывали особого сочувствия или даже жалости к женщинам с дурной репутацией, так как они улюлюкали и часто отгоняли их камнями, когда видели их на честных улицах. Мы также видели, что к развратным мужчинам, осмелившимся среди бела дня выйти на позорные улицы, предназначенные для разврата, население относилось не лучше. Поэтому мы можем быть уверены, что эдикт 1560 года, отменивший легальную проституцию, был благосклонно воспринят общим мнением; и жители Парижа, за исключением тех, кто вычитал из этой проституции арендную плату за свои дома, приветствовали полицейские меры, которые привели к закрытию большинства дурных мест. Разорение и смущение притонов разврата, беспорядок и рассеяние девушек, гнев и растерянность либертинов никого не трогали и всех забавляли. В адрес изгнанников и жертв

проституции звучал хор шуток и эпиграмм. Прежде всего, бордель Хулеу и его знаменитая директриса, матушка Кардин, служили предметом насмешек в прозе и стихах, которые народное веселье вдохновляло с такой живостью и изобилием. Самая известная из этих насмешек - *L'Enfer de la mère Cardine*, первое издание которой, которым мы уже не располагаем, несомненно, было современно всем поэтическим канонам, порожденным разрушением Le Hulleu. Вот название этой редкой и любопытной сатиры, направленной против самых известных куртизанок того времени: *L'Enfer de la mère Cardine*, рассказывающей о жестокой и ужасной битве, произошедшей в аду между дьяволами и парижскими мадам, при рождении носильщика Цербера и Кардины, которую они хотели сделать королевой ада и которая была единственной из них, кто дал совет об измене... (дата и место написания не указаны, но, вероятно, напечатана в Париже около 1570 года, in-8). Эта пьеса в стихах, приписываемая Фламинио де Бираге, племяннику канцлера Франции, была переиздана в 1583 и 1597 годах. В этих переизданиях была добавлена песня о неких парижанках, которые, притворившись, что отправились в путешествие, были удивлены в доме одной мадам в Сен-Жермен-де-Пре. Сохранилось всего два-три экземпляра переизданий XVI века, но в 1793 году один доброжелательный библиофил не захотел допустить полного исчезновения *L'Enfer de la mère Cardine* и выпустил новое издание тиражом 108 экземпляров, которые уже почти так же редки, как и старые издания.

Вот начало этой аллегорической поэмы, которая не является, как полагает маркиз дю Рур в своем "Analectabiblion", актом личной мести поэта матери Кардина, а коллективной сатирой, обращенной ко всем королевам проституции.

Поскольку праздность - мать всех пороков,
я хочу спеть песню озорства,
ложного предательства и жестоких попыток,
которые Кардин совершила однажды в зале мертвых,
Когда Купидон заставил ее отважиться на пламя.
Который там терзает наши грешные души.

"Фабула поэмы довольно проста, говорит маркиз дю Рур: Кардин женится на Цербере, и на свадебном пиру появляются главные девушки Парижа: Маргарита Реми, прозванная *les gros yeux*; la Picarde, *cresmière*; Anne au petit bonnet; la Normande, *bragarde*; la Lyonnaise, *douteuse*, и так далее. Купидон, заклятый враг Плутона, появляется на этих свадьбах, чтобы подстрекать проклятых к борьбе с Адом и даже задушить Цербера". Маркиз дю Рур подводит итог всему произведению в такой апофтегме: "Некоторые девушки хуже всех дьяволов вместе взятых". В 1793 году издатель перепечатал, кроме того, вслед за *L'Enfer de la mère Cardine*, произведение того же рода, которое дает нам истинную дату поэмы Фламинио де Бирага, которую оно сопровождает: *Déploration et complainte de la mère Cardine de Paris, cy-devant gouvernante de Huleu, sur l'abolition d'iceluy. Trouver, après le deceds d'icelle Cardine, en un escrain auquel estoient ses plus privez et précieux secretz, tiltres de ses qualitez authentiques, receptes souveraines, compostes, anthidotes, baulmes, fardz, boetes, ferrements et ustenciles servant audict estat dudit mestier* (без названия места, 1570, in-4 de 8 ff.). Достаточно упомянуть еще два произведения того же периода, навеянные исполнением эдикта 1560 года: "Уничтожение и запустение престарелых женщин де Хулеу и де Дарнеталь" (без места и даты, pet. in-8 goth de 4 ff., с гравюрой на титуле). М. Ж.-К. Брюне в своем "Manuel du libraire" утверждает, что это шестисложное стихотворение было написано около 1520 года; но мы знаем, что М. Брюне не является авторитетом, как только он осмеливается судить о книге по ее названию. Это причитание явно относится к тому же периоду, если не к той же руке, что и "Жалоба матери Кардина". Другое произведение, относящееся к этому великому

делу об *упразднении* публичных домов, озаглавлено: Ban de quelques marchands de graine à poile et d'aucunes filles de Paris (без названия, 1570, in-8). Но мы сомневаемся, что хоть один экземпляр оригинального издания сохранился до наших дней, и, к счастью, в 1814 году один библиофил все же встретился, чтобы переиздать эту нецензурную насмешку, автор которой, Рассе Десно, был хирургом Карла IX и другом Ронсара.

Отмена бордо, пусть и неполная, была воспринята всей Францией столь благосклонно, что Карл IX и его канцлер Мишель де л'Госпиталь продолжали пытаться реформировать нравы с помощью указов: легче было удалить места разврата от городских стен, чем полностью изгнать проституток из двора и армии. С древнейших времен за княжеским двором, как и за армией, всегда следовала более или менее многочисленная банда дурных подданных и заблудших женщин. Король вместе со своим добродетельным министром попытался устранить это злоупотребление. Указом от 6 августа 1570 года он повелел, чтобы "все прочие бродяги, не имеющие хозяина или адвоката, должны в течение двадцати четырех часов явиться к нашему двору под страхом повешения и удушения, без надежды на какую-либо милость или отпущение грехов; все filles de joie и публичные женщины должны покинуть наш двор в течение указанного времени под страхом порки и клеймения". Вероятно, многие девушки были подвергнуты порке и клеймению, поскольку не спешили подчиняться королевскому указу, изгонявшему их, и Карлу IX пришлось несколько раз за время своего правления возобновлять действие этого указа. Не меньшие трудности возникли и с применением того, который он издал против проституток, *следовавших в армию*, поскольку Генриху III, взошедшему на престол, не оставалось ничего более срочного, чем возобновить его в тех же выражениях: "Повелеваем не только маршалам-провокаторам и их лейтенантам, но и нашим обычным судьям прогонять девиц радости, если таковые будут обнаружены за пределами указанных рот, и наказывать их плетью, а также дамами, если на каждых трех солдат будет приходиться более одной." Безусловно, этот приказ никогда не выполнялся, по крайней мере, регулярно и повсеместно; но иногда он жестоко исполнялся и по прихоти командующего армией. Например, если полагаться на свидетельство Варильяса (Hist. de Henri III, liv. VI), маршал Филипп Строцци, которого историк изображает *чрезвычайно суровым*, приказал "бросить в реку Луару 800 радостных девушек, следовавших за его лагерем".

С этими бедными девушками не везде обращались так же сурово, и хотя в армиях реформаторов их не было, в католических войсках они вели веселую жизнь. Так, Брантом беспечно описывает прекрасный арьергард, который герцог Альба во время своей экспедиции против *нищих* Фландрии мог пройти в обход, со своими десятью тысячами человек старых войск. Это были, говорит Брантом, "четыреста куртизанок на лошадях, прекрасных и храбрых, как принцессы, и восемьсот пеших, тоже в очках". Там был один французский дворянин, мессир Франсуа Ле Пульшр, сеньор де ла Мотт Мессеме, кавалер королевского ордена и капитан пятидесяти оружейников в ординарцах Его Величества. Больше всего в этой военной экспедиции его восхищали двенадцать сотен куртизанок *в хорошем расположении духа*, которые, казалось, должны были охранять честь девушек и женщин на театре военных действий. Вот как он отзывался об этих созданиях в семи книгах своей книги Honnêtes Loisirs, посвященной королю Анри III (Париж, Marc Ourry, 1587, in-12):

Он развлекал их, кто хотел, целыми днями;
Но с почтением, полным церемоний,
Баризель-мажордом составлял им компанию.
Каждый вечер эти дамы занимали свои покои,

От маршала лагерного, руками квартального,
И никто не смел проявить к ним дерзость.

Их тщеславие возросло до такой степени, что они перестали вести себя как честные женщины и взимали свои услуги по цене, слишком высокой для кошельков прихвостней. Герцогу Альба пришлось вмешаться и заставить своих глашатаев кричать в его лагере:

Пусть никто из них не смеет
Отказать солдату, который просит ее
Заплатить ему за комнату пять солей за ночь.

Тариф, установленный герцогом Альба, нельзя считать расценками на популярную проституцию того времени. Однако из главы Рабле, озаглавленной *"Как Панург учит новому способу возведения парижских стен"*, можно предположить, что ослабление общественной морали нанесло особый вред непристойной торговле проститутками на перекрестках. Я вижу, - говорит Панург, - что каллибристрис женщин этой страны дешевле камней: из них следует строить стены, располагая их по хорошей симметрии архитектуры и ставя самые большие на первый рант, а puis, talvant à dos d'asne, arranger les moyens et finalement les petits". В этих грязных выходках Панурга, безусловно, содержится подсказка о снижении цен на развратные *товары*. Закрытие дурных заведений не уменьшило число женщин *доброй воли*. Пьер л'Эстуаль в своем "Журнале Анри III" от 26 мая 1575 года так описывает разврат, царивший вокруг него, в буржуазии и в парижском народе: "То, на что жалуется пророк Иеремия в главе III о дочерях Сиона, которые ходят с вытянутыми шеями и опустившимися глазами, расшнуровывая себя и бранзлантируя, и делают свои шаги гулками, можно было бы с таким же успехом и даже лучше сказать в наше время о парижских женщинах и придворных девицах. Поэтому мы не должны удивляться, если Господь, согласно угрозе, которую он высказал в том же месте через своего пророка, вывихнет им яички и постыдные части тела, этим глупым пасквилям, которыми был полон город Париж и двор. Короче говоря, десбордаж, не говоря о писе, заключается в том, что кабальеро из кокуажа является одним из самых ясных доходов этого времени". (См. издание, опубликованное господами Шампольоном (Champollion père and fils) на основе оригинала П. л'Эстуаля (P. l'Estoile) в коллекции *"Mém. pour servir à l'histoire de France"*).

Несомненно, в произведениях поэтов XVI века мы могли бы найти множество отрывков, относящихся к нашей теме, которые позволили бы нам нарисовать точную и даже скрупулезную картину нравов проституции; Но мы спешим выбраться из этого нечистого тринадцатого века, где итальянский разврат - последняя яма, в которой запятнана и погашена королевская ветвь Валуа; мы боимся втянуться в слишком длинное отступление, листая этих поэтов-либертинов, которые с удовольствием основали Парнас Priape, и у которых не было музыки более вдохновляющей, чем Венера перекрестков. Конечно, поэтам заранее разрешалось предаваться всем распутствам эротической поэзии, когда они встречали среди проституток величайших лордов двора, князей церкви и почтенных магистратов. Разве кардинал Шарль де Лоррен не провел ночь, как это сделал бы юный школьник, за пределами своего отеля, в доме заблудшей женщины? Луи Регнье, сьер де ла Планш, рассказывает в своей "Истории Франсуа II", что этот развратный прелат, "покидая однажды утром дом прекрасной Римлянки, известной куртизанки времен Генриха, проживавшей в Кустуре Святой Екатерины, едва не подвергся жестокому обращению со стороны некоторых грубиянов, которые любят следить за такой добычей". Эта римлянка, соперничавшая с гречанкой, столь превосходимой Брантомом, в красоте и распутстве, представляется нам типом куртизанки, изображенной Жоакимом Дюбеллуа в знаменитой поэме, которую иногда называют *"Макорель"* или *"Старая римская куртизанка"*, а иногда

"*Раскаявшаяся куртизанка*". Это стихотворение предлагает нам множество черт, которые можно использовать для создания портрета куртизанок XVI века. Именно она сама рассказывает историю своей жизни и, когда хорошие времена заканчиваются, пытается утешить свои беды,

вздохами напрасных причитаний.

В шестнадцать лет, развращенная дурным примером *нескромной матери*, она позволила *крепостному* сорвать свой цветок, но это было так тайно, что никто в мире, кроме ее матери, не мог заподозрить этого происшествия:

Вскоре после этого я попала в руки
двух или трех римских джентльменов,
от которых я также была возвращена девственницей,
так как я была продана девственницей.
Меня передавали из рук в руки,
К пяти или шести, девственницей, как и прежде.

Затем один прелат купил ее *как девственницу*; она научилась петь, танцевать, играть на лютне и *говорить как следует*; затем - украшать и наряжать себя. Этот прелат полюбил ее настолько, что не отказал ей ни в одном доказательстве своей привязанности: он сделал ее богатой и в конце концов выдал замуж за дворянина, который, как только свадьба закончилась, лишил ее всего, что она принесла в приданое; она внезапно оказалась разоренной:

И, отвергнув всякий стыд и позор,
я открываю лавку и становлюсь более сведущей,
Вы так хорошо выставляете на продажу мои товары,
тонко подбирая лучшее,
Что в короткое время я стала знаменитой.
Тогда, видя, что Рим знает меня достаточно хорошо
Чтобы быть в звании сквалыги,
Я взял на себя две или три работы,
которые были моими закадычными друзьями,
И каждый месяц они платили мне
Каждый из них по тридцать экю.

Ее не устраивало такое жалованье, и она прибегала к всевозможным уловкам, чтобы расположить к себе трех своих *друзей*, заставляя каждого из них поверить, что она любит его больше, чем остальных. Они не были молоды или красивы, но были доверчивы и щедры.

Эти молодые люди, которые, не тратя никаких денег,
хотят выдать себя за красавцев,
думая, что хорошо платят нам за гамбит,
Песню, лут или аубаду.

Ей были известны все тайны куртизанской жизни, и она использовала их в своих интересах, хотя и напускала на себя вид честности и даже благоразумия:

У меня тоже было тщательное лечение,
Не терпеть никакой грязи на своем теле,
мало пить и трезво питаться,
Хорошо пахнуть и хорошо себя вести,

как на людях, так и в своей комнате,
где пахнет нафтизином, циветтой и амброй,
Белое белье, веер,
и мешочек с нюхательным порошком,
не было недостатка: прежде всего, я заботился о том.
(Обычная уловка для тех, кто наряжается).
Чтоб утром я не был удивлен.
Короче говоря, все, чему учит Арэтэн,
я знала и умела применять.
Все секреты из его книги,
и тысячу неизвестных уловок.
Чтобы разбудить спящую Венеру.

Но как же она умела скрывать свою профессию! Она была *честна в своих словах*, умела
говорить о добродетели и так хорошо маскировалась,
что из ее уст не выходило ничего, кроме чести,
Мудрая в речи и глупая в постели.

Именно такими способами она *добилась расположения* в Риме и Париже, так что не
пользовались уважением господ, которые не могли похвастаться тем, что занимались с ней
любовью,
днем или ночью.

Можно догадаться, что ей нечего было бояться полицейских законов, касающихся
подчиненных куртизанок:

Я не боялась ходить без лицензии,
ибо я была свободна и не платила налогов,
Я не боялась беспокойного губернатора,
Баризеля или возмутительного прихвостня,
И не боялся, что меня посадят в тюрьму...
Я никогда не испытывал недостатка в благосклонности
Кардинала или другого великого сеньора.
В чьем доме меня видели,
что означало, что меня уважают".

Однажды услышанная ею проповедь заставила ее осознать всю скандальность ее прошлой
жизни. Она сразу почувствовала, сколько горечи было в разочаровывающих удовольствиях
проституции:

Какое удовольствие, увы, я могла бы получить,
Хоть я и принимала в себя и правых, и виноватых,
Подвергать свои бесстыдные конечности
Аппетиту стольких воль,
И подражать жизни зверя.
Чтобы обогатиться нечестным путем!
Кроме страха (вечный страх!)
оспы или пеллагры,
И все это наследник
Который долго занимается таким ремеслом!

Поэтому она поступила в монастырь, чтобы совершать покаяние и смывать с себя осквернения в практике аскетической набожности; она *завещала* монастырю *все, что приобрела* от порока, и думала, что больше не нуждается в земных благах. Но скука вскоре одолела ее; она раскаялась *в том, что раскаялась*, бросила рясу в кусты и хотела вернуться к прежнему образу жизни: но было уже слишком поздно! Прощайте великие лорды и благоухающие любви! Вот и *вкусная оспа*,

Одуванчик и позорная язва,

вот и палач, которого она принимает в своей постели *вместо кавалера* и который в награду за свои услуги сам подвергает ее кастрации на публичной площади!

КОНЕЦ ПЯТОГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЯТОГО ТОМА.

ФРАНЦИЯ.

ГЛАВА XXI.

Краткое содержание -Симптомы сифилиса, по Фракастору -Ослабление и трансформация вируса, начиная с 1526 года -Итальянское лечение ртутью -Французское лечение гваяковым деревом -Декрет Парижского парламента против неаполитанской болезни, в 1497 году - Первые венерологические больницы в Париже -Ордонансы Провоста Парижа и полицейские меры, при Людовике XII, Франсуа Ier и Анри II. -Возникновение сифилиса в провинциях с 1494 года -Врачи отказываются лечить больных -Триумф самой высокой и могущественной леди Покс -Эта чрезвычайно редкая книга, приписываемая Рабле под псевдонимом Мартин Дорчино. -*Горр* де Руан -Сифилитики, принятые в парижский "Отель-Дье" -Госпиталь де л'Урсин -Исчезновение лепрозория во Франции.

ГЛАВА XXII.

Краткое содержание -Поэты о проституции в XIII веке -Оскорбительная порча языка - Кристина де Пизан ведет войну с некрасивыми словами -Влияние Романа де ла Роз на нравы -*L'Art d'aimer* Гийома де Лорриса и Жана де Мена -Женщины-шлюхи -Веник *Французской революции*. -*Les femmes putes*. -*Vengeance des dames*. -*Les antagonistes du Roman de la Rose*. -*Projet de réforme des filles publiques*. -*Le Champion des dames*. -*Les Puys d'amour* de Picardie et de Hainaut. -*Le jargon des galloises*. -Guillaume Coquillart, чиновник Реймса -*Les Droits nouveaux, code du libertinage* -*Facio ut des* -*Tromperie sur la qualité de la marchandise* -*Stellionat amoureux* -*Le Plaidoyer d'entre la Simple et la Rusée* -*Ne rien prendre sans payer*. Портрет старого придворного. - Номенклатура миньонов Реймса, с указанием их печалей. - Олив де Гат-Фатрас. - Марион де Трен-Поэтрас. - Морт де Кокиллар. - Сын-эпитаф. - Выписка о своих кокильях.

ГЛАВА XXIII.

Sommaire. -Жизнь дурных парней и веселых девчонок в Квинциуме. -Молодость Франсуа Вийона. -*Деревни*. -Процессы. -Малое Завещание сына. -Кабаре в стиле ренессанс. -Сын-эпитаф. -Большое Завещание сына. -Ла прекрасная Гольмьер. -Фолле женщины из корпораций де-метье. -Парень без поэзии. -*Сен-Жену* и *Бризепайль*, в Пуату. -*Энне*, ругательство, употребляемое девушками. -Таблица семейной жизни одного компаньона или француза. -Баллада для тех, у кого плохая жизнь. -Лес труи и ле пурсо. -Вильон кри мерси. -

Сес репю франсе.-Ла диаблери де Монфокон.-Лес жуиры фарса.-Лес дети-без-суси.-Ла зеленая молодость Клемана Маро.-Легенда мэтра Пьера Файфё.-Маке ла дето и ла филе аттурне.

ГЛАВА XXIV.

Резюме.-Де-ла филология эротики.-Жаргон или жаргон проституции.-Происхождение этого жаргона.-Великая констатация *hic et hoc*.-Комментарий Ледушата к Рабле.-Эротика вербы аббата Ольнея.-Комический словарь Леру.-Ричность эротического языка в XVI веке.-Древние названия публичных девушек.-Синонимы, образованные от греческих, латинских, итальянских и т.д.-Синонимы, заимствованные из названий животных.-Синонимы, относящиеся к бродячей жизни проституток.-Те, которые относятся к их профессии.-Те, которые классифицируют их по категориям.-Лицензионные перифразы и игра слов.-Имена святых, девиц и порочных.-Добавления к номенклатуре аббата де л'Ольнэ.-*Les Femmes au court talon*.-Поговорки о проституции.-Уменьшительное от *Catherine*. Древние названия плохих мест: этимологии.- Древние названия паразитов проституции: этимологии.- Древние названия свах: этимологии.- Портрет старого сутенера, Франсуа Рабле.- Сибилла Панцуста и Масетта Регье.

ГЛАВА XXV.

Резюме - Легальная проституция сравнивается моралистом с "тайными частями социального тела" - Последние пережитки и трансформации религиозной проституции - Манихейство, водери и колдовство - Дьявольские метаморфозы больничной проституции - Инкубы и суккубы заменяют ларов и аграрных полубогов.-Святой Августин утверждает, а святой Иоанн Златоуст отрицает.-Мечты еврейских раввинов, принятые врачами Церкви.-Адам и его дьяволицы.-Сверхъестественное размножение первых людей.-Разновидности кошмара.-Мнение Гиберта де Ногента.-Сочувствие отца Костадау.-Этимология *инкуба* и *суккуба*.-Префект Муммолус.-Суккубы епископа Епархия -Инкуб матери Гиберта де Ногента -Посох и экзорцизм святого Бернара -Решение папы Иннокентия VIII.-Аскетическая жизнь, предрасположенная к атакам ефиальтов.-Доктрина казуистов о нечистых снах.-Армель Николя.-Анжель де Фолиньо.-Переписка сестры Гертруды с Сатаной.-Демон и девственницы.-Жанна Эрвиллер из Вербери.- Горячие инкубы и холодные инкубы.-Беспомощность их жертв.- Вызывание дьявола.- Дети, рожденные от дьявола.- Различие между инкубизмом и колдовством.- Агриппа и Виер.- Инкубы и суккубы, обсуждавшиеся в Академии в XVII веке.- Их поступки и действия, объясненные наукой и разумом.

ГЛАВА XXVI.

Краткое содержание.- О проституции в колдовстве.- Происхождение субботы.- Ночные состязания Дианы и Иродиады.- Капитулярный против стригоев.- Церковные законы.- Древнейшее описание субботы.-Действия дьявола, согласно допросам на процессах о колдовстве -Прибытие ведьм в субботу -Поклонение козлу -Оскорбительные жертвы дьяволу -Сверхъестественный грех -Субботный обход -Различные свидетельства в поддержку -Общеченная физиология сатаны.-Саббат Водери Арраса.-Саббат Гауфриди.-Нечистота ведьм.-Магическая кастрация.-Старые ведьмы.-Дьявольские метки.-Ведьмы Содомы.-Существование содомитов в аду.-Причины возникновения субботы.-Акциденция скотоложства.-Змеи из пещеры Норсии.-Собака монахинь Кельна и Тулузы.-Последствия демономании.-Истина об актах проституции колдовства.-Обоснование юриспруденции Средневековья.

ГЛАВА XXVII.

Резюме.- Проституция в ереси в Средние века.- Однородность ереси и чувственности.- Манихейство вновь появляется во всех ересах.- Тайные собрания.- Их цель и использование.- *Булгары* или *бугеры*.- Их доктрина.- Их уничтожение во Франции.- *Бугерия*.-*Патары* и *катары* - Этимология этих различных названий - Стадинги, фратрии, беггарды - Флагелланты - Их нескромные собрания - Нравственные преимущества флагелляции по мнению казуистов - Злоупотребление флагелляцией распутниками - Портрет флагелланта Пико делла Мирандола.-Публичные порки во Франции -Процессия *избиения* при Генрихе III -Новые адамиты -Их пророк Пикар -Брачный обряд пикардийцев -Турлупины -Происхождение этого названия -Их непристойная одежда -Братство *бедных* -Жеанна Дабентонн, сожженная заживо на Марше-о-Пурсо.-*Водерия* в Аррасе.-Анабаптисты.-Их догматы о проституции.- Байль высмеивает их и борется с ними насмешками.-Хорошие и плохие еретики.-Реформаты, оклеветанные из-за своих собраний.-Римский двор, называемый *Великой Проституткой*.- Гересь объявляет войну проституции.

ГЛАВА XXVIII.

Краткое содержание.- Старые проповедники излагают историю проституции своего времени.- Согласно Дюлору, проституция была пороком правительства.- Согласно Анри Этьенну, все идет от плохого к худшему.- Оливье Майяр, Мишель Мено, Жан Клере, Гийом Пепин и другие проповедовали для маленьких людей.Их обычные слушатели.- Продавцы в храме.- Количество публичных девушек в Париже в XV веке.- Восхищение поэта Антуана Астезани.- Влюбленные в церкви.- Проповеди читались на латыни или на французском языке?- Оливье Майяр в Сен-Жан-ан-Грев.-Выдержки из его проповедей и проповедей Мишеля Мено, касающиеся дурных мест, проституток, сутенеров обоих полов и развратных людей - Эти цитаты доказывают, что проституция сильно возросла при Людовике XI, Карле VIII и Людовике XII - Матери, продающие своих дочерей, и дочери, зарабатывающие на приданое.Макаронный стиль Менота.- Брокер любви и пять женщин.- Церковные развратники.- Наложницы с *хлебом и горшком*.- Тайны монастырей, согласно Теодориху де Ниму.- Каламбуры на кафедре итальянца Барлетты.- Причины прогресса проституции.

ГЛАВА XXIX.

Краткое содержание.- Суд - "знак нравственности народа".- Молодые подражают великим.- Злоба пошлых.- Бланш, мать Людовика Святого, и ее рыцарь Тибо, граф Шампанский.- Песня парижских школьников о легате.- Двор Франции при преемниках Людовика IX.- Песня башни Несле.- Добродетельный двор Карла V.-Развращенность двора Карла VI.-Смазка на турнире в Сен-Дени.-Портретная комната в отеле Барбетт.-Использование масок и развратной одежды.-Балет Ардентов.-Два августинца в отеле Турнель.-Проповеди Жака Леграна.-Гнев Изабеллы Баварской и ее двора.-Наказание ее фаворитов и соучастников.-*Маленькая королева* Одетта.- Любовные похождения герцога Орлеанского.- Сир де Канни и его жена.- Двор Карла VII и его забавы.- Горничная Фроменто.- Аньес Сорель спасает короля и Францию хорошим советом.- Четверостишие Франсуа Ier.- Парижане оскорбляют наложницу короля.- Придворные маскарады.- Момон.Праздник фуа и барбаториев.- Аргументы против маскарадов.- Праздник Конардии.- День невинных.- Оригинальное использование.- Одна эпиграмма Marot.- Либертинаж души.- Любовные советы.- Непристойный обычай брачной ночи.- Свадьба Эркюля д'Эста с Рене де Франс.- *Честь цитадели*.- Пилорический брак.

ГЛАВА XXX.

Краткое содержание.-Сочинения короля Людовика XI.-Личная жизнь женщин в Квинциевом веке.-Маргерита д'Экосс и Жаме де Тилле.-*Комментарии* Людовика XI.-Гаражи *хороших женщин*.-Скандальная хроника.-Мула кардинала Ла Балю.-Слуга Оливье Ледена.-Лек

Орлеанский и мадам де Божэ.-Карл VIII в Италии.-Непостоянство.- Суд над Людовиком XII и Жанной де Франс, его женой.- Цитаты из допросов сторон.- Анна де Бретань и *дамский двор*.- Людовик XII в Италии.- *Интендио* де Томассин Спинола.- Миланезы.- Доктрина дамы, де Жан Маро.- Сравнение между женщинами Ломбардии и женщинами Парижа.

ГЛАВА XXXI.

Краткое содержание.- "Галантные дамы" Брантома.- Посвящение королеве Маргарите.- Проституция при Валуа.- Франсуа I ^е, известный как *король с большим носом*.- Причины его первой экспедиции в Италию.- Его первая болезнь.- Похвала *дамскому двору*.- Его происхождение и использование.- Пример двора.- Король как сводник.- Стрижка оленей.- Постные дамы.-Непристойность языка и поэзии.-Ла демуазель де Таллар и папы.-Ла *красавица Хелли*.-Ла графиня де Шатобриан.-Фавор герцогини д'Этамп.-Маленький домик короля, улица Ирондель.-Проституция в эпоху кlemenции. -Диана де Пуатье и ее отец. -Жан де Броссе, супруг герцогини д'Этамп. -Ла красавица Ферронньер и др.

ГЛАВА XXXII.

Sommaire.- Проституция при дворе Анри II.- Логотип *прекрасных француженок*.- Диана де Пуатье, фрейлина короля.- Шифры и уловки Дианы.- Бриссак под литаврами.- Бонниве в хижине.- Ужасные развраты при дворе.- искусства коррупционеров.- Описание столов и статуй в королевских дворцах.-Непристойный кубок.- Фигуры Арэтена.- Библиографическое отступление об этой печально известной коллекции, гравированной Марком Антуаном.- Уничтожение листов и экземпляров книги.- Сумма Ж. Бенедикти.- Миниатюры во вкусе Арэтена.- Галерея графа Шатовиляна.

ГЛАВА XXXIII.

Краткое содержание.- Проституция в политике Екатерины Медичи.- *Летучий эскадрон королевы*.- Портреты почетных дам работы Брантома.- *Пасквиль* прекрасной Лимей.- Разврат дам и ласки.- Дигрессия на пояса целомудрия.- Их происхождение.- Их появление на Сен-Жерменской ярмарке.-Коррупция при дворе, которой благоволила Екатерина де Медичи.- Карл IX и Мария Туше.-Инцест королевы *Марго*.-Пип Сен-Бартелеми.-Великий кардинал Лотарингский и королева-мать.-Банкет в Шенонсо.-Свадьба ювелира Марселя.-Развратный язык.-Поэмы капитана Ласфриза.

ГЛАВА XXXIV.

Краткое содержание.- Эдикт 1560 года против проституции.- Упразднение Бордо.- Прекращение аренды по причине дурной нравственности.- Закрытие мест разврата в Париже.- Судебный процесс, возбужденный матушкой Кардин, гувернанткой Гюэлея.- Происхождение домов терпимости.- Парламентский декрет против притонов Шампань-Гайяр и Шамп д'Альбиак.-Ужасные бедствия сифилиса, вызванные проституцией.- Устранение *признаков* разврата.-Ле Грос-Кайю.-Лес руа де ла Корн.-Л'Энфер де ла мадам Кардин, и другие факты об упразднении Улье.-Лес рибод де л'арме.-Призраки проститутки в семидесятом веке.-Ла *куртизанка раскаялась*, Жоаким Дю Беллей.

КОНЕЦ ТАБЛИЦЫ.

- Подробное примечание к транскрипции -

В дополнение к исправлению ошибок, явно допущенных печатником, исправлены следующие ошибки:

- стр. 26: добавлено "du" в словах "l'auteur anonyme du Triumphe",
- с. 181 и 203, добавлено "Sommaire", как и в других главах,
- стр. 207, ";" заменено на ":" в "Lettres datées de Paris:",
- стр. 207, "бесчисленное" исправлено на "неисчислимое" ("une quantité innombrable"),
- р. 220, "troisième" исправлено на "quatrième" ("лучше принят четвертым"),
- стр. 322, "dell' Abbate" исправлено на "dell'Abbate" ("Николо дельи Аббате"),
- с. 324, "Аретин" исправлено на "Арэтин" ("Фигуры Арэтина"),
- с. 331, "biefvement" исправлено на "briefvement" ("я произношу это слово кратко").

Орфография не согласована.

Автор иногда сокращает стихи или добавляет строфы, как в случае со стихотворением на странице 53 ("Pour Amours balladent et riment"). Они остались в том виде, в котором были напечатаны.